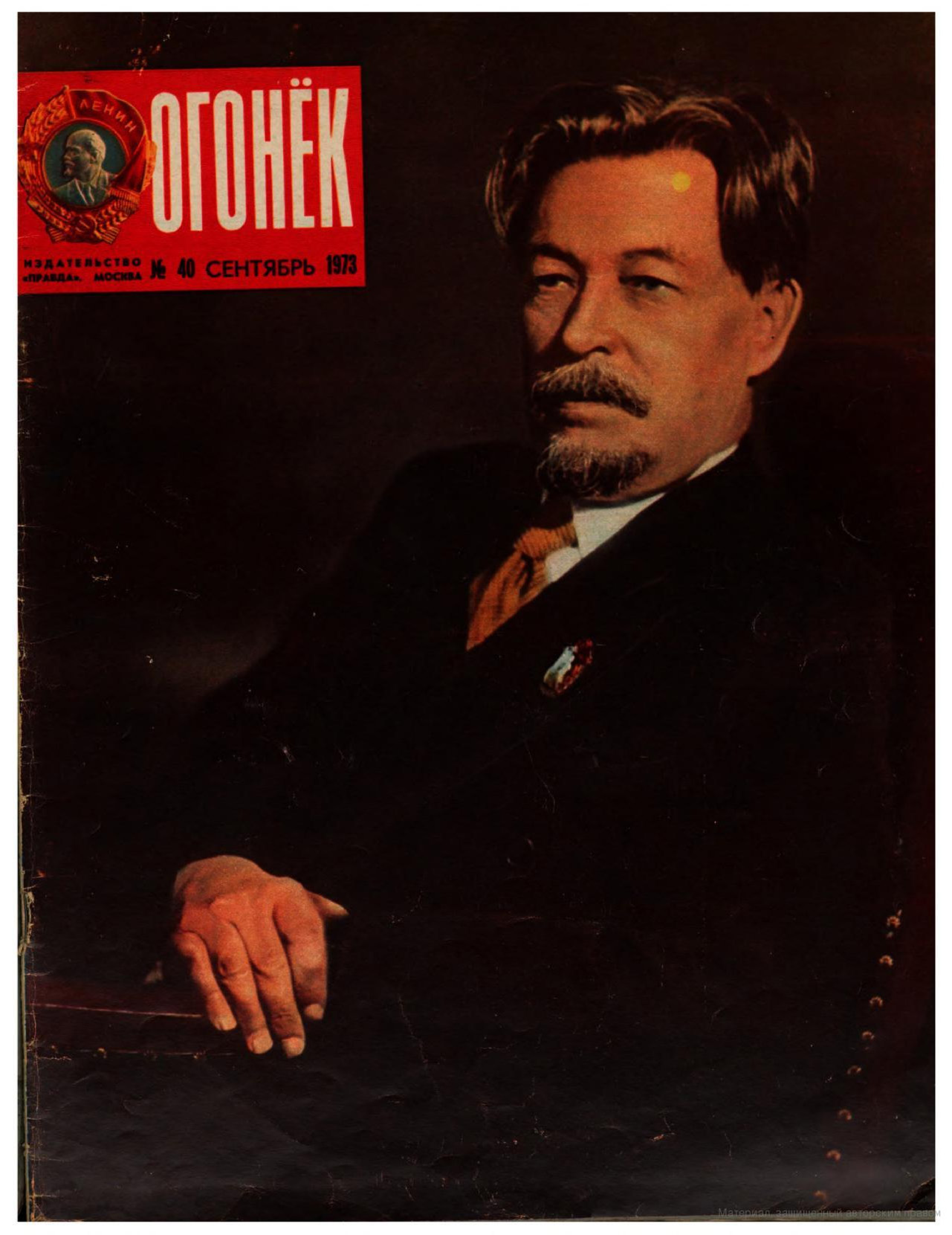

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА
№ 40 СЕНТЯБРЬ 1973
Материал, защищенный авторским правом

В ЕДИНОМ СТРОЮ—

ТАШКЕНТ. 24 СЕНТЯБРЯ. ВРУЧЕНИЕ УЗБЕКСКОЙ ССР ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 40 (2413)

29 СЕНТЯБРЯ 1973

«Расцвет советской Средней Азии, ее стремительное движение вперед — прямой результат ленинской национальной политики нашей славной Коммунистической партии».

(Из речи Л. И. Брежнева при вручении Узбекистану ордена Дружбы народов.)

Камиль ЯШЕН,
депутат Верховного Совета СССР, писатель

В эти дни в Узбекистане идет хлопковая страда. На всех полях республики тысячи людей, машин. Куда ни глянешь — белый океан хлопка, гордость нашей республики, итог великого труда братских народов, живущих в Узбекистане. В урожай вложен большой труд механизаторов, агрономов, председателей колхозов и директоров совхозов, бригадиров — всех мастеров хлопка. В эти дни на узбекских полях можно увидеть тысячи сборщиков. Как голубые корабли, среди белопенных волн плывут хлопкоуборочные комбайны. Прекрасная погода стоит сейчас в Узбекистане. Каждый день наращиваются темпы сбора хлопка. Именно в эти дни по Узбекистану пролетела весть о приезде Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Эта весть всколыхнула тружеников Узбекистана, окрылила их. Желание дать стране больше

К НОВЫМ ПОБЕДАМ

хлопка, перевыполнить взятые обязательства в социалистическом соревновании — вот что сегодня главное для хлопкоробов.

Я только что вернулся из своей родной Андижанской области. У меня перед глазами картина вдохновенного труда в Московском, Андижанском, Пахтаабадском и Избасканском районах. Вместе с писателем Хамидом Гулямом мы беседовали с передовиками сбора. У хлопкоробов отличное настроение. Они воодушевлены приездом Леонида Ильича в Узбекистан. Все хотят ответить на добрые слова Генерального секретаря нашей партии самоотверженным трудом по сбору высоких урожаев, с любовью выращенных в нашем крае. Андижанская область обязалась дать 600 тысяч тонн хлопка. На 20 сентября было уже сдано 210 тысяч тонн. Сейчас наступили дни, когда Андижанская область за сутки собирает 4,5 процента плана. Это небывалые цифры в истории области. По сравнению с прошлым годом андижанцы выполняют план с опережением на 10 дней.

В Избасканском районе мы разговаривали с бригадирами, которые рапортовали о выполнении годового задания. Оно уже выполнено. Сбор хлопка продолжается. Идет активное соревнование не только между районами, но и областями. Сейчас радостно видеть наши районы, знакомиться с цифрами выполнения их планов как по хлопку, так и по мясу, молоку, шелку, овощам, фруктам и другой продукции.

С особым энтузиазмом труженики Узбекистана собирают виноград, фрукты для рабочих Сибири и Дальнего Востока. Партийная организация Узбекистана возглавляет борьбу за урожай.

Мы беседовали с первым секретарем Андижанского обкома КПСС Б. Р. Рахимовым, знатоком сельского хозяйства, человеком, кажется, не ведающим устали. Я спросил его, что порождает такой трудовой энтузиазм. Рахимов ответил: «Это результат высокой сознательности, большой личной ответственности каждого труженика за общие успехи всего нашего государства. Народ полюбил современную сельскохозяйственную технику, люди поняли, что освоение техники — залог успеха. Хлопкоробы нашей области раньше страдали от того, что болезнь хлопка, вилт, уничтожала часть урожая, съедала его. Теперь, когда ученые Узбекистана вывели новый сорт хлопка «Ташкент-1», мы не знаем этого горя. Конечно, здесь играют роль и химия, и агротехника, и, главное, еще и еще раз энтузиазм и высокое сознание, ревностная любовь к труду».

Андижанская область — одна из частей Узбекистана, но можно смело сказать, что вот с таким высоким настроением встречали на своей родной земле Леонида Ильича Брежнева все трудящиеся республики.

Не забудутся минуты встречи на аэродроме, когда ташкентские пионеры преподнесли цветы дорогому гостю. Они горячо поздравляли Леонида Ильича с высокой наградой — присвоением звания Героя Народной Республики Болгарии. В этой награде мы видим братскую солидарность, дружбу наших народов, взаимоответственность народов социалистических стран.

Выступление Л. И. Брежнева на торжественном заседании в Ташкенте во время вручения ордена Дружбы народов взволновало каждого из нас — людей самых разных профессий: рабочих, колхозников, творческую и техническую интеллигенцию. Эта замечательная награда вдохновляет всех нас на высокий, от всего сердца отданный своей Родине труд.

Я не могу не вспомнить недавно закончившуюся V Конференцию писателей стран Азии и Африки. На этой конференции были литераторы, представлявшие 55 стран двух великих континентов. Нам было радостно слышать, как высоко наши братья по перу оценивают международную политику Коммунистической партии Советского Союза, Программу мира, выдвинутую XXIV съездом Коммунистической партии. Мы видели также, с каким интересом знакомились писатели Азии и Африки с жизнью трудящихся в наших республиках — Узбекистане, Казахстане, Таджикистане, Армении, Азербайджане. Яркие картины жизни советского народа раскрылись перед нашими гостями. Дружба — вот что объединяет народы Советского Союза, вот что привлекает взоры народов земного шара.

Отныне на знамени моего орденоносного Узбекистана будет вечно сиять орден Дружбы народов, зовущий нашу республику, равную среди равных в семье народов Советского Союза, на новые трудовые подвиги.

Дружба, братство, единство.

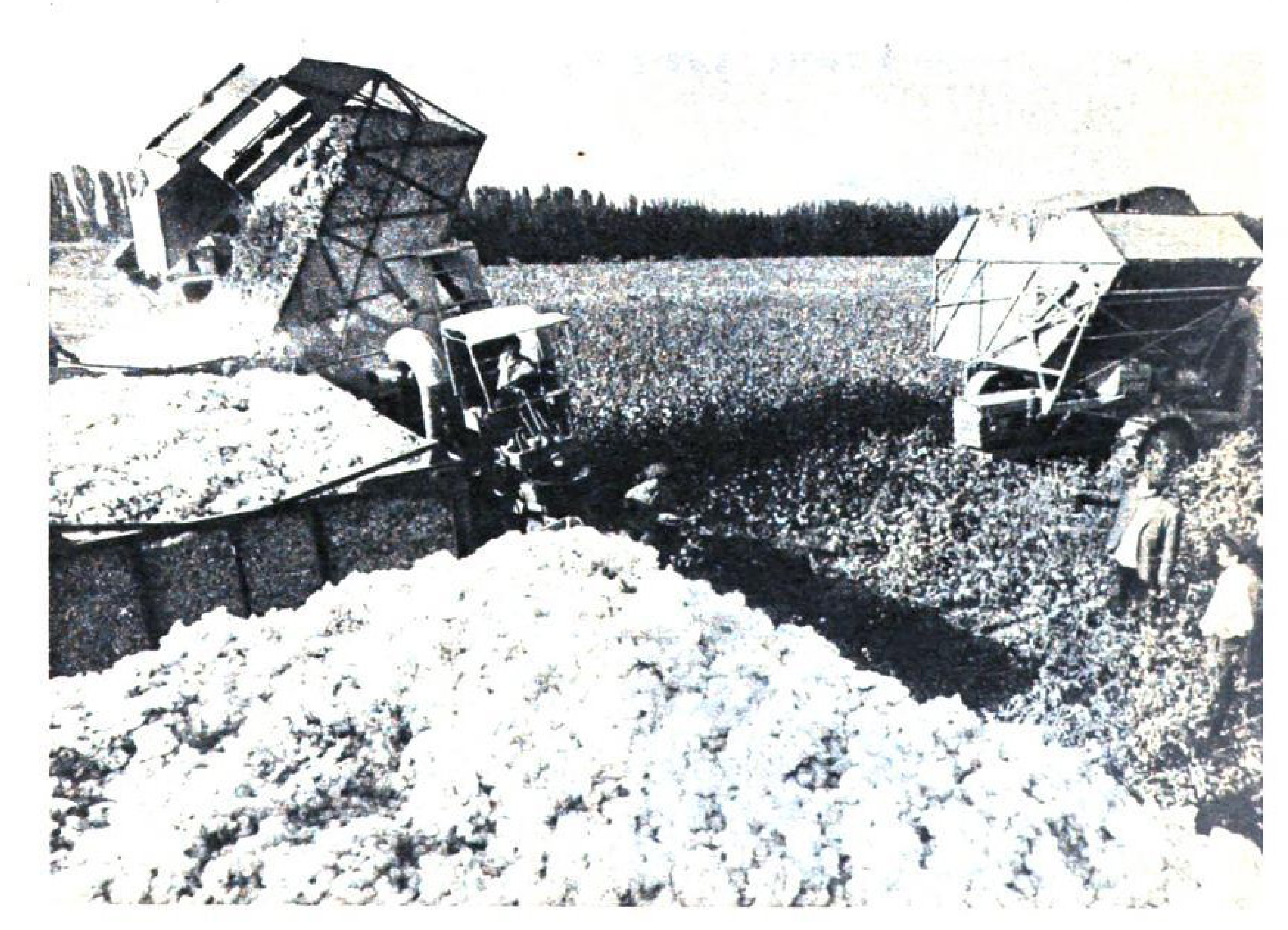
Знатные люди республики преподносят хлеб-соль дорогому гостю.

Механизированная уборка хлопка в колхозе «Ленинабад», Аккурганского района, Ташкентской области.

Фото В. Сваричевского.

ВИЗИТ А. Н. КОСЫГИНА В ЮГ

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ДРУГА

В дни скорби и гнева, когда на горячей земле Чили уничтожаются люди света, те, кто последние годы настойчиво строил новую страну, уничтожаются оборотнями в человеческом облике,— в эти дни вписалась в скорбную историю Чили 1973 года еще одна печальная, траурная страница.

Умер Пабло Неруда... Умер поэт-жизнелюб, яркий символ самой жизни во всех ее проявлениях, поэт, который сам был как песня новой, пробудившейся Латинской Америки. Умер поэт, который был и останется вечным певцом и своей родной земли и всего трудового человечества. Его герои, его образы — они словно бы росли из каменистой и вместе с тем благодатной, красивой земли Чили.

Еще в прошлом году в июне месяце, в чилийскую зиму, мы ехали вдоль Магелланова пролива и вдруг в машине по радио услышали чуть глуховатый голос Пабло Неруды. Все вокруг было в ту пору тревожным, все предвещало тяжкие события, и голос Пабло Неруды был также тревожным, словно в ожидании драматических событий. Самого Неруды в это время не было в Чили. В качестве посла он представлял свою страну во Франции. Мы уже знали: Пабло был тяжко болен... Болен неизлечимо. Но именно там, в Сантьяго, его близкие друзья рассказывали нам о том, как Пабло, впрочем, как всегда изобретательно и весело, отпраздновал свой очередной день рождения, отпраздновал в кругу близких друзей. В этом был весь Неруда. Для него как бы не существовало мрака, он верил в добро, верил в людей, верил в будущее.

В дни, когда на больничной койке в Сантьяго умирал Пабло, уже не было в живых одного из его самых близких и верных друзей — президента Чили, человека, который всю жизнь отдал служению своему народу, служению будущему,— не было Сальвадора Альенде. Он был убит мятежниками, расстрелявшими вместе с президентом и старую, обветшавшую буржуазную конституцию.

И невольно вспоминается сейчас 1958 год, и наше первое посещение Чили, и вечер, когда однажды Пабло Неруда пришел к нам в отель возбужденный, с горящими глазами и очень веселый. Руки у Пабло были в красной краске. Он сказал, что нес плакаты на демонстрации Фронта народного действия, демонстрации в поддержку кандидатуры Сальвадора Альенде на пост президента страны. Как известно, Альенде был избран президентом уже позже, не в эти выборы, но и тогда Неруда был уверен в том, что это случится, ибо чувствовал биение народного сердца, чувствовал наступление новых исторических событий в развитии его родной страны.

Пабло очень любил свой народ и очень верил в него. Все, что было написано Нерудой, это была всегда высокая поэзия, поэзия, насыщенная красками, запахами, голосами Чили, верой в ее будущее, гневом к темным силам, которые стояли поперек на пути к этому будущему. К тем самым силам, которые

ОСЛАВИЮ

24 сентября Белград радушно встретил члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, прибывшего с официальным дружественным визитом по приглашению Председателя Союзного исполнительного веча СФРЮ Д. Биедича.

В здании Союзного исполнительного веча начались переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Председателем Союзного исполнительного веча СФРЮ Д. Биедичем.

В ходе переговоров был рассмотрен широкий круг вопросов международного положения, представляющих взаимный интерес. Был начат обмен мнениями по вопросам экономического развития обеих стран, двусторонних советско-югославских отношений и перспектив их дальнейшего развития.

Переговоры проходят в атмосфере дружбы и взаимопонимания.

На снимке: во время переговоров.
Телефото В. Кошевого (ТАСС).

в эти дни, когда Пабло Неруда умирал на больничной койке, в Сантьяго расстреливали людей будущего, душили их и продолжают творить свое черное дело и в настоящее время.

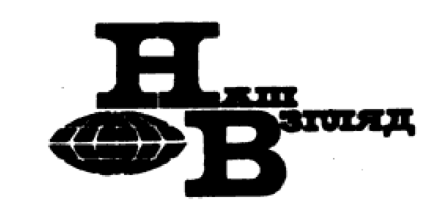
Человека можно убить, но нельзя убить поэзию, нельзя убить строки, обращенные и к своему родному народу, каждому человеку, каждому сердцу и ко всему человечеству.

Пабло Неруда был великим другом нашего народа. Он очень любил Москву, любил ее вечное движение, шум улиц, всплески весенних голосов. Он жадно прислушивался к голосам молодежи, шагавшей по московским улицам. И я помню его руки, которые трепетно держали прекрасное издание его прекрасных стихов и поэм, изданных в Москве.

Имя Пабло Неруды всегда будет звать на борьбу. Имя Пабло Неруды будет всегда символом самого светлого в человеке, и мы, прощаясь в эти скорбные и гневные дни с Пабло, верим в то, что его родина, которую так беззаветно любил он, очистится от грязи и мрака преступлений перед всем человечеством.

С нами всегда будет Пабло Неруда. Он будет с нами в строю, будет жить в мире всех народов, в котором когда-нибудь равным среди равных, свободным среди свободных будет жить чилийский народ.

Анатолий СОФРОНОВ

ОБОСНОВАННЫЕ НАДЕЖДЫ

Владимир ДМИТРИЕВ

Сегодня выросла и окрепла одна всеобщая, всечеловеческая надежда на мир, на жизнь без войны. Это не просто горячее стремление и заветная мечта, а надежда, имеющая под собой уже довольно прочную основу. Нынешние благоприятные перспективы для развития плодотворного международного сотрудничества, для дальнейшей разрядки напряженности — реальный общепризнанный факт. Прекратилась война во Вьетнаме, произошло улучшение советско-американских отношений, продвигается вперед общеевропейское совещание по безопасности и сотрудничеству... Этот вдохновляющий перечень можно продолжать и дальше.

Одна из главных причин благоприятных перемен в международной обстановке объясняется тем, что Советский Союз в сотрудничестве с братскими социалистическими странами настойчиво и последовательно проводит в жизнь Программу мира, выдвинутую XXIV съездом КПСС. Положенная в ее основу ленинская политика мирного сосуществования нашла себе новое яркое подтверждение в визитах Л. И. Брежнева в США, ФРГ, Францию.

Сегодня на многих языках с новой силой говорят об окрепшем стремлении человечества к миру и потому, что на днях открылась очередная, XXVIII сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Едва ли какая-либо из предыдущих сессий ООН проходила в более благоприятной обстановке! Принципы мирного сосуществования государств с различным социальным строем завоевывают все более широкое признание. На предыдущей, XXVII сессии Генеральная Ассамблея приняла резолюцию «О неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия». Этот документ завоевал широкое признание во всем мире. Теперь дело за тем, чтобы Совет Безопасности обеспечил полное осуществление этой резолюции. Говоря о ней, невозможно не вспомнить о советско-американском Соглашении о предотвращении ядерной войны, подписанном 22 июня этого года Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и президентом США Р. Никсоном. Этот исторический акт стал новым этапом на пути к предотвращению угрозы ядерной войны. Уместно также вспомнить и о том, что еще в 1963 году в Москве был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Многообещающим оказалось начало нынешней сессии Генеральной Ассамблеи. В ООН были приняты Германская Демократическая Республика и Федеративная Республика Германии. Это событие еще раз продемонстрировало масштабы тех существенных перемен к лучшему, которые происходят сегодня на международной арене.

Три года тому назад на своей XXV сессии Генеральная Ассамблея ООН по инициативе Советского Союза приняла Декларацию об укреплении международной безопасности. Несомненно, что участники проходящей сейчас сессии рассмотрят, как выполняется эта декларация. Как бы ни были велики успехи дела мира, есть на земле еще не разрешенные конфликты и проблемы, угрожающие безопасности народов. До сих пор тлеет опасный очаг на Ближнем Востоке. ООН в ряде своих решений разоблачила и осудила захватническую политику тель-авивских экстремистов. И бесспорно, что прочный мир в этом районе может быть установлен лишь на основе выполнения известной резолюции Совета Безопасности о выводе израильских войск со всех оккупированных арабских земель. Совершенная недавно новая провокация израильской военщины против Сирии еще раз напомнила о том, что агрессивный курс Тель-Авива представляет собой серьезную угрозу безопасности в этом районе земного шара.

Все больше и больше давно уже проржавевших атрибутов «холодной войны» выбрасывается на мусорную свалку истории. Но этот очистительный и оздоровительный процесс еще не закончен. В этой связи нельзя не сказать о положении в Корее. Пора прекратить вмешательство иностранных государств во внутренние дела Кореи под флагом ООН. Вывод иностранных войск из Южной Кореи и предоставление корейскому народу права самому распоряжаться своей судьбой — настоятельное требование времени.

Среди ста с лишним пунктов предварительной повестки дня сессии важное место, несомненно, займет проблема разоружения. Еще в 1971 году было выдвинуто советское предложение о созыве Всемирной конференции по разоружению. Оно нашло поддержку подавляющего большинства государств — членов ООН. В прошлом году сессия Генеральной Ассамблеи приняла решение о созыве Всемирной конференции по разоружению. Но у этой идеи есть и противники, которые всячески пытаются опорочить и загубить ее. Мировая общественность ждет от проходящей сейчас сессии практических шагов по созыву такой конференции.

Да, у народов земли есть обоснованные надежды на мир без войны и насилия. Долг Организации Объединенных Наций — оправдать эти надежды.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СЛОВО О ШОЛОХОВЕ

Прошло пятьдесят лет с той поры, когда в комсомольской газете было напечатано первое литературное произведение Михаила Шолохова — фельетон «Испытание» — и в советскую литературу вошел талант необычайно сильный и свежий. Рассказы М. А. Шолохова, роман «Поднятая целина», роман-эпопея «Тихий Дон» и другие произведения сразу после их появления овладевали сердцами миллионов читателей.

Сегодня имя Михаила Александровича Шолохова по достоинству занимает в истории советской литературы и всей мировой культуры одно из первых и почетнейших мест.

Журнал «Огонек», который связан с Михаилом Александровичем прочными узами многолетней дружбы, неоднократно обращался к произведениям писателя, публиковал на своих страницах высказывания советских и зарубежных литераторов, критиков, деятелей культуры о М. А. Шолохове, печатал очерки и репортажи, знакомившие читателей с жизнью, творческой и общественной деятельностью Михаила Александровича Шолохова — писателя, депутата Верховного Совета СССР, члена ЦК КПСС, академика, лауреата Ленинской и Государственной премий, лауреата Нобелевской премии по литературе. В очерках первого секретаря Ростовского обкома КПСС И. Бондаренко, писателя М. Андриасова и других авторов рассказывалось о родных местах великого писателя — станице Вешенской; в статье английского писателя Дж. Линдсея исследовалось новаторство творческого метода М. Шолохова; в статьях К. Приймы, Ф. Бирюкова говорилось о народности шолоховского творчества, о действенности произведений писателя, их связи с современностью, об изданиях «Тихого Дона» за рубежом.

От имени многочисленных читателей «Огонек» горячо поздравляет М. А. Шолохова с 50-летием его творческой деятельности и желает ему здоровья, бодрости, исполнения всех его творческих замыслов.

Скоро в издательстве «Правда» выйдет из печати подготовленный редакцией журнала «Огонек» сборник «Слово о Шолохове», в котором многие выдающиеся деятели мировой литературы и искусства выступают с оценкой значения творчества М. А. Шолохова, со словами приветствия в адрес юбиляра. Вниманию читателей предлагаются два фрагмента из этого сборника.

Я БЫЛА НА ШОЛОХОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Ясуэ МИЯКАВА
(Япония)

Впервые с творчеством Михаила Александровича Шолохова я познакомилась вскоре после окончания второй мировой войны, в 1946 году, в сожженном Токио. Прочла его дивный «Тихий Дон» в переводе г-на Мидзухо Йокота, и моим глазам представилась почти волшебная картина: полные очарования, неповторимые донские степи. Какие характеры я увидела в этих воспетых писателем степях! Ощутила могучую силу Великой русской революции!

...Мне говорили, что г-н Мидзухо Йокота переводил «Тихий Дон» целых шесть лет, уединившись в годы войны далеко в горах Японии. Роман «Тихий Дон» переходил из рук в руки. К нему жадно тянулись тысячи и тысячи людей, передавали читать знакомым, товарищам, друзьям — так и «зачитали» принадлежащий мне экземпляр...

Ясно помню и другое: лет пятнадцать назад, еще будучи студенткой, купила в магазине советской книги «Наука» тоненькую книжечку «Судьба человека». Японского перевода этого рассказа еще не было, и я читала ее, разыскивая каждое слово в словаре. Это было не так-то легко, но какими радостными и счастливыми были эти поиски! Теперь я понимаю, что при моих слабых способностях к иностранным языкам это было довольно дерзко и безрассудно — читать Михаила Шолохова на его родном языке. Но что я могла поделать с собой — уж очень мне хотелось прочесть эту вещь. Кажется, мне понадобился целый год, чтобы до конца прочесть и хотя бы чуточку понять потрясшую меня «Судьбу человека».

Многих слов в словаре даже не было, и о значении непонятных мест приходилось догадываться; впоследствии я поняла, что виной тому были своеобразные донские диалектизмы.

В июле 1969 года я приехала в Ростов, приехала только для того, чтобы увидеть так полюбившуюся мне землю чародея Шолохова, и очутилась на берегу шолоховского тихого Дона.

«Какая это жестокость — война»,— думала я. Сколько лютого горя принесла она людям! Андрей Соколов потерял любимого сына — мальчика Толю. Моему сыну сейчас столько же лет, сколько было Анатолию, и я хорошо понимаю трагедию шофера Андрея.

Фильм по рассказу «Судьба человека» не раз демонстрировался у нас, в Японии; вот и недавно, на радость миллионам японцев, его передавали по общеяпонскому телевидению.

Говорят, что он не пишет для детей. Не могу согласиться с таким утверждением. В 1963 году, десять лет назад, мне посчастливилось взять в руки книгу «Жеребенок» с рисунками художника Рудакова. Эта проникновенная короткая история Трофима, у которого в разгаре боев вдруг проснулась нежность к жеребенку, исполнена удивления и человеческой теплоты — будто видишь, как на запущенной земле поднялся одинокий, живительный росток пшеницы. С тех пор у меня возникло горячее желание перевести что-нибудь из произведений М. Шолохова специально для японских детей. Я остановила свой выбор на трех рассказах: «Нахаленок», «Чужая кровь», «Жеребенок». Перевела эти рассказы для серии избранных произведений мировой литературы, выпускаемых токийским издательством «Обунся» для младших школьников. Однако, еще работая над переводами, я задумала поехать в Советский Союз, непременно побывать на Дону: ведь в Японии так мало знают об этом чудесном крае. Вместе с фотографом мы приехали в город Ростов. К сожалению, встретиться с Михаилом Шолоховым мне не удалось: он был в далекой поездке.

По возвращении в Японию мне удалось связаться с господином Михаилом Шолоховым. Я была безмерно счастлива получить из России письмо от выдающегося писателя. Строки этого незабываемого короткого письма стали предисловием к моим переводам. Вот эти шолоховские слова, адресованные японским детям:

«Дорогие маленькие японские читатели!

Дети любой страны в тяжелые годы войн и революций живут особой, не совсем детской жизнью. Об этом я и написал рассказы, когда был еще молодым и детские воспоминания мои были ярче, стояли ближе ко мне во времени.

Если эти рассказы вам понравятся,— я буду счастлив; а вам, надеюсь, они принесут некоторую пользу в познавательном отношении.

Ваш М. Шолохов

10.10.69».

Произведения Михаила Шолохова оказывают огромное благотворное воздействие на читателей, заставляют всех глубоко задуматься над судьбой человека и над судьбой всего мира. Все три произведения писателя доступны для младших школьников, и вышедшая в свет книга пользуется большой популярностью.

Для детей постарше в издательстве «Сюэйся» вышли «Тихий Дон» и «Донские рассказы». Для взрослых «Тихий Дон» был впервые опубликован издательством «Наука» в 1935 году в переводе Сусуму Уэда. После войны этот роман был переиздан: в 1947 году также в переводе Сусуму Уэда, а в 1950 году — в переводе Мидзухо Йокота. Впоследствии издательством «Кавадэ сёбо» он был включен в серию лучших произведений мировой литературы, а также в аналогичную серию издательства «Синтёся».

Рассчитанное на самого массового японского читателя, издательство «Кадокава бунко» предприняло публикацию «Поднятой целины», «Судьбы человека», глав романа «Они сражались за Родину», а также «Тихого Дона» в переводах таких первоклассных специалистов по советской литературе, как Итиро Харахиса и Такуя Хара.

Как радостно мне читать и нести в моих переводах золотое слово Шолохова в гущу родного народа! И еще радостнее от сознания, что самым популярным в Японии советским писателем является он, поистине волшебник слова — наш друг, великий гуманист Михаил Александрович Шолохов...

Токио.

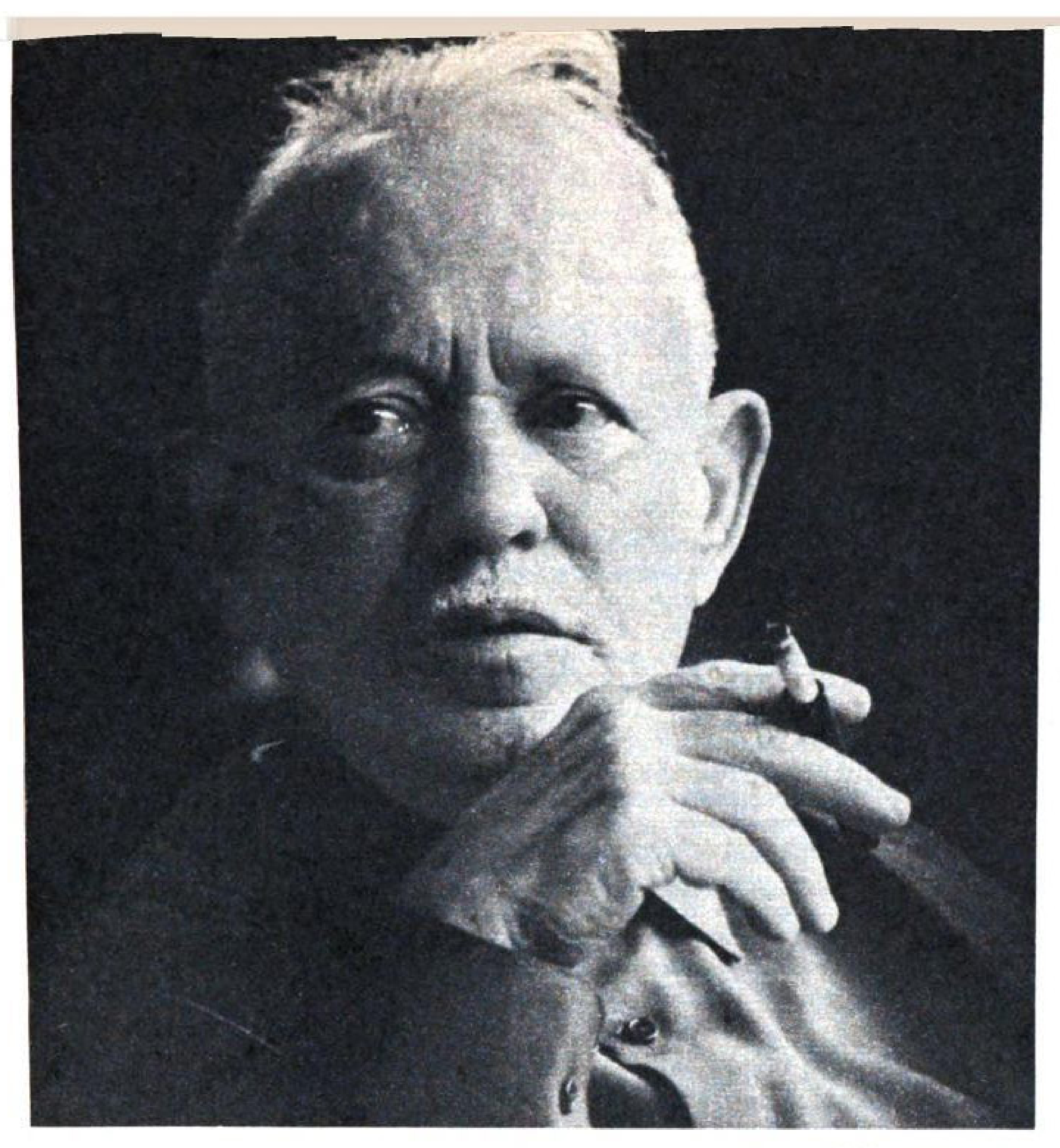

Фото Н. Козловского.

УРОКИ ШОЛОХОВА

Валерий **ГАНИЧЕВ**, директор издательства «Молодая гвардия»

...В 1965 году перед открытием Ростовской областной комсомольской конференции «на совет» к Михаилу Александровичу прибыли ответорганизатор ЦК ВЛКСМ В. Поляничко, секретарь обкома комсомола В. Бородачев, редактор областной молодежной газеты «Комсомолец» А. Царев.

Сердечный разговор шел в тот вечер в станице Вешенской.

— Я ведь, ребята, не был в комсомоле,— сказал Шолохов.— Рано повзрослел: продкомиссар — это «взрослая» должность... Потом уже вступил в партию. Некоторое время работал в «Журнале крестьянской молодежи» литературным сотрудником, был в группе «Молодая гвардия». В нее входили Безыменский, Жаров, Фадеев, Герасимова, Голодный, Светлов, Колосов... Сейчас всех не вспомнишь. Семинары тогда у нас вели и другие люди, подчас сугубо формалистического толка, но это на нас не сказалось: мы шли в литературу своими путями...

В день открытия областной комсомольской конференции М. А. Шолохов направил делегатам телеграмму, настоящую декларацию любви и требовательности: «Мы — старшее поколение коммунистов — крепко любим вас и потому, что видим в вас нашу милую, но уже ушедшую боевую революционную молодость, и потому, что рядом с нами живете и созидаете в настоящем, а главное — потому, что вы наша негаснущая надежда в грядущем светлом будущем. Как видите — любим мы вас в трех измерениях, очевидно, поэтому и любовь наша к вам и ревнива и требовательна».

У него никогда не было ни этакой величавой снисходительности к молодежи, ни стремления простить ей недостатки. Это любовь бывалого воина-полководца, отправляющего в ратный путь своих сыновей и требующего, чтобы в их походном снаряжении все было подогнано, целесообразно и готово к бою...

Шолохов утверждает: «С молодежью... надо говорить с открытым сердцем, тогда можно найти общий язык», «Я люблю молодежь... И смотрю на молодежь с надеждой, как на яблоню в цвету, когда от нее ждешь первых плодов». Эти слова адресованы молодым литераторам, но их с полным правом надо отнести ко всем юным современникам писателя. И не удивительно, что советская молодежь пользуется у Шолохова особой привилегией. Он радушно принимает юношей и девушек, отрываясь от писательских дел.

...Делегации молодежи приезжают непрестанно. Большой разговор состоялся у писателя со школьниками Ростова, Новочеркасска, Миллерова, многих районов Дона, с учащимися межрайонной школы-интерната Махачкалы. Вопросы в тот вечер, проводившийся в зале Вешенского Дома пионеров, следовали один за другим. Ребята слушали советы, записывали, объясняли свою точку зрения, интересовались, что думает по этому поводу писатель. Аварка Асият Алакова, учащаяся Махачкалинской школы-интерната, спросила писателя о том, как можно представить подвиг молодого человека в наши дни, не мало ли для него возможностей сегодня.

— Мне думается, хорошо прожить жизнь,— ответил писатель,— с пользой для общества — это тоже подвиг. Честно работать, честно идти по избранному пути; честная работа на полях, в колхозах, в совхозах, на производстве — это тоже миллионы маленьких подвигов.

Гости поинтересовались, что думает писатель по поводу точки зрения, которую иногда выражают представители старшего поколения,— что будто молодежь стала не та, не тот комсомол... Михаил Александрович сказал, что старикам свойственно утверждать, будто в их времена все было лучше.

— Молодежь наша в основном хорошая, она всегда была и всегда будет героической. Конечно, и среди молодежи есть люди, отравленные незаметной и ядовитой западной пропагандой... Кое-кому хотелось бы посеять среди вас чувство неверия, скептицизма, равнодушия к действительности. Мы твердо знаем, что «ничьей» молодежи не может быть. И если мы не будем владеть вашими умами, то ими овладеет наш противник. И не в наших интересах отдавать вас, таких хороших девчонок и ребят, в чьи-то чужие руки.

Надо воспитывать патриотизм,— говорил Михаил Александрович,— с ползункового возраста, с детского сада. Тогда человек пронесет любовь к Родине через всю жизнь, сохранит ее во всех испытаниях, он поймет, что ничего новее, ничего человечнее идеи коммунизма на свете нет. К идейной убежденности в борьбе за наши идеалы необходимо прилагать физическую закалку, практические навыки. Надо быть в состоянии постоянной бдительности и готовности давать отпор любым проискам агрессивных, реакционных кругов империализма.

В шолоховском внимании к молодому поколению особенно радует отношение к литературной смене. Его совет и доброе слово поддержали многих молодых литераторов.

«Не только по долгу службы, как секретарь Союза писателей по работе с молодыми, но и по **велению души** пришел я на эту встречу с вами» — такими словами Шолохова началась встреча с участниками Болгаро-советского клуба молодой творческой интеллигенции, обсуждавшей вопрос ответственности художника перед историей и народом.

Традиция Ленинского комсомола — всегда поддерживать тех, кто приходит в литературу молодым, приносит в нее опыт и дыхание своего поколения. И тут комсомол постоянно обращается к авторитету и таланту выдающегося писателя. Навсегда запомнятся молодым литераторам дружеские встречи на Дону в 1967 и 1969 годах. Уроки Шолохова стали уроками жизни, творчества, общности идей для молодых советских писателей и их коллег из социалистических стран. Это не были встречи-поучения. Это был страстный разговор друзей.

Михаил Александрович долго беседовал с первым космонавтом. Юрий Алексеевич Гагарин делился с ним своими первыми ощущениями в космосе. Гагарин выступил перед заполнившими всю станичную площадь вешенцами. Вся Земля едина и охватывается одним взором — это новое чувство принес на Землю он, первый человек космоса. Но пока здесь, на Земле, если охватить ее глубоким, философским взглядом писателя, жизнь предстает полной противоречий и борьбы, а человечество еще далеко не едино и еще не преодолело барьеры отчуждения классов и наций. Вот почему и молодому писателю важно выковать в себе качество борца, качество революционера-преобразователя.

— Я требователен к молодежи,— говорил Шолохов,— и у меня есть к этому основания. В семнадцать лет в этих степях я уже стоял во главе продотряда в 270 штыков. Именно тогда стал коммунистом по убеждению. И всегда буду гордиться тем, что принадлежу к великой большевистской ленинской партии. Давайте же подумаем,— обратился он к молодым,— как будем служить своему народу.

...Нельзя представить Шолохова писателем одного поколения. Нет, он принадлежит всем. Но для социального вызревания молодежи важен тот великий мотив ответственности перед обществом, перед Коммунистической партией, перед будущими поколениями, который наполняет революционную деятельность молодого питерского рабочего Семена Давыдова и его боевых друзей, важна та великая жажда жизни, которой отмечены шолоховские герои.

Миллионы молодых читателей платят любовью и уважением писателю за его мудрость, ясность мысли, глубокую народность, яркую эмоциональность, партийную принципиальность. Они чувствуют в героях «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Судьбы человека» ту великую силу духа, те постоянные поиски истины, которые делают их современниками любого нашего поколения.

«ЭТОТ ПУТЬ — УЧЕБА»

А. И. Берг Фото Дм. Бальтерманца.

Отшумела пора экзаменационных волнений. Школьники и студенты вновь сели за столы и парты — начался еще один учебный год.

Правильно ли выбрана будущая специальность! Не разочаруют ли первые лекции! Как организовать свою учебу тем, кто работает и учится одновременно! Что делать, если не прошел по конкурсу в избранный институт, а в другой идти не захотел! Как быть вчерашним школьникам, которые проходят службу в армии, не поздно ли поступать учиться потом! Эти жизненно важные вопросы стоят перед молодежью.

Чтобы помочь нашим молодым читателям найти свое место в жизни, мы попросили писательницу Ирину Радунскую побеседовать на эту тему с одним из видных ученых-педагогов, которому в эти дни исполняется восемьдесят лет, ГЕРОЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, ИНЖЕНЕРОМ-АДМИРАЛОМ, АКАДЕМИКОМ АКСЕЛЕМ ИВАНОВИЧЕМ БЕРГОМ.

— Молодых людей, вступающих в самостоятельную жизнь, не может не волновать вопрос, как распознать свой талант, как правильно выбрать специальность. У Вас богатейший опыт преподавания, общения с молодежью, что Вы можете сказать по этому поводу!

— Здесь две темы. Связывать их не следует. Талант на девяносто процентов создается трудом. Трудом накопления информации и трудом осмысливания ее. Трудом использования этого накопления в новой, неизведанной области. И пока эта работа не завершена, распознать свой талант, по-моему, нельзя. Иное дело — гениальность. Гений — необычайное дарование, выдающаяся способность — говорит о себе сам. Его не нужно специально распознавать. Таков гений Пушкина, гений Моцарта, гений Ломоносова. Я упомянул об этом, чтобы подчеркнуть необычность такого явления, как гений.

Напротив, талант не является следствием исключительного дарования. Он может и должен быть сформирован. Конечно, вопрос, который мы обсуждаем, не относится к области точных наук, и, оценив долю труда в формировании таланта на уровне девяноста процентов, я не претендую на особую точность. Какая-то часть остается на долю индивидуальных способностей. Дальтоник, например, не должен пытаться стать художником, страдающий близорукостью не имеет шансов выдвинуться в точной механике и не должен стремиться стать летчиком. Профессия учителя или шофера связана с большой нервной нагрузкой. Все это ясно каждому.

Выбор специальности зависит и от состояния здоровья, и от индивидуальных склонностей, и от общественных потребностей. И в какой-то мере от конкретных условий, которые возникают в момент, когда приходится принимать решение.

Мне кажется, что неувлекательных специальностей нет. Есть лишь пассивные люди, неспособные увлечься тем, что перед ними. Ведь в любой области деятельности есть нераспаханные пласты, нерешенные проблемы. И живой, деятельный человек всегда найдет себе поле деятельности там, где ленивый мечтатель увидит лишь скуку. Трудолюбие — мать таланта, а значит, оно ведет к успеху и признанию.

В Москве, Ленинграде, Харькове и в ряде других городов уже существуют, действуют учебно-производственные центры. Это хорошо оборудованные «комбинаты», в которых квалифицированные педагоги, мастера производственного обучения знакомят старшеклассников с десятками различных специальностей. Здесь можно не только определить свои склонности, но и к моменту окончания школы получить квалификационный разряд токаря или фрезеровщика, сварщика или ткача, чертежника или программиста, секретаря или телеграфиста, скорняка или повара.

Главное здесь — в отличие от школьных мастерских, которые поневоле узкоспециализированны,— в возможности сознательного выбора, основанного на личном опыте. А это самое главное. В выборе специальности по душе — залог плодотворной и радостной жизни человека, его счастья.

— А что делать тем, кто выбирал специальность, казалось, по душе, сдал экзамены, поступил в институт и с горечью понял, что ошибся! Ведь и так бывает.

— Да, бывает. К сожалению, многие не могут заранее точно определить свои способности, а склонности иногда изменяются. Жизнь есть жизнь.

Я, например, в молодости увлекался астрономией, близкой к моей специальности штурмана. После Октябрьской революции, когда наша подлодка вошла в док, я некоторое время учился на бухгалтерских курсах. Весной 1918 года поступил на экономическое отделение Политехнического института, а осенью того же года, когда окончилась летняя навигация, перешел на физико-математическое отделение Петроградского университета. Лишь много позже я понял, что мое призвание — радиотехника.

Это не значит, что каждый должен, подобно мне, действовать методом проб и ошибок. Тогда было более трудное время. Учиться приходилось урывками. Не сомневаюсь, доведись мне сразу окончить экономический факультет или стать математиком, я увлекся бы любой из этих специальностей. Ведь и экономикой и математикой я много и с интересом занимался в недавние годы, когда главной областью моей деятельности стала кибернетика.

И все-таки скажу: неинтересных специальностей нет. Есть, к сожалению, инертные люди, не умеющие обнаружить изюминки в своем деле. И если ты уж рвался именно в этот вуз, не спеши разочаровываться в избранном деле, постарайся найти в нем изюминку. Нет, тут дело не в старозаветном «стерпится — слюбится», а в том, чтобы посмотреть изнутри на ту работу, которой будешь заниматься всю будущую жизнь. И спешить в переходе из института в институт не стоит.

— «Я не прошел по конкурсу в институт, что теперь делать!» Так часто начинаются письма в редакцию. Что Вы могли бы посоветовать в этом случае!

— Учиться. Не сидеть же без дела до следующего конкурса! Учиться, чтобы приобрести специальность. Ведь средняя школа дает только элементарные трудовые навыки, достаточные лишь для ограниченного круга профессий. Придется учиться на рабочем месте или поступить на какие-нибудь краткосрочные курсы. И поработать! И, главное, не чувствовать себя «неудачником».

Полезно помнить, что великий математик А. Пуанкаре провалился именно на экзамене по математике. Но настойчивость и трудолюбие позволили ему добиться своего. И таких примеров можно привести очень много.

Но далеко не все, подобно Пуанкаре, сразу верно оценили свои склонности. Кстати, во время вынужденного тайм-аута (если позволительно применять здесь спортивную терминологию) можно еще раз внимательно подумать о будущей специальности. И не исключено, что мечтавший стать геологом ощутит влечение к морю или строительству мостов. Мало ли чем вкусы зрелого человека отличаются от пристрастий юности!

— «Мне скоро призываться в армию. Смогу ли я успешно учиться после такого перерыва!» — спрашивают многие читатели.

— Этот вопрос мне тоже задают часто. И многие, задав его, добавляют: «Конечно, мой отец пошел на фронт, не окончив школы (вуза), но тогда была война. Я тоже поступил бы так же! Но теперь...»

На этот вопрос я могу ответить, опираясь на свой личный опыт.

Я рано остался сиротой. Меня отдали в Кадетский корпус, чтобы сделать кадровым офицером. Казалось, мое будущее неотвратимо определено. Но я увлекся морем и сумел пе-

И. Симонов (Свердловск). КОТЛОВАН.

Выставка произведений, награжденных медалями Академии художеств СССР.

Н. Кузнецов. РУССКАЯ КРАСАВИЦА.

Художественная выставка «По родной стране».

рейти в Морской корпус. Это не избавило меня от офицерского будущего. Но служба на флоте казалась мне привлекательнее армейской казармы. Потом первая мировая война. Авария на подводной лодке. Тяжелое отравление ядовитыми газами.

Великая Октябрьская революция. Флот принимал в ней самое активное участие.

Матросы вместе с питерскими рабочими штурмовали Зимний дворец, а потом отстаивали революцию на всех фронтах. На немногих оставшихся в строю подводных лодках мы охраняли морские рубежи нашей Родины, ставшей единственной в мире Страной Советов. До сих пор не прерывается дружба с моряками, которые плавали на «Пантере» и других подлодках. В те нелегкие годы мы сами ремонтировали свои лодки, восстанавливали такие, которые, казалось, обречены на переплавку. И учились! Учились урывками между боевыми походами и ремонтными работами.

Уже в мирное время мне было поручено восстановить самую мощную подлодку Балтфлота «Змея». В октябре 1921 года меня назначили ее командиром. В следующую навигацию во время учебного похода произошло несчастье. Неисправный механизм оторвал мне фалангу пальца. Восемнадцать часов продолжался поход. Задание было выполнено, но я попал в больницу с заражением крови. Пустяковая травма осложнилась сепсисом, здоровье, уже подорванное отравлением и многолетним перенапряжением, не восстанавливалось. Медкомиссия в конце 1922 года отчислила меня из плавания.

Мне шел тридцатый год. Я казался себе стариком. Молодость действительно осталась позади. Что было делать? Я избрал путь, которым, по моему глубокому убеждению, должен идти каждый. От ранней молодости до глубокой старости. И только потому, что сам шел этим путем всю жизнь, я рекомендую его вам. Этот путь — учеба!

Вот мой ответ: служба в армии, в Советской Армии, не помеха учению. Служба в армии — одна из форм учебы, технической, политической, нравственной. Служба в армии — один из лучших путей быстрого развития всех способностей молодого человека. Армейская служба — залог физического и морального возмужания. Армейская мужская дружба, самодисциплина, умение принимать решения, чувство долга — все эти ценности остаются на всю жизнь. Я, старый человек, могу это сказать определенно.

— В печати часто появляются статьи о программированном обучении, об обучающих машинах. Что это за машины? Заменяют ли они учителя?

— Программированное обучение — один из современных методов, при котором используются специальные электронные устройства. Их иногда называют «обучающими машинами». Они должны обеспечить анализ хода обучения каждого ученика и автоматическое согласование программы обучения с ходом учебы. Специалисты называют это обратной связью: результат каждого пройденного этапа учитывается при планировании следующего шага. Так, по существу, поступает каждый учитель. Но, если учитель имеет дело с 30—40 учащимися, он не в состоянии уделить каждому необходимое внимание, и темп учебы замедляется. Ведь в ходе учебы пара учитель — ученик должна действовать в неразрывной связи.

Задача обучающей машины — разгрузить учителя так, чтобы он активно включался лишь в ключевые пункты учебного процесса.

Технические средства улучшают процесс обучения, делают его более эффективным, развивают активность учащихся, помогают им в учебе, освобождают педагога от части его нелегких обязанностей. Но они отнюдь не приведут к замене педагога какой-либо «сверхмашиной». Этого и не нужно. Освобожденный от массы второстепенных обязанностей, педагог сможет более полно отдаться творческой стороне своей профессии. Его контакты с учениками станут более свободными, он сможет уделить каждому ученику больше времени и внимания, а это, сами понимаете, как раз то, что так необходимо в диалоге ученик — учитель.

ПРИЧАСТНОСТЬ ЭПОХЕ

Однажды Евгения Книпович написала: «Критик не только вправе иметь свою идейно-эстетическую позицию, но и отстаивать ее со всей страстью... выражать свое «да» или «нет». И все ее творчество подчинено этому принципу. У нее я не встречала туманных оценок и завуалированных выводов.

Мне приходилось встречаться с Евгенией Федоровной на заседаниях и съездах, в редакциях газет и журналов. И везде, всегда Книпович ровна, по видимости спокойна, всегда принципиальна и целеустремленна. Вот о ком можно сказать, что литература для нее — жизнь.

Мы много — и это естественно — говорим теперь об интернациональной теме в литературе. Евгения Книпович — одна из тех, кто в своих критических и литературоведческих работах развивал всю жизнь принципы советского патриотизма и интернационализма. Подчеркну эту широту критика, широту его мировоззрения и поразительную эрудированность.

Евгения Книпович много занимается зарубежной литературой, германистикой, выступает на симпозиумах и форумах с неизменной убежденностью, с внутренней сдержанной страстью отстаивая и социалистический мир и социалистическое искусство. Генрих Гейне, Лион Фейхтвангер, Томас Манн, Бертольт Брехт, Арнольд Цвейг, Франц Фюман, Анна Зегерс — вот о ком пишет Евгения Книпович. Примером широты ее взглядов и объективности суждений служит убедительная статья о Франце Кафке, пожалуй, одна из первых в нашей литературе, посвященная австрийскому писателю. Серьезный и — снова употреблю это слово — убедительный анализ противоречий одного из самых сложных писателей начала века. Вспоминая тех, кто сегодня клянется именем Кафки, осуждая доморощенный современный модернизм, Книпович пишет: «...В абсурдных гротесках его подражателей не чувствуется горечи самоосуждения, боли за униженность человека, которые и делают творчество Кафки пусть ограниченным, но документом эпохи».

Сложнейшим явлениям западной литературы XX века посвящен и недавно вышедший в свет сборник статей Евгении Книпович «Ответственность за будущее». Начинается он статьей «Читая Ленина». Ленинизм эстетики — кредо автора. Это ясно читателю интереснейшей и глубокой книги.

В работах о современниках — личное восприятие эпохи. Лирика. Ведь эпоха, скажем, Ольги Форш или Александра Блока — это эпоха и Евгении Федоровны, это ее молодость, не молодость человека, уже делавшего свои первые шаги в литературе. Однако, как ни привлекателен лиризм, одного его было бы мало. Своих современников критик рассматривает как явление эпохи, истории. Историзм взгляда и мышления Книпович отлично прослеживается в работах о «Русском лесе» Л. Леонова, «Поднятой целине» М. Шолохова, о творчестве А. Фадеева, Н. Тихонова и, конечно же, М. Горького.

В этом огромная ценность работы критика, который в одном строю с писателями-современниками.

Лидия ФОМЕНКО

ГАСТРОЛИ

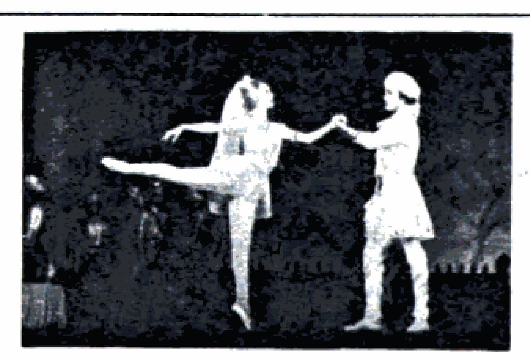
ПРАВО НА ПОИСК

Закончились гастроли балетного коллектива Государственного ордена Трудового Красного Знамени академического Большого театра Узбекской ССР имени А. Навои. Театр показал в Москве много интересного: «чистую» классику; спектакли, где значительное место занимает национальная хореография, и, наконец, постановки, которые следует отнести к современному балету... Надо сказать, что мастерство и высокая хореографическая культура солистов и кордебалета дают театру право на столь широкий творческий поиск, хотя, конечно, успехи коллектива не равнозначны на каждом из этих направлений.

Начнем с классики. В балете Адана «Жизель», поставленном И. Юсуповым, партию Жизели исполняет народная артистка СССР Б. Кариева. Вдохновенно выражена ею в движении духовная сущность героини. Трудно говорить о каких-то отдельных компонентах искусства Кариевой, ибо все в ней — танец, все в ней — музыка...

Хореографию спектакля «Амулет любви» постановщик Галия Измайлова складывает из форм национальных танцев — индийского, узбекского и цыганского... Однако же партии главных героев — Сохани и Мирзы — Г. Измайлова выстраивает в формах танца европейского, классического, лишь объединенного с элементами индийских и узбекских танцев. Любопытный синтез форм — классических и национальных — в спектакле присутствует, но классика при этом все же несколько проигрывает.

Немало способствовал успеху этого спектакля художник Мусаев, создавший декорации с глубоким проникновением в самый дух древней легенды о любви и гибели индийской девушки и узбекского юноши.

«Амулет любви»: народная артистка СССР Б. Кариева и артист А. Абдурахманов.

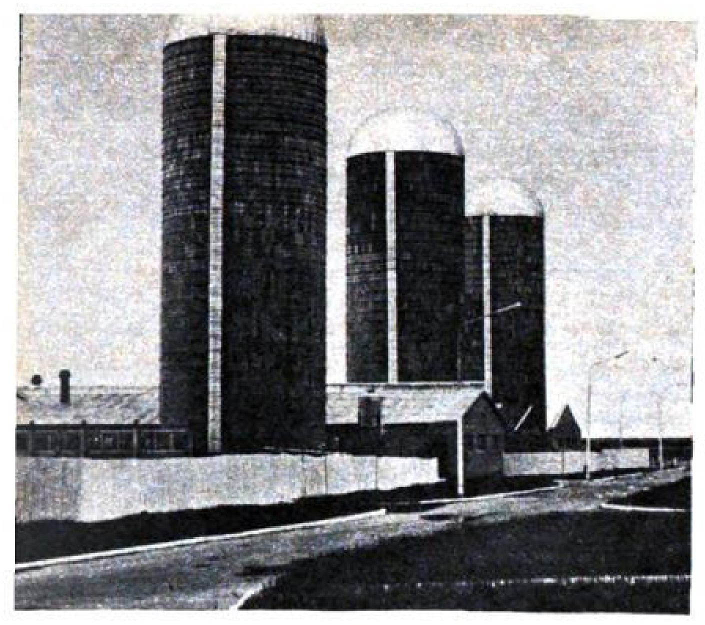
В заключение — об одноактных балетах «Кармен-сюита» и «Барышня и хулиган», поставленных Н. Маркарьянцем.

Сложная работа над образами «Кармен-сюиты», быть может, еще не полностью закончена театром, зато «Барышня и хулиган» представляется спектаклем сложившимся, целостным... Вновь очень разнообразной и точной в раскрытии самых тонких оттенков чувств показала себя в главной роли Б. Кариева. Ее партнер В. Васильев также доносит до зрителя «диалектику души» своего героя. Остроумно и красочно решены массовые сцены, изобретательны и неожиданны декорации (художник Г. Юнгвальд-Хилькевич).

Выступления артистов узбекского балета, несомненно, говорят о мастерстве и творческой смелости... Конечно, поиск редко обходится без потерь, но интересных, ярких находок у Театра имени А. Навои гораздо больше.

Елена РЯБИНКИНА,
заслуженная артистка РСФСР

Фото И. Шапиро.

Животноводческая ферма колхоза имени С. М. Кирова.

ОРИЕНТИРЫ

Д. БОЛЬШОВ
Специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

В коротком телефонном разговоре первый секретарь Витебского обкома партии Сергей Михайлович Шабашов пообещал показать мне «кое-что» из того нового, что создано за последний год во многих колхозах области. Под «новым», как я понял, подразумевалось прежде всего внедрение современной технологии и техники, автоматизация многих видов сельскохозяйственных работ и управления производством, благоустройство трудового быта. Ну и, конечно, новые формы производственных связей колхозов и совхозов.

В самых общих чертах мне уже рассказывали о первых шагах вновь созданных территориальных межколхозных объединений, но сведения в основном были не только разноречивы, но и поверхностны. С тем большим интересом я ожидал информации из «первоисточника».

От «края» Оршанского района, то есть от его границы с Могилевской областью, где мы и встретились с Сергеем Михайловичем, путь до ближайшей новой молочнотоварной фермы колхоза «Ленинская искра» оказался недолог — считанные минуты езды по хорошей асфальтированной дороге. Никаких разъяснений за это время получить не удалось, и первые впечатления оказались неподготовленными, но зато более непосредственными и неожиданными.

...Как-то не приходилось мне раньше слышать эпитет «красивые» в применении к животноводческим сооружениям. Прежде всего оценивалась добротность построек, их производственная рациональность, чистота, уровень механизации работ. В данном случае пришлось изменить привычному подходу.

Да, они действительно красивы, эти мягко освещенные лучами утреннего солнца изящные серебристо-серые сенажные башни, увенчанные блестящими куполами, напоминающими конструкции астрономических обсерваторий. Монументальность башен, четкая и лаконичная архитектура построек, клумбы и аккуратно подстриженные газоны, асфальтированные дороги, современные светильники, живописные скверики с еще не разросшимися деревьями и кустами сирени — все это не доводилось встречать раньше на животноводческих фермах Витебщины. Конечно, это впечатление первое. Но чем больше посещаешь хозяйств, тем определеннее становится убеждение, что все это, на первый взгляд не имеющее отношения к производству, кажущееся «внешним», привлекающим внимание лишь своей неожиданностью, на самом деле характеризует новые приметы сельского производства и представляет собой теперь уже не только символ будущего, но и сегодняшний день белорусского села.

На ферму мы могли пройти лишь после того, как надели белые халаты и целлофановые сапожки. Рядом с главным въездом расположен Дом животновода. Он служит и своеобразной проходной и, так сказать, фасадом всего комплекса построек. Варианты застройки ферм мы наблюдали различные. Но вот фасад с Домом животновода и въездом можно было бы, пожалуй, назвать типовым. Типовым, однако не стандартным. Об этом позаботились архитекторы и строители — и не только о высоком качестве внешней отделки здания, но и о возможности варьирования ее, о зелени и цветниках у входа.

В Доме животновода — красный уголок, комнаты для специалистов, уютные фойе, коврики, занавеси, букеты цветов на столах. Светло и чисто. Современная мебель. Здесь введена не только новая технология, но созданы и великолепные условия труда. К сожалению, не везде еще работают душевые, точнее, не везде они используются так, как это предусмотрено правилами гигиены. Ведь по правилам мы должны были не только облачиться в халаты и сапожки, но и оставить свою одежду в преддушевой комнате, принять душ и только тогда в спецодежде пройти на территорию фермы. Однако в ближайшее время такая профилактическая процедура станет обязательной уже для всех. Правда, потребовались неоднократные напоминания «сверху». Видимо, не всегда еще технические новшества воспринимаются сразу же как действительно необходимые. Не все еще сразу привыкают к новой технике. Здесь тоже надо преодолевать старые привычки и воспитывать определенный вкус.

В одном из коровников фермы колхоза «Ленинская искра» не работала вентиляция. Секретарь обкома сразу же обратил на это внимание животноводов.

— Как же вы без вентиляции? С нею-то работать легче будет.

— Так двери же открыты,— последовал ответ.

Вентиляция была, конечно, тут же включена. Необходимость ее, даже при открытых дверях была оценена всеми в течение нескольких минут. Но что поделаешь, если простые двери кажутся подчас надежнее какого-то там технического устройства...

Но это — явления временные, отживающие. Люди понимают, что значит в их жизни и труде новая техника. Ни в одном хозяйстве я не встречал человека, который сомневался бы в целесообразности строительства новых производственных сооружений. Хотя затраты тут потребовались немалые.

Имеется точный подсчет экономической эффективности нового строительства. Но невозможно выразить в цифрах эффект нравственный: как высоко поднимается здесь престиж профессии сельского труженика, животновода! Еще совсем недавно в этих же хозяйствах свинарки топали по навозу в резиновых сапогах, надевали специальные передники, защищавшие их от грязи. А сейчас они, входя на ферму, принимают душ, работают в белых халатах и целлофановых сапожках, чтобы защитить своих «подопечных» от возможного проникновения инфекции. Теперь на фермах, где откармливают свиней, далеко не всегда можно встретить свинарку. Необходимость в такой профессии там и вовсе отпадает. В стойло, где содержатся свиньи, никто не заходит. Там чисто и сухо. Подача кормов и уборка помещений механизированы. За своевременным приготовлением, за подачей кормов, за режимом освещения, за температурой воздуха следит электронное устройство. Не мудрено, что новая технология откорма потребовала и специалиста новой квалификации — инженера свиноводческого комплекса.

Но не так ли уж накладно все это для хозяйства? Оказалось, что затраты на такого рода откормочную ферму, рассчитанную в перспективе на 24 тысячи голов, окупаются через полтора года.

Новейшая техника пришла и на молочнотоварные фермы. 800 коров, например, теперь обслуживаются лишь восемью операторами машинного доения и восемью скотниками-пастухами. А раньше требовались 41 доярка и 16 скотников.

Индустрия, широко шагнув на поля Белоруссии, уже сегодня позволяет труженикам деревни зримо представить близкое будущее. Не на чертежах и диаграммах, а в повседневной практике на родной земле своей крестьянин видит, как меняется характер его труда. Он видит, с каким увлечением молодежь берется за освоение сложных приборов, машин, механизмов, аппаратов. И это радует крестьянина, побуждает его одолевать новые высоты. Конечно, еще не все колхозы располагают такой техникой. Но опыт передовых — отличный пример на пути к рубежам семьдесят пятого года.

Все, что я наблюдал в белорусских колхозах, заставляет призадуматься вот еще над каким обстоятельством. Многие из тех, с кем довелось мне беседовать, помнят здешние деревни послевоенных лет. Я их тоже хорошо помню. Не сенажные башни, не современная архитектура служили тогда здесь ориентирами, а голые печные трубы пожарищ. У людей не было жилищ, ютились в сырых и темных землянках...

Теперь уже выросло целое поколение, для которого все это — история, которое знает о тяжкой послевоенной поре деревни лишь по книгам, фильмам, музейным экспозициям. И иным, может быть, и кажется, что в современном своем облике село с его Дворцом культуры и Домом животновода существует издавна, что всегда так было — не свинарки, а автоматы «работают» на ферме. И тут не могу не вспомнить, сколь настойчиво мой собеседник, первый секретарь обкома партии, подчеркивал нравственно-воспитательный аспект самого процесса всех тех разительных перемен, которые наблюдаешь сегодня на Витебщине.

Конечно, аспект этот — лишь один из многих. Сергей Михайлович подробно рассказывал о сложных и трудных проблемах, которые приходится решать сегодня на пути в завтра, на пути к заветным рубежам пятилетнего плана.

— Речь идет,— говорил он,— о целом комплексе, подчеркиваю, комплексе, больших и малых задач. Суть их такова: добиться неуклонного повышения интенсификации сельскохозяйственного производства. А для этого требуется и лучшая организация дела и умение использовать достижения научно-технического прогресса, передового опыта. Одно-

ВИТЕБСКОЙ ЗЕМЛИ

значных решений тут нет. Никто еще не придумал некоего единственного «ключа» для решения всех проблем роста эффективности сельского хозяйства. Известно, сколь важны для этого концентрация и специализация производства. Но для их осуществления потребуются организационные меры. И среди них на первый план сегодня выдвигается создание территориальных сельскохозяйственных объединений. Так нам думается...

Вопросы создания таких объединений, по крайней мере в нашей области, не имели еще не только практического, но и достаточно четкого теоретического обоснования.

С. Шабашов вспоминает, как на одном из пленумов ЦК компартии Белоруссии было проведено весьма обстоятельное обсуждение широкого круга проблем, связанных с дальнейшей концентрацией и специализацией сельскохозяйственного производства. На пленуме была подчеркнута важность создания межхозяйственных объединений. Рекомендации пленума нашли глубокое понимание и активную поддержку партийного и хозяйственного актива. И прежде всего делом.

Сейчас в Витебской области имеется 21 территориальное сельскохозяйственное объединение. По одному на каждый район. В будущем их станет 112. В них войдут все колхозы и совхозы.

Объединения создаются на демократических началах, добровольно. Высший орган — собрание представителей хозяйств. Они избирают совет объединения и ревизионную комиссию, принимают устав. Одно из важнейших его положений — колхозы и совхозы, вступая в объединение, сохраняют хозяйственную и юридическую самостоятельность, строят взаимоотношения между собой на основе хозрасчета и договорных обязательств.

Цены на продукцию, продаваемую и покупаемую друг у друга, устанавливаются самими объединениями, по согласованию с исполкомом райсовета. Обязательно учитывается взаимная выгода и необходимость создания равных экономических возможностей для расширенного воспроизводства в технологически связанных между собой хозяйствах.

Производством зерна, кормов и молока занимаются все колхозы и совхозы. Однако объемы производства устанавливаются в зависимости от специализации, от реальных возможностей.

— При этом,— поясняет Сергей Михайлович,— ни в коем случае не допускаются отступления от заданий пятилетки. Разумеется, в сторону снижения. Наоборот, предусматривается встречный, напряженный, но, конечно, научно и экономически обоснованный план.

Четко разграничены функции хозяйств в животноводстве. Одни занимаются выращиванием молодняка для воспроизводства основного стада коров или свиней, другие поставляют молодняк для откорма, третьи — откармливают молодняк. Такое разделение труда подкрепляется материально-технической базой — кому какая техника требуется в первую очередь и в соответствующем объеме.

В Заднепровском объединении Оршанского района, например, колхоз «Луч социализма» выращивает поросят и поставляет их совхозу «Днепр». А там уже откармливают поголовье. В колхозе «Ленинская искра» этого же объединения имеется молочнотоварная ферма на 800 коров. В соответствии со специализацией производства колхоз не должен заниматься направленным выращиванием телочек. Для этого их передают в другое хозяйство. А оттуда они уже нетелями возвращаются назад.

Вот первые результаты специализации: валовой надой молока в колхозе «Ленинская искра» в 1970 году, до организации объединения, был 15 455 центнеров, в 1971—15 776, в 1972 — 17 732, в 1974 — планируется получить 29 470 центнеров. Себестоимость одного центнера молока в 1970 году была 19,14 рубля, в 1971 — 17,16, в 1972 — 17,21. Планируемая на 1974 год — 12,1. Цифры говорят сами за себя.

Об экономической целесообразности новой формы кооперирования хозяйств говорит и опыт Витебского территориального объединения, в которое вошли пять колхозов и три совхоза. Вот как тут сказывается специализация: при молочном комплексе колхоза имени Красной Армии есть родильное отделение. Телочки передаются отсюда на выращивание в колхоз имени Кирова, а бычки после месячного содержания — в откормочное хозяйство «Зароново». Колхоз «Белоруссия» снабжает семенами многолетних трав все хозяйства объединения, освобождая их от необходимости вести эту трудную работу в небольших масштабах. Производством семян зерновых занимаются в объединении два хозяйства: совхоз «Витебский» и колхоз «Призыв»; производством семенного картофеля — колхоз имени Красной Армии. Специализация здесь обеспечивает сочетание интересов каждого хозяйства с общими интересами всего объединения. В 1972 году в колхозах и совхозах Витебского объединения было получено в среднем по 16 центнеров зерновых с гектара. А рубеж 1975 года — 30. Поголовье коров в целом по объединению будет увеличено с 5 223 в 1972 году до 7 000 в 1975.

Хозяйствование на новых принципах потребовало большей четкости и оперативности в управлении. Показателен в этом отношении опыт Оршанского района, который называют здесь районом сплошной диспетчеризации.

...Мы — в чистой и светлой комнате диспетчерского пункта колхоза «Ленинская искра». Современная мебель. На столах — приборы и букеты гладиолусов. Объяснения дает оператор Надя Цюхтяева. Беседа наша часто прерывается: надо принять информацию с поля или фермы. Но в целом обстановка не требовала напряженной работы оператора. Действовала она спокойно, размеренно, значит, четко и организованно шла работа всего хозяйства. На утреннем наряде были даны задания бригадам, распределена техника. И теперь эти задания выполняются. Не возникало необходимости перераспределять производственные ресурсы, перебрасывать людей с одного участка на другой. Это, конечно, не означает, что жизнь диспетчера тут безмятежна — знай себе принимай сводки!.. Нет-нет да и потребуется его срочное вмешательство.

— Правление колхоза имеет диспетчерскую связь почти со всеми производственными подразделениями,— рассказывает Надя. — С фермами, механизированным током, бригадами, группами техники на полях, летучками техпомощи, зерноскладом... Используется телефонная и радиосвязь. Нарушился, например, на ферме или зерноскладе режим температуры, влажности воздуха — сразу же на пульте появляется красный сигнал. Срочно сообщаю о случившемся технической службе. Или с водой в автопоилках неладно, или заело транспортеры, раздающие корма, а то и с полей поступят сигналы о необходимости перераспределения техники или срочной техпомощи — тут уж нельзя терять ни минуты.

Диспетчерская колхоза связана с диспетчерским пунктом района, с банком, отделением ЦСУ, сельхозтехникой, мясокомбинатом. Здесь установлена связь также и с помощью телетайпов.

Выгоды от диспетчеризации весьма ощутимы. Подсчитано, что в напряженные периоды года она позволяет увеличить нагрузку тракторов на 14 процентов, повысить сменную производительность машинно-тракторных агрегатов (за счет устранения потерь рабочего времени по организационным причинам) почти на 20 процентов.

Я побывал и на центральном диспетчерском пункте района. Здесь — настольная клавишная ЭВМ для обработки оперативной информации, радиоаппаратура, магнитофоны, устройство для сбора данных и автоматического размножения сводок с помощью перфоленты. Все это хозяйство находится под

Оператор диспетчерского пункта колхоза «Ленинская искра» Надя Цюхтяева.

Дом животновода и основной въезд на свиноферму колхоза «Луч социализма».

опекой старшего диспетчера управления сельского хозяйства Оршанского райисполкома Анатолия Михайловича Харитоновича. Его рабочий день начинается в восемь часов утра с приема от колхозов и совхозов оперативных данных. Каждому хозяйству установлена строгая очередность и лимит времени на передачу информации — три минуты. Люди научились укладываться в отведенное время. Помогает и стандартизация документации, а это — тоже примета деловитости. Принятые данные быстро подсчитываются на ЭВМ, переводятся на перфоленту и автоматически в необходимом количестве размножаются на пишущей машинке.

Раньше сбором такой информации и ее обработкой занималось пять специалистов, которые затрачивали на это до 20 человеко-часов в день. В напряженные периоды к ним присоединялись еще и работники ЦСУ. И тем не менее разобщенность поступающих сведений часто и неизбежно приводила к потерям ценности информации. Она нередко старела к окончанию обработки. Новая техника помогает устранить эти недостатки и к тому же удешевляет дело.

Хорошая постановка диспетчерской связи освобождает многих работников района и от ненужной затраты времени на различные совещания, длительные телефонные переговоры. Если, скажем, раньше секретарю райкома партии нужно было посоветоваться с руководителями хозяйств, то приходилось или вызывать их в районный центр, или почти целый день вести с ними разговоры по телефону. Теперь, при диспетчерской связи, на такого рода совещания уходят считанные минуты.

В конце августа в Витебской области был проведен республиканский семинар по сельскому хозяйству. Он был посвящен вопросам углубленной специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на основе межхозяйственных производственных связей. Участники семинара детально ознакомились с работой объединений, колхозов, совхозов, побывали на новых фермах, механизированных производственных объектах, встретились с учеными республики. Мне рассказывали об этом семинаре первый секретарь Могилевского обкома партии Глеб Александрович Криулин, председатель колхоза «Рассвет» имени К. П. Орловского Герой Социалистического Труда Василий Константинович Старовойтов, первый секретарь Кировского райкома партии Николай Иосифович Шепелевич — люди, посвятившие сельскому хозяйству немало лет. Говорили, чему научились, что пытаются сейчас использовать у себя в области, районе, колхозе. Им понравился опыт витебчан. Чувствовалось, однако, что рассматривают они его не как явление исключительное. Многими хозяйствами — колхозами и совхозами может гордиться сейчас республика. В свою очередь, опыт территориальных производственных сельскохозяйственных объединений Витебской области, пусть еще небольшой, но весьма ценный, как отметил в своем выступлении на семинаре кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Белоруссии Петр Миронович Машеров, поучителен для других областей и районов республики. Этот опыт дает возможность зримо представить и оценить, сколь значительно продвигается вперед внедрение науки и передовой практики в сельскохозяйственное производство.

В работе территориальных объединений Витебщины имеется еще много трудностей, особенно в управлении, в отлаживании механизма производственных взаимоотношений. Часто еще бывают неоправданные затраты материальных и трудовых ресурсов. Опыт Витебской области, конечно же, необходимо всесторонне и детально изучить, прежде чем применять его в масштабах более широких и в других условиях. Здесь не все, видимо, может быть сразу же принято на веру и за образец. Ведь поспешное копирование ограничивает возможности даже способного ученика, а порою может подорвать и авторитет учителя. Все действительно новое и прогрессивное ценно тем, что дает возможность развития и трансформации для его применения в иных конкретных условиях. Думается, что витебский опыт ценен и этим.

СПАСИБО ЧИСТОТЕ

* * *

Благодарю, что так ушла,
Не мстила, как при отступленье,
Когда от прежнего тепла
Находишь лишь испепеленье!

Лежит, где надлежит ему,
Блокнот с кричащею страницей
О том, что вопреки всему
Пусть имя милое святится!

Постиран носовой платок
И в белый треугольник сложен,
Лежит до боли одинок,
С письмом солдатским очень схожий!

И подоконник добела
Помыт. Повсюду — ни пылинки!
Благодарю, что так ушла,
моя озябшая былинка...

* * *

Мне лишь казалось — пели соловьи,
На травах серебрился белый след
И простирали лилии свои
Ладони белоснежные чуть свет.

Но это лишь казалось... Ты ушла,
Исчезло все, как за откосом дым.
Сплошная в мире наступила мгла:
Все было отражением твоим...

ЛЕНИНАКАН

Ш. Торосяну.

Ленинакан — страна поэтов.
Природа, как пустой карман!
Плоды не гнут тяжелых веток,
На скалах — солнечный туман!

Одна-единственная гордость —
Ленинаканская вода.
В ней соки недр, высокогорность.
Чиста и холодна всегда!

ДЕЛЬФИНЫ

Черноморский белый катерок —
Севастополь — Ялта — Феодосия.
Прогуляйся! Встречный ветерок
Сдует зноя желтую коррозию!

Убедишься, что земля кругла,
Да и не такая бесконечная!
Голубая, розовая мгла,
Наглых чаек толчея извечная.

Скоро и от моря устаешь:
Та же даль и шум в иллюминаторе.
Нехотя к буфету побредешь,
Там всегда отыщутся приятели.

Вдруг раздастся с палубы: «Гляди!»
И затычут пальцами взволнованно:
Словно лоцман, прямо впереди
Мчит дельфин, легендой избалованный!

Как отлакированный челнок,
Ходит пряжей голубой и синею...

...Здешний гид, научный паренек
(Весь курорт зовет его по имени!),
Начинает уж в который раз
За сезон, за эти рейсы летние
О дельфинах сказочный рассказ,
С каждым днем пышней и многоцветнее:

— Людям улыбаются они,
Уважают Моцарта и Баха,
А от джаза прячутся в тени,
В водорослях путаясь от страха!..

Видимо, без сказок жизнь трудней:
То штурмуют землю марсиане...
То придумаем озерных змей,
То летим к Луне за сказкой сами...

Никогда не остановят бег
Золотые человечьи грезы...
Примелькалось море! Снится снег,
Сказочные белые березы...

* * *

Ночь, как одна минута,
Прошла в глубоком сне.
Не знаю: то ли утро,
То ль сумерки в окне?

Не знаю — просветленье
Иль тяжесть на душе?
Вторичное рожденье
Иль эпилог уже?

ПРАЗДНОСЛОВИЕ

Он полагает: с полуслова
Любого разглядит до дна,
И острословия полова
Фонтаном блестким взметена!

Рифмует половчей поэта.
Восторженных поклонниц — тьма!
О празднословие! Примета
Неотягченного ума!

* * *

Шлифует море камушек —
Придирчивый кустарь.
И вот хватает за душу
Светящийся янтарь!

Отесаны, обкатаны
В сердечной глубине,
Слова сверкнут негаданно,
Сойдут в тетрадь ко мне...

* * *

Еще не облетели листья,
Флажками в тишине висят.
Как будто вовсе не завися
От октября, не меркнет сад!

Нагруженные снегом ветви
Плетню склонились на плечо.
Так очистительно на свете...
Что человек здесь ни при чем!

Алексей МАРКОВ

ТВОЕЙ

* * *

По-моему, женщина — птица,
Что вынырнула из волны...
Маня чистотою, стремится
Куда-то, где туч валуны...

По-моему, женщина — дымка,
Возникшая гибко вдали,
Тревожащая невидимка,
Конец и начало земли!

По-моему, женщина — свежесть
Цветов, пробивающих снег.
По-моему, женщина — нежность,
Как беличий радостный мех...

По-моему, женщина — это
Исканий счастливый итог.
Простите за бредни поэта,
Коль женщина вовсе не то.

* * *

Когда-нибудь вы добирались
Последним поездом метро?
Девчонка нитку вьет на палец
И улыбается хитро.

Как видно, на губах припухших
Недавний поцелуй горит.
А рядом парень. Грудь наружу.
С самим собою говорит.

Бранит невежливых хозяев,
Что проводить-то не смогли!
...Туристов приуставших стая
В загаре медном и в пыли...

Во сне тарелки судомойка
Все моет-моет горячо...
А сонный паренек в ковбойке
Склонился на ее плечо...

...Мне нравится последний поезд.
Ни тесноты, ни суеты.
Он — как дочитанная повесть,
И ты с героями на «ты»!

СИНИЙ ПЛАТОЧЕК

«Синенький скромный платочек!» —
Женщина ладно поет.
Юноша слушать ту песню не хочет —
Ритм у эпохи не тот!

А ведь недавно душою застолья
Песенка эта была
И откликалася радостной болью,
В синие дали звала...

«Синий платочек, скромный платочек!» —
Песне другая цена.
Женщина хмурит зеленые очи,
Чуть не заплачет она...

И по-предательски светят сединки,
Близкая старость видней.
Вроде старинной разбитой пластинки
Синий платочек на ней!..

ЯВЬ

Сколько было сказано-рассказано
Мне в Москве про озеро Севан!
Приезжают поклониться разово
И не разово из дальних стран!

Сколько было пето-перепето
Слов об Арарате с давних пор!
...Я в душе побаивался где-то
Встретиться с Арменией в упор!

Как бы явь сама не побледнела
Перед отражением своим!
Но стою сейчас я оробело
Перед Араратом голубым.

Все рассказы перед явью меркнут.
Краски вымыслов поблекнут вдруг.
О Севан! Какою мерить меркой
Красоту, что захватила дух!

УЛИЦА ХАЙЯМА

Омар Хайям! Вот это мило:
В два дома улица дана
Ему за то, что мудрой силой
Сердца он всколыхнул до дна!

Да и не нужно улиц длинных!
Любил он краткость до конца.
Ручью весеннему плотину
Из глины ладят два мальца...

ЦАВАТТАНЕМ *

«Цаваттанем!» — какое слово,
Какая бездна скрыта в нем,
Когда, скрепляя тостом новым,
Его промолвят за столом!

— Пусть светит солнце вам в дороге,
Луга цветут по сторонам!
В любой усталости — подмоги
И спутников надежных вам!

Любовь не принесет измены,
Страшней врага не станет друг,
И веет миром в отчих стенах,
Покой не мутит грязный слух!

А если потемнеют тучи,
Над нами потемнеют пусть!
А если грусть придет, то лучше
Нас не минует эта грусть!

...Нет, расставаться нам, ей-богу,
Друзья, не хочется совсем.
Но что поделаешь? В дорогу!
«Цаваттанем!! Цаваттанем!»

* Цаваттанем — доброе армянское пожелание.

ТРАССЫ ЖИЗНИ

В международном аэропорту готовится к вылету рейсовый самолет Аэрофлота «ИЛ-62» по маршруту Нью-Йорк — Лондон — Москва. Во время посадки пассажиров на борт лайнера происходит эпизод, дающий импульс всей повести.

Командир корабля Егор Борисов замечает среди пассажиров человека, чей облик ему явно знаком. В свою очередь, и тот тоже обращает внимание на советского летчика: где и когда они встречались? Задраены двери, запущены двигатели, самолет поднимается в воздух, ложится на заданный курс. Жизнь на борту «ИЛ-62» идет своим чередом, но между тем и Егор Борисов и Майкл Вулл настойчиво ворошат свою прошлую жизнь, стараясь вспомнить друг друга...

Так начинается повесть Генриха Гофмана «Двое над океаном»[1]. В прошлом боевой летчик, автор профессионально ведет рассказ об авиации, насыщая его интересными данными. За время перелета «ИЛ-62» из Нью-Йорка в Лондон командир корабля и пассажир вспоминают, что когда-то они вместе служили. Но жизнь их сложилась по-разному.

Две судьбы рисует автор — судьбу советского летчика, в котором мужество и честность являются органическими чертами, и судьбу бывшего советского летчика, изменившего Родине и бежавшего после войны на Запад.

Поступки людей отражают их сущность. Старший лейтенант Михаил Волков (переменивший впоследствии имя на Майкл Вулл), служа в одном из советских штурмовых полков, расквартированных в то время в Австрии, грезил о «свободном предпринимательстве». По дешевке скупая у товарищей облигации государственных займов, мечтал разбогатеть. Червоточина разъедала душу человека, идеалом которого была формула «жить в свое удовольствие». Так появилась мысль: «А может, махнуть на ту сторону?» И он перелетел в американскую зону.

Могло ли такое быть? Ведь Волков с детства воспитывался в советских условиях. Родина дала ему все, он прошел путь боевого летчика. Нужно отдать должное автору — он убеждает нас в том, что Волков мог поступить так, как он поступил. В советской действительности Волков всегда был каким-то инородным телом, человеком в себе и для себя. Его мировоззрение формировали не герои гражданской войны, не легендарные ударники первых пятилеток — влекла нажива. И в авиацию он пошел потому, что решил: больше всех зарабатывают летчики. Узнав, что в аэроклуб в первую очередь берут комсомольцев, вступил в комсомол.

Двуличие, стяжательство, спекулятивные махинации, возведенный в абсолют эгоизм — все это привело к предательству. И в этом есть своя закономерность. Во всяком случае, как оказалось, сюжет повести взят автором из жизни. Да, такое было...

Судьба предателя в «свободном мире» сложилась трагически. После того, как пропагандистские службы выжали из Волкова все, что им было нужно, начались его беспросветные мытарства в поисках заработка. И вот тогда уже на собственном опыте он узнал, что такое «свобода предпринимательства». Ему часто об этом напоминали, например, когда выгоняли с работы. «Я решил вас уволить, и никто не может мне запретить,— говорит хозяин прачечной.— Мы живем в обществе свободного предпринимательства, не забывайте об этом».

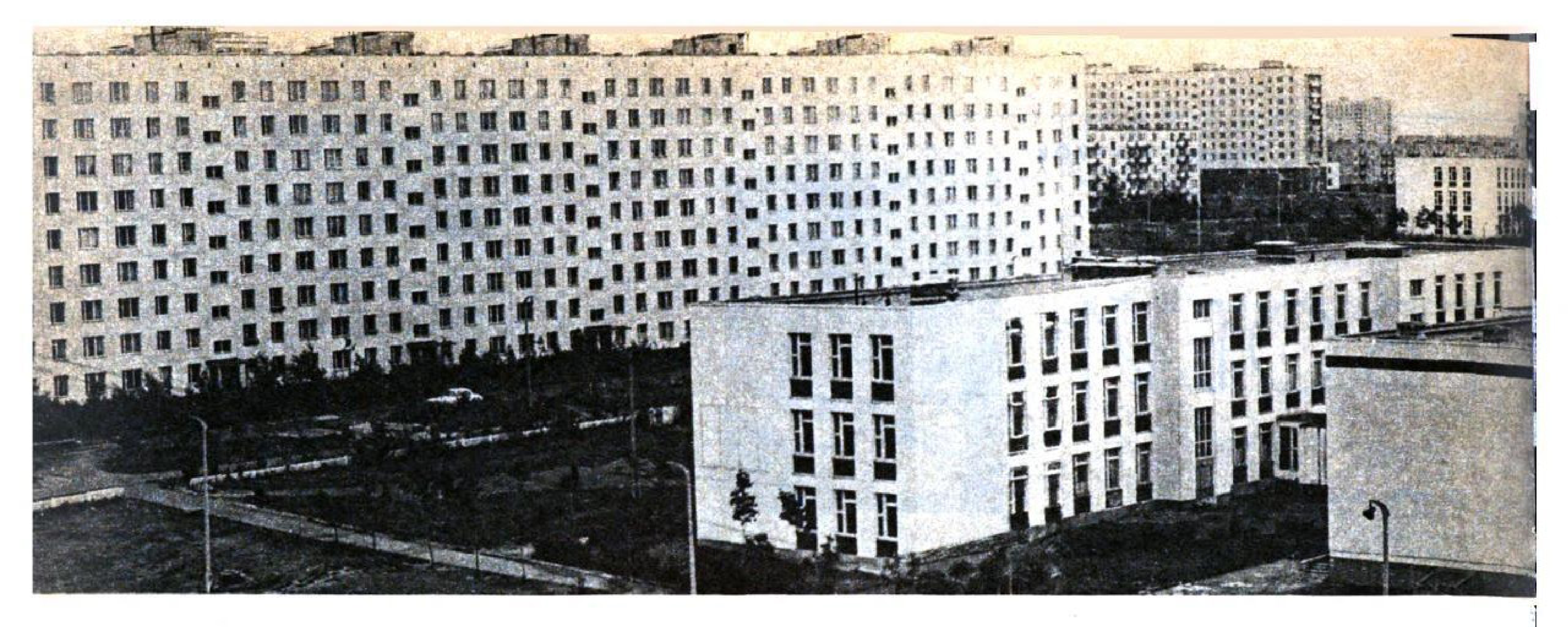
Показательно отношение к Волкову простых американцев, с которыми ему приходится сталкиваться во время своих скитаний. «Предатель всегда есть предатель, кого бы он ни предавал»,— замечает американский пилот гражданской авиации, которому Волков пытается доказать свою любовь к американскому образу жизни.

В конце концов безысходность привела Волкова на службу в разведку. Так появился Майкл Вулл — маленький сотрудник огромного аппарата ЦРУ. И в этом тоже есть своя закономерность — предатель нашел-таки себя.

Компактная повесть, написанная точным, лаконичным языком, построена двупланово. Таков замысел автора, но это построение, на наш взгляд, предполагает продолжение повести. Хотелось бы также, чтобы образы самого Борисова и воздушного стрелка Русакова были показаны более пластично и глубоко.

Владимир КАТИН

[1] Генрих Гофман. Двое над океаном. «Юность» №№ 3, 4, 1972 г.

Общий вид Черемушек.

ЗЕЛЕНЫЕ Ч

Черемушки — имя собственное. Но, став символом массового индустриального жилищного строительства, оно вышло за рамки одного района, шагнуло и за черту нашей столицы. Неофициально Черемушками называют районы массовых новостроек во многих городах страны. Но иногда имя это и синоним однообразной жилой застройки. Что же думают на сей счет сами родоначальники «черемушкинской фамилии», которые недавно справили своего рода юбилей — пятнадцать лет назад первая большая группа новоселов вселилась в дома этого района.

НО СВОЮ БЕСЕДУ С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ЧЕРЕМУШКИНСКОГО РАЙИСПОЛКОМА МОСКВЫ Е. А. АСОСКОВЫМ СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА» К. БАРЫКИН НАЧАЛ НЕ С ЭТОГО...

— Евгений Александрович, я шел к вам через кварталы, буквально утопающие в зелени, где стены домов упрятались за сплошными коврами дикого винограда и взгляду открыты только окна и крыши...

— Вы, видимо, попали на территорию второй жилищно-эксплуатационной конторы. Там действительно масса зелени: цветники, кустарники, деревья. И я сразу замечу: создали эту красоту сами жильцы. Во время субботников в районе посажено пять с половиной тысяч деревьев, тридцать тысяч кустарников, четыреста восемьдесят тысяч цветов. Оборудовано двести пятьдесят пять детских игровых и спортивных площадок. За этими цифрами стоит энтузиазм жильцов, их деловая сметка, стремление сделать свой дом, свой микрорайон лучше, удобней, уютней.

Недавно мы задали себе такой на первый взгляд неожиданный вопрос: влияет ли озеленение на состояние жилого фонда? Оказалось, влияет, и очень благотворно. Давайте совершим небольшую экскурсию по району...

Через несколько минут мы свернули с оживленной Профсоюзной улицы в глубь квартала и попали... в парк: густые заросли жасмина, тенистые липы, среди них — снизу доверху увитый диким виноградом пятиэтажный кирпичный дом. Стен почти не видно, лишь кое-где сквозь зелень просматривается чистота и свежесть вовсе не новых зданий. Сами по себе эти дома не самой удачной серии, но когда недавно кое-кому из жильцов предоставилась возможность переехать в дома более современные, они отказались: «Да мы же здесь, как в саду, живем!» А ведь именно сами эти люди и являются создателями таких зеленых «озер».

—В нашем районе существует общество охраны природы. О его деятельности можно было бы много говорить, но давайте пока ограничимся одним примером. Всем знакома привычная картина: дом сдан в эксплуатацию, уходят строители, а вокруг здания — пустырь. Одиноко стоят несколько деревцев. Когда-то они войдут в силу и станут давать прохладу в жаркий день... Новоселы домов, расположенных на территории жилищно-эксплуатационной конторы номер два, не захотели ждать милостей от природы, и, как видите, теперь тут разросся хорошо составленный, почти лишенный сорных пород парк.

Еще только заселялись дома жэка номер девятнадцать, а вокруг них с рулеткой и тетрадью уже вышагивал один из новоселов. Потом мы узнали, что это инженер Борис Акимович Марчук. Вскоре исполком райсовета познакомился поближе с этим настойчивым и трудолюбивым человеком. Марчук приходил советоваться, всегда что-то «пробивал» и, хочу особо подчеркнуть, сам работал, засучив рукава. Заразил энтузиазмом и своих соседей и жителей других домов — сотни часов труда вложили они в будущие цветники и газоны. Б. А. Марчук вместе с биологом Р. С. Ушатинской и стали тем центром, вокруг которого завертелась «зеленая галактика». Они связались с районным архитектором, перечитали массу книг по ландшафтной архитектуре. Сейчас в микрорайоне проводятся ставшие традиционными праздники улицы, тут настоящее зеленое раздолье.

Только в нынешнем году на территории жэка № 19 силами и на средства жильцов высажено свыше тысячи кустарников, а количество цветов и подсчитать невозможно.

Здесь всегда можно встретить кого-нибудь из местных энтузиастов — с пакетом удобрений, с поливочным шлангом, с лопатой. И за порядком они следят зорко, что тоже важно. Но не везде так.

У нас на весь район семь штатных садовников. А территория — четыре с половиной тысячи гектаров. Можно ли всерьез рассчитывать, что такой небольшой отряд озеленителей сможет высадить, выходить, поливать, подрезать деревья, кустарники да еще и за цветниками ухаживать? Ландшафтных же архитекторов в городе явно недостаточно, и до жилищно-эксплуатационных контор руки у них не доходят. А решить все проблемы самим жителям да и жэкам не под силу.

Сейчас озеленительными и дорожными работами занимаются две организации — районное жилищное управление и управление благоустройства. Одни следят за дворовыми территориями, другие — за улицами и проездами. Дело вроде бы единое, а хозяина два!

Фото А. Бочинина.

У карты района: М. В. Мальцев — заместитель председателя райисполкома, Е. А. Асосков—председатель исполкома, В. С. Малинников — заведующий оргинструкторским отделом исполкома, Н. Н. Пугачева — председатель районной плановой комиссии.

ЕРЕМУШКИ

Почему бы не объединить эти две организации? Тогда можно было бы разумнее использовать технику, фонды материалов, четче организовать труд людей.

Мы анализировали, как обстоит дело с сохранностью главного нашего богатства — жилого фонда, и пришли к выводу, что там, где хорошо ведется зеленое строительство, там и дома лучше сохраняются.

Причин здесь много. И не последняя из них — чувство коллективизма, которое вырабатывается у жильцов в совместных работах по озеленению. Человек, вырастивший такой отличный микропарк, как, скажем, на территории девятнадцатого жэка, не может им не гордиться. И гордость эта не позволяет ему мириться с тем, что рядом с ухоженным, прекрасным парком стоит запущенный дом.

Отсюда появляется и внимание к своему дому, потребность что-то улучшить, что-то поправить. Так родилось и развилось соревнование за лучший дом, за лучший подъезд, за образцовую квартиру.

Хотелось бы сказать добрые слова в адрес многих жителей района. А район наш сложный, немало здесь домов экспериментальных, выстроенных в самом начале освоения территории, встречаются и здания, построенные по проектам, от которых теперь справедливо отказались. Однако, и это уже доказано, сами жильцы, жилищно-эксплуатационные конторы могут сделать многое.

Евгений Александрович показывает подъезд обычного пятиэтажного дома.

— По настоятельному требованию жильцов подъезды оформили декоративными решетками, которые не только украсили их, но и внесли разнообразие, разрушили монотонность. Этой же цели служат и «непохожие» светильники — у каждого подъезда свой. Они просты, но не лишены изящества. Словом, нужен индивидуальный подход к решению «интерьеров» городских микрорайонов.

Но, к сожалению, не всегда руководители жэков следят за этими архитектурными деталями. А настает пора, когда их нужно подкрасить, подновить, подправить.

— Разве это не обязанность районных ремонтно-строительных управлений?

— То, что по силам жилищно-эксплуатационным конторам, не следует перекладывать на плечи более крупной организации.

Однако вопрос в общем-то правильный: чем действительно должны заниматься районные ремонтно-строительные управления? Казалось бы, если судить по названию, прежде всего ремонтом. Практика, однако, говорит о другом. Эти управления значительно больше внимания уделяют капитальному строительству. Но ведь дома стареют, ветшают, приходит время капитального ремонта. Если своевременно проводить текущие ремонты, то дом сохранится дольше и необходимость в капитальном ремонте отодвинется на годы. Вот такие планово-профилактические ремонты и должны стать первоочередной задачей ремонтно-строительных управлений.

В ходе общемосковского смотра состояния жилого фонда мы убедились в необходимости отводить ремонту более заметную роль. Каковы практические шаги? Если в 1972 году на ремонтные работы было истрачено девятьсот тысяч рублей, то на 1974-й запланировано на полмиллиона больше.

До настоящего времени проектные организации не нашли удовлетворительных решений по герметизации стыков, устройству мягких кровель, размещению инженерных коммуникаций в полносборных зданиях. Это приводит к трудностям при их эксплуатации и ремонте. В проектах не всегда учитываются и отдельные технические решения, найденные и внедряемые самими жилищно-эксплуатационными организациями. Нужны системы диспетчеризации, автоматизации, контроля за инженерным оборудованием. Такие, скажем, как телевизионный контроль, как системы механизированного удаления мусора. Некоторые строительные организации Главмосстроя, министерств и ведомств допускают низкое качество строительства жилых домов, предъявляют их к сдаче с недоделками и дефектами, с незаконченными работами по благоустройству, которые впоследствии выполняются медленно.

Дом — для всех, все — для дома! Это хороший лозунг. Мы не ждем, чтобы здание начало ветшать. Эксплуатация изношенного жилого фонда и трудна и дорога. Разумнее повседневно следить за зданием, устранять кажущиеся мелочи, которые могут перерасти в крупные повреждения. На той же Профсоюзной улице, в доме 36/9, живет Владимир Алексеевич Крючко, газосварщик по профессии. Он не стал ждать, когда по плану начнется ремонт бойлерной, а вместе со своими соседями сделал все необходимые тут газосварочные работы. Люди знают: Крючко — надежный страж сохранности дома и потому избрали его в домком.

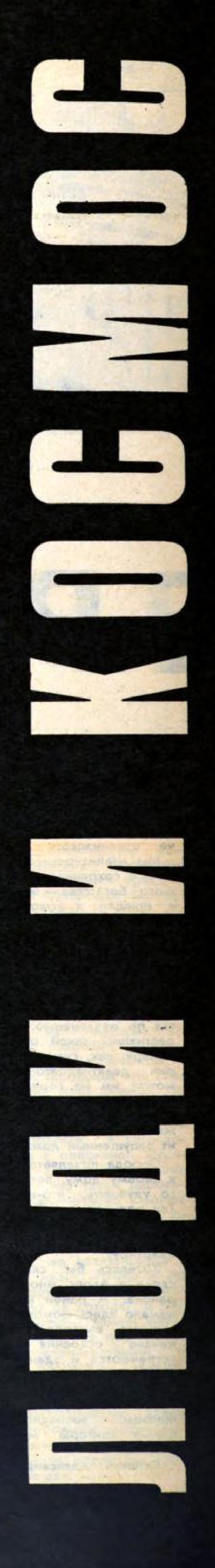
Велика роль социалистического соревнования. Мы стремимся, чтобы в жилищных организациях района, как и в любой другой отрасли народного хозяйства, оно было гласным, оперативным, конкретным.

Район наш растет, ширится. Только за последние два года построено около шестисот тысяч квадратных метров жилой площади. Исполком Моссовета принял решение о комплексной застройке Теплого Стана. Строительство идет большое. Тем важнее обеспечить отличное содержание и техническую эксплуатацию жилищного фонда. Мы опираемся на большую помощь районной партийной организации, все наши начинания находят поддержку в исполкоме Моссовета.

Жители нашего района близко к сердцу приняли призыв Леонида Ильича Брежнева сделать столицу Советского Союза образцовым коммунистическим городом.

В. НИКОЛАЕВ,
фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные корреспонденты «Огонька»

АМЕРИКАНСКИЕ РЕПОРТАЖИ

В июне этого года специальные корреспонденты журнала «Огонек» В. Николаев и Дм. Бальтерманц освещали исторический визит Л. И. Брежнева в США. Затем они путешествовали по Соединенным Штатам, чтобы рассказать читателям журнала о том, как развивается и крепнет советско-американское сотрудничество, показать, что за соглашениями, заключенными между нашими странами, стоят большие конкретные дела.

НЕДОЛГИЕ СБОРЫ

Еще в дни визита Л. И. Брежнева в США мы рассказали своим американским коллегам о нашем намерении совершить путешествие по Соединенным Штатам и спросили их:

— С кем можно согласовать маршрут поездки и договориться о нужных нам встречах?

— Конечно, с Бобом Миллером!— последовал единодушный ответ.

— А кто он такой?

— Он отвечает за всех иностранных корреспондентов, находящихся в США, так что обращайтесь прямо к Бобу.

— Вы хотите сказать, к Ричарду Миллеру?— уточнил я (Боб — уменьшительное имя от Ричарда.— В. Н.).

— Да нет, что вы, к Бобу, конечно!

Современный и внушительный оффис Боба Миллера расположен в Вашингтоне, в двух шагах от Белого дома, в здании местного пресс-клуба.

Сидящая в дверях оффиса секретарша провела нас в большой холл, усадила и пошла за Миллером. Вскоре он появился, мы представились ему, сообщили о цели визита, и он тут же вызвал другую секретаршу, юную и миловидную девушку по имени Айрин. Она подсела к нам, уже держа наготове большой раскрытый блокнот. Мы начали перечислять наши пожелания. Миллер кивал головой и поддакивал, Айрин записывала. Затем она спросила, верно ли все, и ушла, оставив нас со своим шефом.

Миллер сказал, что в течение двух дней согласует наши планы с госдепартаментом и с теми лицами, с кем мы хотели бы встретиться, и заверил, что все наши просьбы будут удовлетворены.

Несмотря на пока еще официальный характер нашей первой встречи и ее хороший, деловой ритм, он с самого начала действительно был Бобом, а не Ричардом. И это именно Боб, а не Ричард, словно извиняясь, продолжал свою речь так:

— И еще одно: вы сейчас же должны попросить ваше посольство, чтобы оно направило в госдепартамент ноту с просьбой разрешить эту поездку, не забудьте точно указать в ноте весь маршрут. Это формальность, право слово, формальность, но, увы, она необходима. И учтите, ноту надо направить как можно скорее.

Мы устремились было в наше посольство, но Боб счел нужным провести нас через два бара пресс-клуба, затем завел в канцелярию и там выписал нам пропуска в клуб.

— Будет свободная минутка, обязательно заходите в клуб,— сказал он, протягивая нам пропуска.— Здесь есть и пить, во-первых, приятнее, чем в обычном ресторане, во-вторых, дешевле, а последнее немаловажно!

К сожалению, мы ни разу не смогли использовать эти пропуска, так как через день Боб Миллер и Айрин уже организовали нашу поездку по стране. Все наши просьбы были удовлетворены. В общем плане поездки возле каждого географического названия были напечатаны адреса и телефоны лиц, к которым нам надлежало обратиться за помощью. Мало этого, на каждый намеченный нами пункт была отпечатана особая «подорожная», в ней говорилось, как и куда ехать с аэродрома, в какую гостиницу, кому позвонить сразу по прибытии, кому — на второй день...

В дороге нам эти бумажки очень помогли. Без них мы потеряли бы массу времени на поиски, расспросы и прочие организационные дела. Мы еще раз убедились в том, что деловитость — это прежде всего рациональное использование времени.

Наш первый маршрут из Вашингтона был недальним, за сто миль от столицы, в национальный парк. Напутствуя нас, Боб сказал:

— Утром, в 8.00, вы возьмете такси и поедете к мисс Лоезери. Она любезно согласилась доставить вас в парк на своей машине и побыть там с вами.

— А не будет такая дальняя поездка слишком обременительной для нее?— спросил я у Боба.— Можем и сами добраться до парка, язык, как говорят русские, до Киева доведет.

— Не волнуйтесь. Если бы мисс Лоезери не могла вас сопровождать, она бы и не поехала. Это не ее служба, а, если хотите, ее удовольствие. У нас в Америке во многих городах и в провинции существуют добровольные организации, которые помогают иностранцам, путешествующим по Соединенным Штатам. Мисс Лоезери состоит в одной из них.

— А кто она такая?— спросил я.

Боб загадочно улыбнулся и ответил:

— Сам увидишь.

Его улыбку я оценил, когда увидел мисс Лоезери. Ей было явно за шестьдесят.

Потом мы уже не раз знакомились на нашем пути с такими же активистами-добровольцами. Все они были людьми пожилыми, но очень энергичными, знающими и тем не менее любознательными, и сами они вызвали у нас немалое любопытство. Их можно было понять. Уже отошедшие от дел, поставившие на ноги детей, они теперь находили удовольствие и интерес в общении с людьми из самых разных стран.

Кстати, вот отрывок из бумаги, напечатанной Айрин:

«Из вашей гостиницы вы доедете на такси до дома мисс Лоезери. Скажите таксисту, чтобы он ехал к церкви Фолс Чёрч, потом по дороге № 7 по направлению к Тисонс Корнерс. Повернете налево по дороге на Айдлвуд и затем проедете одну милю по улице Сандберга. Повернув налево, увидите на правой стороне один-единственный дом с красной крышей,

Город Хьюстон.

Центр пилотируемых космических кораблей.

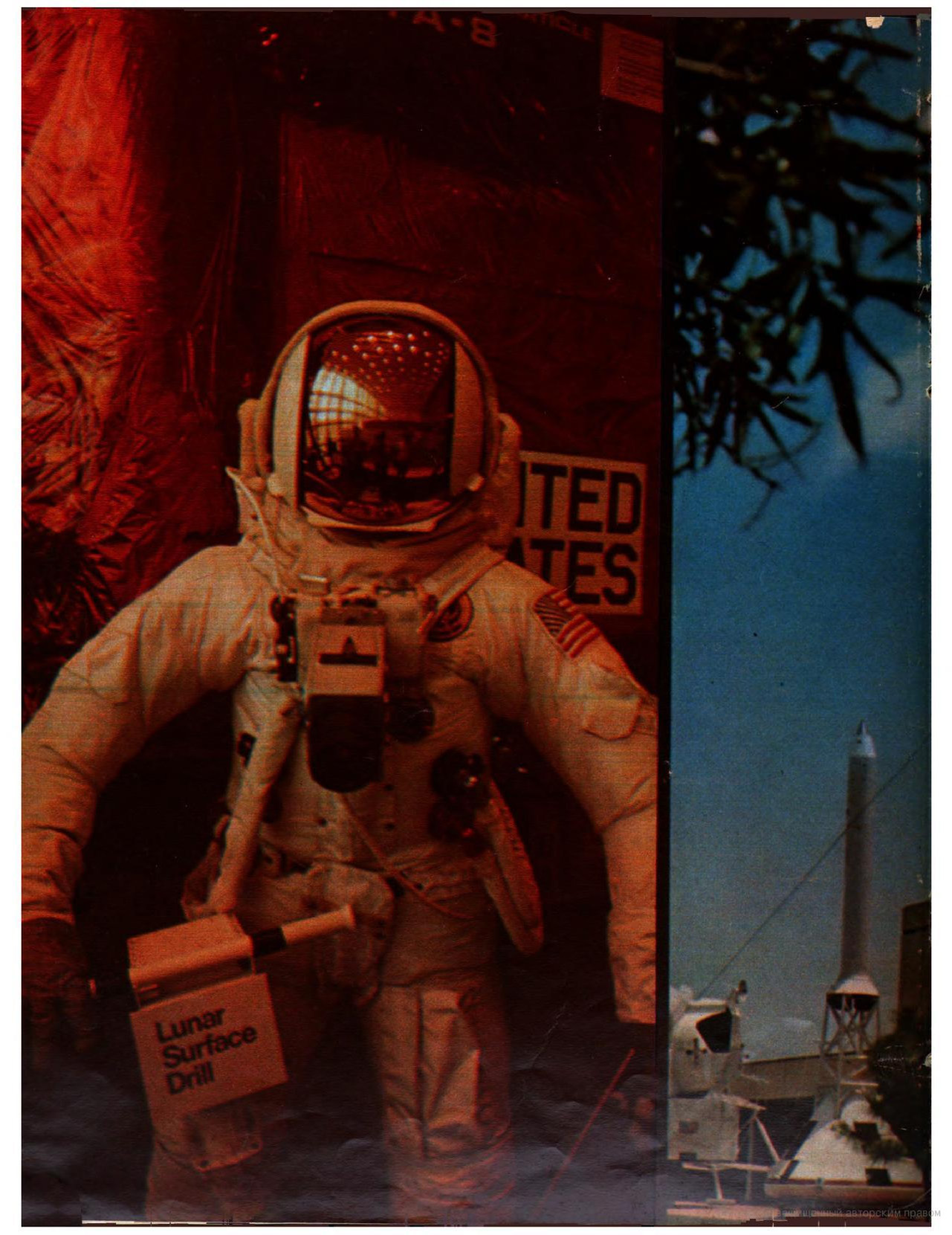
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАЗВОРОТ:

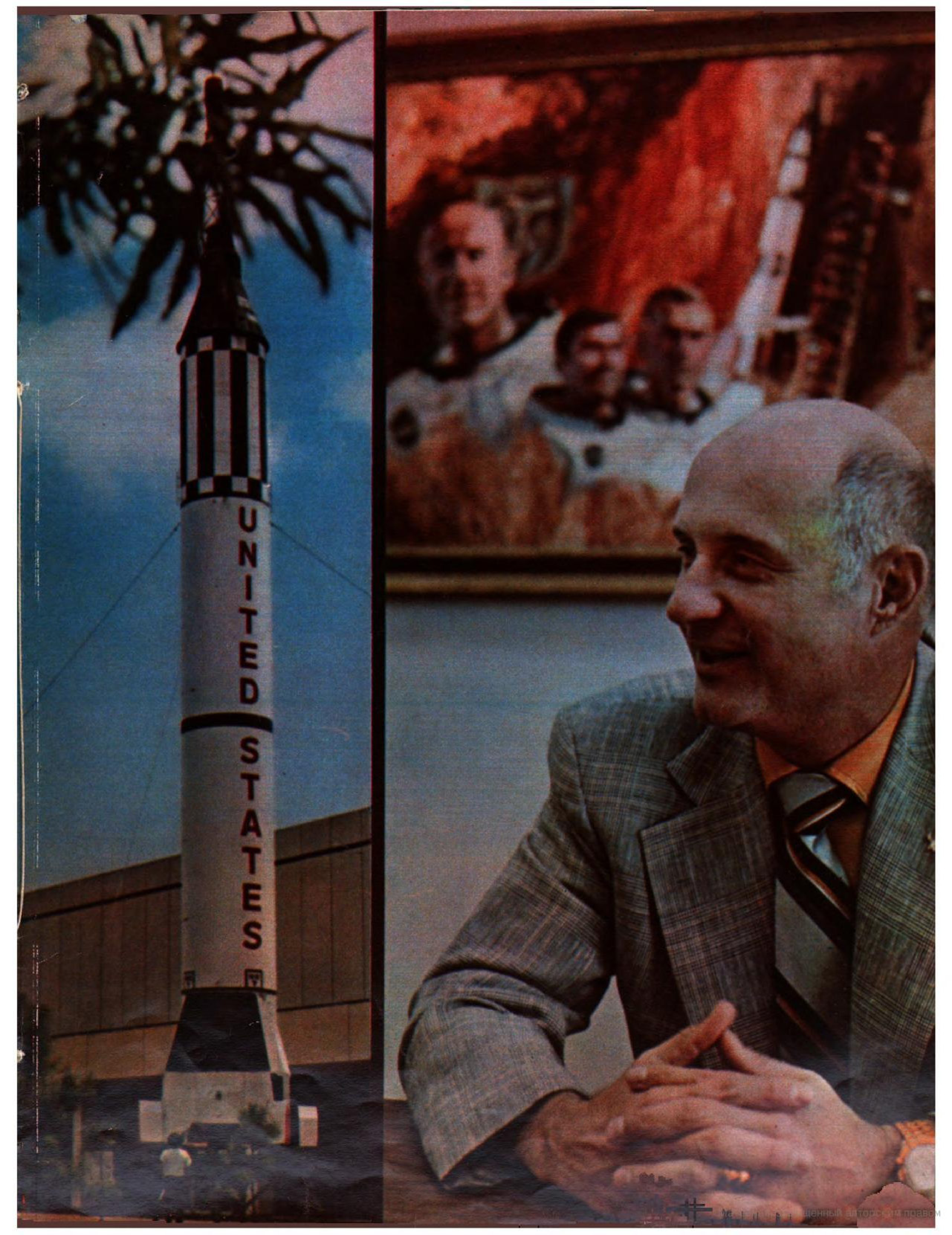
Снаряжение для работы на Луне.

Музей под открытым небом.

Космонавт Томас Стаффорд.

ITED
ATES
Lunar
Surface
Drill

UNITED
STATES

Skylab
ATM

около него желтый автомобиль. Это и будет ее дом. Вам следует выехать из отеля в 8.00».

Путь от гостиницы до дома мисс Лоезери оказался долгим, даже наш таксист по дороге не раз заглядывал в это путевое предписание. Но в конце концов мы, не теряя драгоценного времени на поиски, точно вышли на цель — дом с красной крышей и желтым автомобилем.

УРОК РУССКОГО ЯЗЫКА

«Как пройти от СЭВа до Кремля?» Этот вопрос мы услышали, входя в аудиторию, где занимались американские космонавты. Их было двое. Они стояли около большого макета центра Москвы, и учительница русского языка Нина Александровна Делакруз спрашивала их по-русски о том, как именно они пойдут названным маршрутом и какие улицы и площади при этом будут у них на пути. Космонавты водили длинной указкой по макету и по-русски поясняли свое воображаемое передвижение по центру нашей столицы.

При нашем появлении урок был прерван. На мой первый вопрос, заданный по привычке по-английски, американцы отвечали по-русски. Не очень складно, с ошибками, но речь их была вполне понятна. Дальше мы говорили с ними уже на нашем родном языке. Нина Александровна, радуясь и краснея за своих учеников, поправляла их, заставляла, как школьников, повторять слова и выражения, в которых они допустили ошибки. Как бы там ни было, мы еще и еще раз убедились, что космонавты — люди если не особенные, то не вполне обычные. Всего за три месяца занятий (а они занимаются, разумеется, не одним русским языком) они сумели далеко продвинуться в столь трудном языке, как наш. А ведь их отбирали из сотен и тысяч желающих не за лингвистические способности. Тогда таковые в расчет вовсе не принимались. Но, видимо, все-таки отбор есть отбор. Мужество, опыт, интеллект и желание — вот, пожалуй, их главные качества. Слитые воедино, эти качества образуют характер такого прочного сплава, которому под силу все или почти все.

Как и наши космопроходцы, начиная с незабвенного Юрия Гагарина, американские космонавты, по крайней мере те, с кем мы общались, сразу располагают к себе, в них чувствуешь скрытую силу и открытую душу. Все они еще до прихода в космический центр крепко закалили свою волю и многое познали.

Космонавты Дональд Слейтон (слева) и Роберт Овермейер у макета Москвы на уроке русского языка.

Летающая лаборатория «Скайлэб» в ангаре.

Когда мы попали в аудиторию с макетом Москвы, мы поняли, что нам повезло вдвойне. Во-первых, из-за урока русского языка. Во-вторых, потому, что один из двух космонавтов был из самого первого набора, другой был новобранцем. И самое любопытное состоит в том, что ветеран, как и новобранец, еще ни разу не был в космосе.

Интересной была беседа с ними. Меня главным образом интересовало, кто же они такие.

Итак, старший, Дональд Слейтон. Родился в 1924 году. Очевидно, он отметит свое пятидесятилетие, находясь в строю. Обращает на себя внимание его учебный и послужной список. Окончил университет в Миннесоте в 1949 году и стал инженером по аэронавтике. Это не случайно, ибо еще с 1943 года был пилотом военно-воздушных сил США. Совершил 56 боевых вылетов на бомбардировщике на европейском театре войны, затем добивал японских самураев (семь боевых вылетов). После окончания университета два года работал инженером авиационной корпорации «Боинг». С 1951 года Слейтон снова в военно-воздушных силах, пилот-инструктор, затем технический инспектор и, наконец, пилот на истребителе. С 1956 года — летчик-испытатель. Его инженерное образование было помножено на 4 900 летных часов, из них 2 950 — на реактивных самолетах. Вот с каким багажом пришел он в апреле 1959 года в первый отряд космонавтов, в который тогда, помимо него, было зачислено шесть человек. Они много сделали, их имена сегодня хорошо известны: Карпентер, Купер, Гленн, Гриссом, Ширра и Шепард.

Но почему же Слейтон до сих пор не побывал в космосе? Ведь еще в 1959 году он был намечен в качестве пилота седьмой миссии по программе «Меркурий». Полет этот состоялся в 1962 году, но не Слейтон, а Карпентер трижды обогнул тогда нашу планету за пять без малого часов. Слейтон был отстранен от полетов в связи с тем, что у него неожиданно обнаружились дефекты в сердце. Это был тяжелый удар судьбы. Но уйти из семьи космонавтов Дональд был не в силах. Он остался на оперативной работе и с 1963 года является командиром космического отряда. Высокое и ответственное дело. Почетное для любого. Но, наверное, не для него. Ему нужны сами полеты, а не руководство ими. И он все время борется со своим сердечным недугом. Натренированный более чем достаточно, он теперь сам лечит и тренирует свое сердце. И происходит, казалось бы, невероятное: в марте 1972 года строжайшая медицинская комиссия восстанавливает Слейтона в полных правах члена космического отряда. Правда, после этого командиром отряда его все же по совместительству оставили. Сейчас Дональд Слейтон готовится к совместному полету с советскими космонавтами. Потому и застали мы его у макета Москвы на уроке русского языка.

Другой участник нашей беседы, Роберт Овермейер, не собирается в совместный полет с нашими космонавтами, но он тем не менее тоже, как мы видим, учит русский язык. На будущее, впрок. И это знаменательно! В беседах с американскими космонавтами и руководителями космического центра мы все время ощущали большое, искреннее уважение по отношению к их советским коллегам. Здесь знают, почем фунт лиха, и всегда помнят о том, что первым землянином, проложившим дорогу к звездам, был Юрий Гагарин, русский, советский человек.

Роберт Овермейер производит впечатление очень собранного, сильного, вдумчивого человека. Ему тридцать семь лет. У него трое детей — две девочки и мальчик. Как и другие его коллеги, он имеет весьма солидную научную подготовку: из колледжа вышел с дипломом физика, а затем окончил военную аспирантуру по специальности «аэронавтика». И опыта ему не занимать. Сразу после окончания колледжа, в 1958 году, пошел учиться на военного летчика и стал таковым в 1959 году. Получив ученую степень по аэронавтике, он еще год занимался в специальной школе по подготовке космонавтов, после чего и был зачислен в 1969 году в космический отряд. За его спиной 3 500 часов летного времени, три тысячи из них — на реактивных самолетах. Был во вспомогательной команде при последнем полете на Луну.

Роберту Овермейеру мы должны быть благодарны за еще одну встречу в космическом центре. Оставив нас со Слейтоном и учительницей русского языка, Роберт куда-то исчез, а через минуту-другую появился и объявил, что он только что дозвонился до Томаса Стаффорда, который ждет нас в своем кабинете.

Стаффорд — один из первых американских космонавтов (с 1962 года) и один из самых активно действующих. При проведении полетов по программе «Джемини» он трижды был дублером. В декабре 1965 года он вместе с Ширрой на «Джемини-6» встретил в космосе корабль «Джемини-7». Более пяти часов оба корабля летели вместе. В июне 1966 года вместе с Сернаном летал на «Джемини-9», будучи командиром корабля. Он стыковался в космосе со специальной платформой, запущенной ранее. При приводнении он поставил рекорд, посадив корабль на расстоянии в 0,4 мили от расчетной точки. Затем Стаффорд был дублером при полете «Аполлона-7», а в мае 1969 года он уже командир «Аполлона-10», который облетел вокруг Луны, затем его «Лунник», отделившись от командного отсека, подошел к Луне на восемь миль и вернулся обратно. Так, Стаффордом был подготовлен полет «Аполлона-11», достигшего поверхности Луны в июле 1969 года. Всего в космосе Стаффорд провел 290 часов и совершил там за это время пять стыковок. Сейчас он готовится к совместному полету с нашими космонавтами. Его космическая биография — хороший пример разумного использования творческих возможностей способного человека.

Итак, мы в кабинете Стаффорда. Стандартный американский оффис с небольшими отклонениями: в углу стоит американский флаг, на стене висят рога антилопы. Кабинет, флаг и секретарша в приемной — признаки известного служебного положения. Так оно и есть! Стаффорд — заместитель командира космического отряда Дональда Слейтона, о котором мы говорили выше. Да, у Стаффорда его коллеги могут многое позаимствовать с пользой для себя. За его плечами шесть тысяч летных часов, пять тысяч из них — на реактивных самолетах. Он соавтор двух книг — «Настольная книга пилота-испытателя» и «Настольная книга по аэронавтике для пилотов-испытателей».

Поскольку мы пришли к нему с урока русского языка и поскольку он тоже говорит с нами по-русски, начинаем разговор с ним о том, как им дается наша грамота.

— Что ж! — говорит он.— Учить русский трудно, но можно. Каждый день я занимаюсь языком по 3—4 часа. Вот понимаю, что вы говорите. А вы понимаете мой русский?

Затем разговор совершенно естественно переходит на совместную работу американских и наших космонавтов. И в словах Стаффорда

тоже звучат глубокое уважение по отношению к советским коллегам и горячая заинтересованность в совместных экспериментах. Он с восторгом рассказывает о своем пребывании в нашем Звездном городке, о личной дружбе с советскими космонавтами, о том, как их радушно встречают здесь, в Хьюстоне. Кстати, мы тут же стали свидетелями того, как здесь тщательно готовятся к очередной встрече с советскими коллегами. Группа советских специалистов и космонавтов, принимающих участие в подготовке совместного полета пилотируемых кораблей по программе «Союз — Аполлон», прибывала в Хьюстон через три дня. Это был уже не визит вежливости, не экскурсия, а совместная работа. В центре нам рассказали, что для встречи скрупулезно подготовлено обсуждение технических подробностей совместного полета и стыковки космических кораблей и совместимости стыковочных механизмов и узлов. Эта встреча стала первой такого рода совместной работой. Она показала главное — подготовка совместного полета вступила в практическую стадию. Продолжение этого диалога состоится в ноябре этого года в Звездном городке.

Мы пришли к Стаффорду всего через несколько дней после того, как в космическом центре благополучно закончилась нелегкая страда: полет первой троицы американцев на «Скайлэбе». Полет, как помните, драматический.

— Да, пришлось изрядно поволноваться,— вспоминает Стаффорд.— Как и все сотрудники нашего центра, я работал в те дни по 15—16 часов в сутки. Кроме сна, совершенно необходимого для отдыха, и работы, у нас в то время ничего не было. Очень, очень большое было напряжение.

Кстати, еще будучи в Вашингтоне, мы в течение почти двух часов наблюдали по цветному телевизору всю процедуру приводнения вернувшихся со «Скайлэба» космонавтов. Наловчившиеся на таких событиях операторы телевидения поймали в свои объективы падающий в океан космический корабль еще до того, как над ним раскрылись парашюты. И затем они уже не выпускали его из поля зрения ни на секунду. Четко отработанная операция приводнения, подъема корабля на палубу авианосца и выхода космонавтов на свет божий произвела на нас большое впечатление, которое навсегда, наверное, закрепилось в памяти после того, как мы снова увидели их, но уже не на экране, а наяву, в Сан-Клементе, при их встрече и беседе с Л. И. Брежневым. Мы стояли совсем рядом с беседующими и видели, что, несмотря на торжественность момента, это был как бы и деловой разговор, дружеский обмен мнениями двух сторон, заинтересованных в одном общем важном деле.

Как от космонавтов в космическом центре, так и от этих трех храбрецов со «Скайлэба» мы услышали тогда теплые слова в адрес советского народа и высокую оценку визита Л. И. Брежнева в США. Они попросили Л. И. Брежнева передать советским космонавтам универсальный нож, которым они пользовались в полете. На ноже такая надпись: «Во всех полетах в космосе мы с вами, а вы с нами».

Мы поделились со Стаффордом своими впечатлениями об этой встрече и прямой телевизионной передаче с места приводнения команды «Скайлэба». При этом мы сказали ему:

— Нас просто изумило, как блестяще осветило ваше телевидение приводнение «Скайлэба», но еще больше нас поразило то, что эта, можно сказать, историческая передача то и дело прерывалась коммерческой рекламой. Мы, например, затаив дыхание, ждем с мгновения на мгновение выхода мужественных космонавтов из их корабля на палубу авианосца, никто еще не знает, в каком состоянии они находятся, а нас начинают глушить то рекламой присыпки от пота, то рекламой средства от геморроя, то рекламой стирального порошка. Что вы думаете по этому поводу?

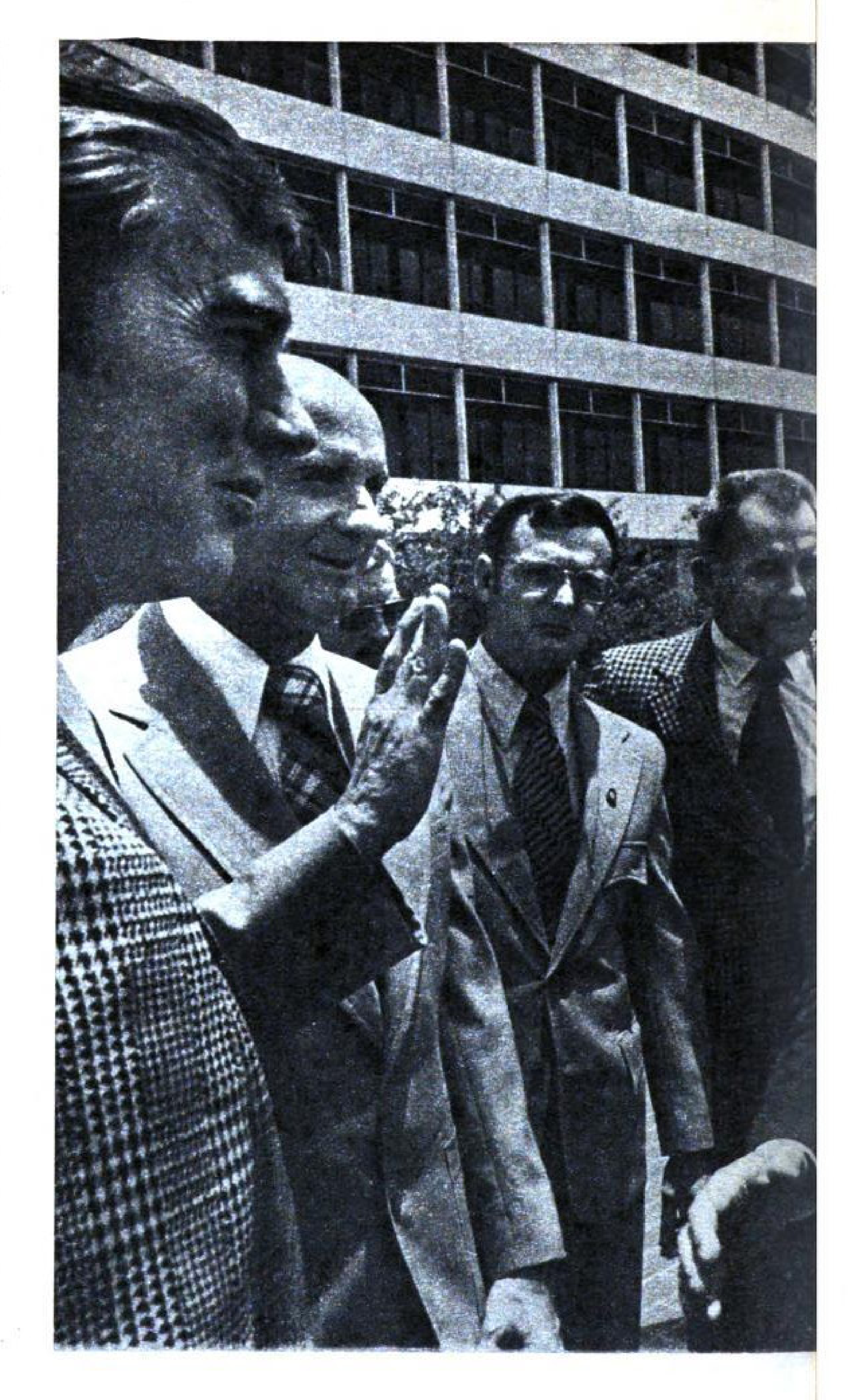
— Я так же, как и вы, возмущаюсь, но поделать ничего не могу. Я лично вообще не обращаю внимания на нашу рекламу и вам советую делать то же самое.

— Неужели даже вы, космонавты, гордость всей страны, не можете отстоять от рекламного опошления хотя бы вот такие два часа одиндва раза в год?

— Не можем. Здесь и мы бессильны.

Стаффорд дарит нам свои фотографии и пишет на каждой из них несколько теплых слов. Потом мы отправляемся в поход по космическому центру, который носит имя бывшего президента США Линдона Джонсона. Сам по происхождению техасец, Джонсон был одним из инициаторов создания этого центра именно здесь, в штате Техас. Центр был открыт в сентябре 1963 года. Чем здесь занимаются? Проектированием, усовершенствованием и испытанием космических кораблей и всего оборудования, относящегося к этой сфере человеческой деятельности. Здесь же производят отбор и тренировку космонавтов, планируют и организуют полеты человека в космос, проводят всевозможные медицинские, научные и технические эксперименты. И хотя запуск и приводнение космонавтов происходят за тысячи миль от Хьюстона, главный центр контроля за всеми полетами находится здесь. И в безбрежном пространстве астронавты, как и на Земле, прочно связаны со своим родным центром. Здесь постоянно трудятся около четырех тысяч инженеров, техников, администраторов, инструкторов, клерков и... сорок космонавтов. Семь тысяч специалистов работают в центре по временным контрактам.

Неподалеку от центра выросли за эти десять лет кварталы жилых домов, отели, школы, магазины... На территории самого центра около ста зданий, от девятиэтажного проектного здания до каменной контрольно-пропускной будки у ворот. Впрочем, здесь ее назначение несколько сужено. Она служит нуждам местного ГАИ. Сам же космический центр уже давно стал одной из главных туристских достопримечательностей в США. И первое, на что обращаешь там внимание,— это толпы туристов, бредущих из здания в здание. В центре контроля за полетами рабочий зал отделен от зрительного толстым стеклом, за которым широким амфитеатром поднимаются ряды, как в большом кинотеатре. Нас провели в рабочий зал, который, впрочем, и через

стекло виден отлично. Там в несколько рядов сидят специалисты. Перед каждым телевизионный экран, компьютеры, какие-то кнопки, клавиши, телефоны. Все сидят лицом к одной стене, на которой постоянно светятся круги полушарий Земли, по ним змейкой бежит траектория полета космического корабля. В тот раз, в день нашего посещения, эту линию чертила небесная лаборатория «Скайлэб», которую недавно покинула первая смена космонавтов и которая ждала вторую. На двух белых экранах бежали какие-то цифры. Здесь, в этом зале, вахту несут круглосуточно, ведь космос ныне стал постоянно населенным пришельцами с Земли и их хитроумными кораблями, лабораториями и спутниками. Но несколькими десятками специалистов, сидящих в этом зале, отнюдь не ограничивается контроль за полетом. Во время каждой очередной космической одиссеи ее обеспечивают одновременно несколько тысяч человек. Здесь же, можно сказать, мозг, глаза и уши всего этого многотысячного единого коллектива. Между прочим, уже здесь, в этом зале, убеждаешься в неразрывной связи между человеком и космосом. Здесь, например, стоит оборудование, фиксирующее самочувствие космонавта, находящегося на Луне. По такому же принципу, такой же аппаратурой оборудуются сегодня многие медицинские центры. Колумб, как известно, не собирался открывать Америку, цель у него была совсем иная. И тем не менее в результате его путешествия на Земле произошло немало перемен. Так же и с исследованием космоса. Сколько еще доброго могут принести людям эти исследования! В этом убеждаешься, когда знакомишься с космическим центром. Между прочим, вспомним, что первые эксперименты с электричеством, атомной энергией, автомобилями, самолетами и ракетами поначалу считались занятными, но не имеющи-

Центр пилотируемых космических полетов в Хьюстоне. На снимке: советские космонавты Алексей Леонов и Валерий Кубасов — первый экипаж основного корабля «Союз» — с американскими коллегами в Хьюстоне.

Фото АП — ТАСС.

ми практической ценности. Электромотор, например, совершивший техническую революцию, почти не находил практического применения в течение ста лет после его изобретения. Такая замедленная отдача многих достижений науки и техники совсем не свойственна исследованиям космоса. Возьмем хотя бы радио и телеспутники. Они уже и коммерчески выгодны. А спутники, предсказывающие погоду?! В США они не раз вовремя предупреждали людей о надвигающихся стихийных бедствиях. Так, именно спутник сообщил о приближении тайфуна Клара, после чего было заблаговременно эвакуировано 350 тысяч человек. Подсчитано, что точное предсказание погоды за счет спутников на пять дней вперед экономит в США ежегодно около семи миллиардов долларов (в расчет берется экономия в сельском, лесном и водном хозяйствах и на транспортных коммуникациях). Океанография, геология и многие другие сугубо практические области уже стали неотделимы от работ в космосе. Между прочим, чем больше растут цифры экономической выгоды, которую приносит на Земле деятельность людей в космосе, тем относительно меньше эти цифры делаются в сфере самих космических исследований. В 1958 году в США уходило 100 тысяч долларов на каждый фунт веса, запущенного на орбиту, сегодня тот же фунт запускается за одну тысячу долларов.

И еще несколько любопытных цифр. До высадки первого американца на Луну на исследования космоса в США было затрачено около 20 миллиардов долларов. Немало! Но за те же десять лет американцы пропили денег в четыре раза больше и прокурили в два раза больше. Несколько больше этой суммы они истратили за то же время на различного рода пари.

И, наконец, в официальной, типографским способом отпечатанной справке, изданной космическим центром в 1972 году (№ 779—263/802), говорится: «Каждый доллар, вложенный в США в исследование космоса за последние десять лет, принес сегодня четыре доллара».

Разносторонняя работа космического центра охватывает буквально всю страну. Так, с 1965 года по 1971-й космический центр заключил 1 640 контрактов на научные исследования с 223 университетами и колледжами. За десять лет тот же центр заключил около 20 тысяч контрактов с промышленностью страны. Между прочим, мне подчеркивали, сколь это сложно и ответственно — координировать все эти контракты и поставки по ним. Это целая особая наука!

Интересно было наблюдать в космическом центре и за тем, как новая смена «Скайлэба» еще и еще раз осваивала лабораторию. Здесь, под крышей, дубликат гигантского сооружения (кубатура внутренних помещений «Скайлэба» — 390 куб. метров!) был разобран на свои главные составные части, каждая из которых сама по себе производила должное впечатление.

В космических кораблях, действовавших по программе «Меркурий», астронавты едва могли повернуть в сторону голову и двинуть рукой. В кораблях по программе «Джемини» космонавты уже не чувствовали себя столь скованными в своих движениях. На кораблях типа «Аполлон» члены экипажа могли сделать два-три шажка в разные стороны, ели горячую пищу и спали в нормальных для космоса условиях. А на «Скайлэбе» космонавты бегали по кораблю и принимали там душ! Серийное создание и постоянное использование таких летающих лабораторий — дело самого ближайшего будущего.

Приблизились к тайнам Луны. Летят корабли-разведчики к Марсу и Юпитеру. Пока еще без экипажей. На очереди создание космических кораблей для многократного использования, для регулярных полетов в космосе, космических самолетов, если хотите. К этому делу здесь уже приступили.

Сколько поистине фантастических вещей могут создать сегодня разум и руки человека! И чем дружнее будут работать люди, тем большего они достигнут. И, думается, в высшей степени символично, что именно в сфере космических исследований — научно-технической вершине нашего века — ученые и космонавты СССР и США отныне решили сотрудничать. Для этого, помимо обоюдного желания, нужно одно непременное условие — мир. И, с другой стороны, такие соглашения, их претворение в жизнь как нельзя лучше способствуют делу мира. «Совершенно очевидно,— отмечает «Уолл-стрит джорнэл»,— что функционирование системы жизнеспособных соглашений поможет в осуществлении мечты человечества о мире без войн».

Об этом тоже думалось при посещении космического центра. Все эти симпатичные и мужественные астронавты, с которыми мы встречались,— военные летчики. И, глядя на них, я не мог не вспомнить их коллегу, капитана военно-воздушных сил США Эдварда Брадно. В те дни, когда мы ездили по Соединенным Штатам, его имя прогремело в американской прессе так, как будто бы и он совершил подвиг в космосе. Но Брадно не имел никакого отношения к астронавтике. Он был сбит во вьетнамском небе и попал в плен. Там у него было достаточно времени подумать над своей судьбой, над смыслом жизни и войны, в которой он участвовал. Но, как свидетельствовал сам Брадно, даже в плену особых сдвигов в его сознании не произошло. В 1973 году он был передан американским властям вместе с другими американскими военнопленными. Эдвард вернулся на родину, где его ждала семья. И там, в своем собственном доме, он узнал, что во время его вынужденного долгого отсутствия жена и ее родители активно и упорно боролись против американских военных действий во Вьетнаме. Да, боролись, но не так, как многие другие родственники военнопленных, добивавшиеся одной конкретной цели — освобождения родных. Они стали активными участниками массового движения за мир во Вьетнаме. Это никак не укладывалось в сознании Эдварда, но тем не менее оно было явно пробуждено. Его брат Роберт говорит, что «Эдвард был поражен тем, как много американцев выступало против войны».

Имя капитана, военного летчика стало вдруг известным в тот самый день, когда он покончил жизнь самоубийством. Характерно, что Брадно, американец по происхождению, написал перед смертью несколько слов не на своем родном языке, а на французском, который он изучил, находясь в плену. Видно, он не хотел обращаться к остающимся после него на родном языке. Он написал следующее: «Моя жизнь теперь ничего не стоит».

И еще одна деталь, из-за которой я вспомнил о Брадно, находясь в космическом центре. Родные рассказывают, что у Эдварда была одна страстная мечта — стать космонавтом.

Вашингтон — Хьюстон, США.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЯЧЕСЛАВА ЯКОВЛЕВИЧА ШИШКОВА

Николай ЕСЕЛЕВ

ТАЛАНТ, ОТДА

В 1908 году в газету «Сибирская жизнь» зашел никому не известный автор с небольшой сказкой «Кедр», посвященной учителю Томской гимназии П. М. Вяткину по случаю 25-летия его педагогической деятельности. Автор назвал сказку символической... «Кедр, высокий, развесистый, мощный, с глубоко ушедшими в родную землю корнями, гордо стоял на поляне и шумел своей буйной, вечнозеленой хвоей...» И в тихие летние зори и в зимние холода слетались к нему птички со всех концов обширной поляны, смело садились в его пушистые хвои и пели ему песни... «Спасибо, спасибо, кедр... Кедр, ты справедлив... Мы тебя любим... Ты защищаешь нас... Ты учишь нас жизни... Спасибо, спасибо, кедр...»

Тридцатипятилетний техник, исследователь сибирских рек и сухопутных дорог Вячеслав Шишков радовался, как ребенок, когда эта небольшая сказка была напечатана. Она отражала душевные настроения Шишкова, в ее символике были заложены его чувства, переживания и устремления. Ведь и сам Шишков, подобно могучему сибирскому кедру, в первых же своих очерках и рассказах наперекор злым ветрам встал на защиту слабых и угнетенных...

Именно здесь, в Сибири, проходя и проезжая по необозримым просторам, по таежной глухомани, Шишков столкнулся с резкими социальными противоречиями самодержавия, он испытал всю глубину антагонизма между тружениками и эксплуататорами, между угнетенными малыми народами и царскими чиновниками. И здесь, в Сибири, он поднял свой голос в защиту трудящихся, в защиту таежных жителей — тунгусов, якутов, алтайцев...

Особая привязанность у него была к тунгусам. Он любил их за непосредственность и исключительную природную прозорливость, за их неоценимую и бескорыстную помощь, оказанную Шишкову и его товарищам в нелегкие дни скитаний по Нижней Тунгуске.

Всеми доступными средствами Вячеслав Шишков старался облегчить тяжелую участь этих «народов-пасынков», как их тогда называли в Сибири. В очерках и рассказах «Пасынки», «Помолились», «Суд скорый», «Холодный край» и других он разоблачал местных купцов и царских чиновников, наживавшихся на спаивании и обмане таежных охотников-следопытов, добывавших ценнейшего пушного зверя.

Гуманная гражданская деятельность начинающего писателя вызвала в те мрачные времена общее одобрение демократической интеллигенции Сибири. Газета «Жизнь Алтая» писала о рассказе «Помолились», прочитанном автором на вечере у географа и этнографа Сибири Г. Н. Потанина, что «Вяч. Шишков, этот скромный и малозаметный еще писатель, способен нежно и любовно взять читательскую душу и унести ее на далекий-далекий север Сибири, как ни один еще из русских писателей, побывавших в холодном изгнании, и показать не только грустные картины тайги и тундры, но и полудетскую душу обитателей их развернуть перед вами, как четко и крупно напечатанную книгу».

Первый маленький успех пробудил в технике Шишкове дремавшие под спудом творческие силы. Подбадриваемый искренними похвалами друзей, он все чаще урывками от службы занимается писательским трудом и одновременно пополнением своего образования. Скромный и весьма требовательный к себе, Шишков наконец решается послать свои вещи в Петербург, и вскоре в журнале «Заветы» был напечатан рассказ из тунгусской жизни «Помолились».

Опубликование рассказа совпало с кратковременным визитом Шишкова в столицу. Имя нового писателя из Сибири было замечено в петербургских литературных кругах. Вячеслава Шишкова тепло принимают А. Ремизов, М. Пришвин, Р. Иванов-Разумник, популярные среди писателей издатели В. Миролюбов, М. Аверьянов. Вслед за рассказом «Помолились» в «Заветах» и в «Ежемесячном журнале» появляются рассказы «Суд скорый», «Ванька Хлюст», «Чуйские были», «Краля» и другие. Это было признание. Оно заставило Шишкова всерьез задуматься о своем дальнейшем пути.

В 1914 году, в один из очередных служебных приездов в Петербург, Вячеслав Шишков впервые встретился с М. Горьким, который знал о Шишкове и принял горячее участие в его литературной судьбе. Через год, когда Вячеслав Шишков представил ему на просмотр свою повесть «Тайга», посвященную жизни сибирской деревни, М. Горький внимательно ее прочитал и дал автору вдохновляющий и обнадеживающий ответ. «Дорогой Вячеслав Яковлевич! — писал Горький.— «Тайга» очень понравилась мне, и я поздравляю Вас,— это крупная вещь. Несомненно, она будет иметь успех, поставит Вас на ноги, внушит Вам убеждение в необходимости работать, веру в свои силы».

Вячеслав Яковлевич с матерью и сестрой Екатериной. 1900 год.

Доброе, дружеское напутствие Алексея Максимовича и опубликование «Тайги» в редактируемом им журнале «Летопись» имели решающее значение для дальнейшей творческой судьбы писателя.

Вячеслав Шишков родился 3 октября 1873 года в старинном городе Бежецке, Тверской губернии (Калининская область), в небогатой купеческой семье. Еще в школьные годы Шишков увлекся русской литературой, пристрастился к чтению произведений классиков, полюбил русское слово, крылатые фразы и выражения и юношей, сам пока не представляя себе для чего, старательно их записывал, находясь на производственной практике в Новгородской и Вологодской губерниях. Сам он говорил позднее: «...Устремления к писательству у меня с юных лет, даже с детства». Казалось, многое предопределяло раннее становление его как писателя.

Однако судьба по-своему распорядилась его призванием и талантом. Как раз в те времена, когда Шишков учился в Бежецком городском училище, писал отличные сочинения, когда проявились его творческие способности, торговые дела отца, Якова Дмитриевича Шишкова, мелкого купца, пришли в упадок, он разорился и стал работать приказчиком у местных торговцев. Чтобы продолжить образование, Вячеслав должен был вопреки призванию поступить в Вышневолоцкое техническое училище, потому что его ученикам предоставлялось общежитие и выплачивалась стипендия. По окончании технического училища Шишков, как старший сын, принимает на себя значительную долю забот о многочисленной семье, где он рос и воспитывался. Семья у Якова Дмитриевича была немалая. Кроме Вячеслава, еще два сына и две дочери, бабушка Елизавета Даниловна и родственница матери слепая старуха Федосья Ивановна...

В 1894 году, после прохождения производственной практики, в звании техника Вячеслав Шишков едет в Сибирь и поступает на работу в Томский округ путей сообщения. Двадцать лет посвящает он подвижническому труду по исследованию сибирских рек и сухопутных дорог. Шишков проехал, проплыл, прошел пешком тысячи и тысячи километров, промерил, зарисовал на специальных картах Енисей, Иртыш, Обь, Лену, Бию, Катунь, Чулым, Ангару и Нижнюю Тунгуску (где он едва не погиб).

По его проекту, составленному в дореволюционные годы, в советское время перестроен Чуйский тракт от города Бийска до границ Монголии.

Вячеслав Шишков, возглавляя многие экспедиции, долгое время жил и работал среди простого народа. В Сибирь собирались люди из разных губерний Центральной России. Сюда ехали малоземельные крестьяне, рабочие-строители, золотоискатели, здесь отбывали наказание уголовные преступники, жили политические ссыльные, селились притесняемые правительством и церковью старообрядцы и сектанты, бродяги и охотники за легкой наживой. Любопытный мир всевозможных характеров и человеческих судеб встретился на пути Вячеслава Шишкова. Он глубоко познал жизнь и быт сибиряков, полюбил народный образный, сочный язык. Сибирь он называл своей второй родиной. Здесь пробудилось и развилось его литературное дарование, закалилось гражданское мужество. «За едино сердце» жил он с людьми Сибири, поднимал в защиту их свой голос писателя и гражданина, борясь против царского гнета и насилия.

Только в 1915 году Вячеслав Шишков по-

В. Шишков за работой на Алтае. 1914 г.

ННЫЙ НАРОДУ

кидает Сибирь и переезжает на постоянное жительство в Петроград. Ему трудно было расстаться с этим чудесным краем, с городом Томском. В Сибири он близко сошелся с революционной молодежью, посещал студенческий кружок, тайные вечера с рефератами и диспутами, активно работал в составе президиума Научного общества по изучению Сибири, выступал с докладами в народных чтениях, на публичных вечерах, в литературном кружке. Он близок был с томскими профессорами Солнцевым, Вейнбергом, Зубашевым, Соболевым и другими, у него были личные друзья— писатели Анучин, Бахметьев, Г. Вяткин, Крутовский, Шаталов, его любил и уважал выдающийся исследователь Сибири и Монголии Г. Н. Потанин, который известие об отъезде Вячеслава Шишкова встретил с большой горечью. «Это измена Сибири,— говорил он Шишкову.— Вы забудете Сибирь. Вы ей нужны. Она так бедна талантами!»

Около двух лет Вячеслав Шишков продолжает работать в Министерстве путей сообщения над проектом Чуйского тракта и попутно пишет очерки и рассказы о Сибири: он не забыл ее. Теперь он часто встречается с М. Горьким, с другими писателями. С пристальным вниманием слушает рассказы Алексея Максимовича о странствиях по Руси, восхищается его глубоким знанием жизни народной. «Уходил я,— писал Шишков о своих посещениях Горького,— с переполненной впечатлениями головой... Душа насытилась до отказа. Я впервые встретился с таким мудрым рассказчиком...»

В 1917 году, когда Шишков, по его словам, «почувствовал и осознал себя полноправным членом и работником нового, молодого советского общества», он, не без помощи и влияния М. Горького, перешел к профессиональному литературному творчеству. Шишков настроен бурно и радостно, работает с большим подъемом. Он часто выступает со статьями и очерками, посылает корреспонденции в Томск, в газету «Сибирская жизнь», пишет рассказы и повести. Теперь уже деятельность литератора заполняет всю его жизнь. Вячеслав Яковлевич работает под руководством М. Горького в Обществе помощи писателям. Стремясь еще больше изучить жизнь народа, познать быт крестьян после Октябрьской революции, Шишков в 1918—1924 годах совершает несколько поездок по деревням и селам Петроградской, Тверской, Смоленской и Костромской губерний. Очерки, написанные в результате длительных странствий и наблюдений, печатались в «Правде», в других газетах и журналах, составили книгу под названием «Ржа-

В. Я. Шишков в экспедиционной партии на реке Бия. 1910 г.

ная Русь». «Первый раз,— писал Шишков в очерках,— иду по своей земле, по Российской Советской Республике, первый раз встречаю свободного мужика, русского республиканца... Мысли его в узелках, обрывках, как спутанные нитки... Ему надо все сразу, вот сейчас, как в сказке, и руку протянул — давай! История же наградит хорошей судьбой, может быть, только его потомство...».

Жизнь «кабинетного литератора» была чужда Шишкову. Он не засиживался дома. Он активно изучает новостройки, посещает индустриальные центры, сельскохозяйственные районы, глубоко знакомится с жизнью тружеников городов и сел. Сталинградский тракторный завод, «Ростсельмаш» и совхоз «Гигант», Краснодар, Рыбинск, Ярославль, Пермь, Свердловск, Нижний Тагил, разработки калийных солей в Соликамске, Белое море — подъем ледокола «Садко», Усолье, Хибиногорск, Беломорский канал, Севастополь, Одесса — вот далеко не полный перечень тех мест и событий, где побывал и чему был свидетелем Шишков. «Я никогда, ни на один день не представлял себе свои личные радости и горести, тем более писательскую свою судьбу,— вне судьбы народа»,— писал Шишков.

Благодаря постоянному общению с людьми, широкому знакомству с жизнью и бытом города и деревни, беседам с партийными и советскими работниками Вячеслав Шишков всегда был в курсе всех событий жизни народной. Это помогло ему написать рассказы «Свежий ветер», «Журавли», пьесы «Старый мир», «Мужичок», «Вихрь», «Грамотеи» и другие, повесть «Пейпус-озеро» и более сотни Шутейных рассказов, в которых раскрылось незаурядное дарование его как юмориста. Откликаясь на важную инициативу советского общества — борьбу с беспризорностью, писатель посвящает этой теме большую повесть «Странники», замеченную и положительно оцененную Роменом Ролланом.

«За эти годы,— писал М. Горький В. Шишкову,— я читал в разных журналах Ваши очерки российской жизни и всегда, с благодарностью Вам, думал: как это бодро, надежно и как — поэтому — хорошо, нужно».

С 1920 по 1932 год Шишков пишет с большими перерывами свой знаменитый роман «Угрюм-река». Выход в свет в 1933 году романа-эпопеи явился заметной вехой в творческой жизни Шишкова, в развитии советской литературы.

Созданию романа автор придавал величайшее значение: «Эта работа, может быть, та самая, зачем я послан в жизнь». По словам Шишкова, «главная тема романа, так сказать, генеральный центр его, вокруг которого вихрятся орбиты судеб многочисленных лиц,— это капитал со всем его специфическим запахом и отрицательными сторонами. Он растет вглубь, ввысь, во все стороны, развивается, крепнет и, достигнув предела могущества, рушится. Его кажущуюся твердыню подтачивают и валят нарастающее самосознание рабочих, первые шаги их борьбы с капиталом, а также неизбежное стечение всевозможных обстоятельств, вызванных к жизни самими свойствами капитала».

Широчайшее по охвату событий произведение вобрало все, что писатель пережил и перечувствовал за многотрудные сибирские годы, годы исследователя и землепроходца.

«В этой книге Шишков,— писал К. Федин,— проявил все стороны большого русского бытописателя, и когда наш читатель захочет заглянуть в глубины глубин истории Сибири, он не сможет обойтись без Вячеслава Шишкова».

Роман «Угрюм-река» волнует душу читателей не одного поколения, разных по уровню развития и культуры.

«Всеми цветами радуги блистает Ваш чудо-самоцвет «Угрюм-река», в котором с мастерством большого художника Вами создана целая галерея портретов, полотен жизни и правды. Это творение могло родиться только у мастера, который прошел прямым путем свой творческий путь, который за своими плечами имеет большой жизненный опыт, любит свой народ и все свои богатства большой души и чистого сердца отдает ему безраздельно»,— писали Шишкову во время войны старшие офицеры-фронтовики тт. Иванов, Зотов, Белов.

28 сентября текущего года исполнилось двести лет с того дня, когда началась антифеодальная крестьянская война под водительством донского казака Емельяна Ивановича Пугачева, которую с большим искусством, исторически достоверно отобразил Вячеслав Шишков в знаменитой эпопее. Он приступил к созданию «Емельяна Пугачева» в 1935 году и работал над ним до последнего дня своей жизни. Только такому всестороннему знатоку русской истории, народной жизни, обычаев, языка, великолепному мастеру слова, каким был Вячеслав Шишков, по силам стало воплотить в жанре художественного повествования борьбу народов России со своими угнетателями.

Кто только не проходит перед взором читателя в этом романе, начиная от самого Емельяна Пугачева с его ближайшими сотоварищами, а также Фридриха II, Петра III, Екатерины II с ее вельможами и полководцами и кончая купчишкой-«прохиндеем», ухитрившимся потребовать у Пугачева старую задолженность Петра III за поставлявшиеся к его двору продукты!

Вячеслав Шишков с любовью, изумительной настойчивостью и последовательностью работал над образом Емельяна Пугачева. Он взвешивал каждый поступок, каждое движение души этого талантливого руководителя крестьянских масс, советовался со своими друзьями, с учеными, специалистами по русской истории XVIII века, высказывая свои мысли о политической и стратегической одаренности Емельяна Пугачева и о его слабости, о его идеалах и устремлениях.

Шишков воплотил в образе Емельяна Пугачева многие выдающиеся черты русского характера. Богатырская удаль сочетается в нем с ярким природным умом, сильной волей, мудрой народной сметкой; сердечность и простодушие — с беспощадностью и твердостью характера, когда дело касалось помещиков-угнетателей...

«Да, он, Емельян,— писал Шишков,— добропорядочный человек получается, он, несомненно, таким и был. Милостью своей подкупал народ, силой воли всех держал в руках, искусством воевать побеждал царицыных генералов».

Прекрасен и ярок язык повествования. Образная речь, лукавый юмор, пословицы и поговорки — все это изобилует в «Емельяне Пугачеве». Здесь, пожалуй, больше, чем в каком-либо другом своем произведении, автор окунулся в безбрежную стихию родного языка.

* * *

В. Я. Шишков всегда был близок к народу, жил с ним в постоянном общении, глубоко верил в его силы и разум. Он вместе с ним прошел все испытания. Радовался его успехам и переносил с ним трудности и беды. Так он поступал в годы своих странствий по Сибири. В октябрьские дни 1917 года он приветствовал социалистическую революцию, положившую начало новой жизни...

Когда на нашу Родину напал коварный и жестокий враг, наступили тяжелые дни Великой Отечественной войны, Вячеслав Шишков не покинул свой город. Пока были силы, он оставался в осажденном Ленинграде и всеми доступными средствами вместе с воинами и жителями города боролся против захватчиков.

Среди писателей, оставшихся в осажденном городе, он был старейшим. Своими статьями, очерками, рассказами, выступлениями по радио, чтением своих произведений Шишков старался помочь защитникам города Ленина, разделить с ними тяжесть их борьбы.

Он пишет очерки «Слава русского оружия», «Партизан Денис Давыдов» и другие. Не оставляет без внимания и свое любимое детище — «Емельяна Пугачева», не забывая всякий раз захватывать с собой рукопись в бомбоубежище. «Вячеслав Яковлевич в суровые дни блокады являлся мужественным защитником Ленинграда,— пишет С. Спасский.— В частности, для фронтовой газеты «На страже Родины» он писал глубоко патриотические рассказы, которые пользовались большой любовью в армии. В те незабываемые дни дойти до редакции составляло уже немалый труд. Однако Вячеслав Яковлевич всегда в срок появлялся в промерзших редакционных комнатах и приносил свой очередной рассказ. «Наша, черт побери, возьмет!» — так говорил Шишков своим друзьям — ленинградским писателям. Волей, спокойствием и непреклонной верой в победу веяло от всего его облика».

Две зимы — 1941 и 1942 годов — Шишков вместе с семьей жил и трудился в Ленинграде. Он стойко переносил все невзгоды. Тяжелая обстановка осажденного города, подходивший к концу седьмой десяток лет не могли не сказаться на здоровье Вячеслава Яковлевича. По настоянию друзей он наконец согласился выехать из Ленинграда. Первого апреля Шишков навсегда покинул любимый город и 15-го числа того же месяца вместе с семьей прибыл в Москву.

В столице Вячеслав Яковлевич продолжал работать над второй и третьей книгами «Емельяна Пугачева», написал повесть «Прохиндей», 14 рассказов на фронтовые темы, вышедших отдельной книгой «Гордая фамилия». Несмотря на подорванное блокадой здоровье, Шишков выполнял большую общественную работу. Выступал по радио, в госпиталях, на литературных вечерах с чтением своих произведений, вел активную переписку с начинающими писателями, помогая им своими советами, своим опытом; выступил с речью на открытии в Ясной Поляне музея Льва Толстого.

Патриотические рассказы В. Шишкова, его книги, написанные просто и доходчиво, в которых героями выступали люди сибирской закваски, с большим удовлетворением читались на фронтах Отечественной войны, на предприятиях, в колхозах и совхозах.

Читатели в своих письмах выражали Шишкову сердечную благодарность за его рассказы, за его романы и повествования, помогающие им в ратных и трудовых подвигах. «Здесь, на фронте,— пишет 22 декабря 1942 года красноармеец Михаил Дмитриевич Клопин,— я с удовольствием прочитал Ваши очерки и рассказы на материале из Отечественной войны: «Советские Сусанины», «Клятва на горе», «Гость из Сибири» и другие... И мне хочется выразить дорогому автору свои чувства восхищения, признательности и благодарности. Нам приятно и отрадно сознавать, что вместе с нами силами художественных средств, острым пером и каленым словом громят и бьют ненавистного врага товарищи писатели. И в шеренге их Вы, старейший и почтеннейший воин!»

Коммунистическая партия и Советское правительство по достоинству оценили литературную и общественную деятельность Вячеслава Яковлевича Шишкова. В день своего семидесятилетия он был награжден высшей наградой Родины — орденом Ленина. Ранее он был награжден орденом «Знак Почета», украшала его грудь и медаль «За оборону Ленинграда». За роман-эпопею «Емельян Пугачев» Вячеславу Шишкову посмертно, в 1946 году, была присуждена Государственная премия первой степени.

Вячеслав Яковлевич Шишков принадлежал к старшему поколению советских писателей, начавших литературную деятельность еще до Октябрьской революции, по своим демократическим и литературно-эстетическим воззрениям стоявших на позициях М. Горького, который сыграл выдающуюся роль в воспитании целого поколения советских литераторов.

Среди рабочих, крестьян, писателей, деятелей науки и искусства у Вячеслава Яковлевича, человека по натуре доброго и общительного, было много близких друзей. В общении с писателями, деятелями искусства, работниками издательств и журналов, со своими многочисленными читателями Вячеслав Шишков был неизменно сердечен, полон внутреннего благородства. Все, кто его знал, никогда не забудут мягкую и добродушную шишковскую улыбку, слегка прищуренные, с веселыми искорками глаза. Таким он был в своих подвижнических делах в освоении Сибири, таким он прошел свой славный путь художника слова, начав с маленькой сказки «Кедр», небольшого рассказа «Помолились» и закончив его величественной эпопеей «Емельян Пугачев».

В. Я. Шишков в селе Никольском, под Москвой, 1927 г.

В тайге. Нижняя Тунгуска. 1911 г.

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА ВЯЧЕСЛАВА ШИШКОВА

В. Я. Шишков — А. М. Ремизову
Москва. 6 апреля 1913 г.

Дорогой Алексей Михайлович!

Завтра утром уеду к Троице-Сергию на денек или на два.

От матушки-Москвы устал, сапоги порвал бегавши, жара здесь: все зеленеет, цветы цветут, солнце ясное, большое, а по ночам над Кремлем месяц стоит.

Я люблю Москву: какими большими веками пахнет от ее кремлевских стен и храмов, каждый камушек свою историю имеет, каждый камушек про старину рассказать может, прислушайся только да сумей понять. Так бы и повалился на землю, да и поцеловал бы кремлевский каменный помост. Но кругом солдаты караулят, народ, полиция — в участок заберут.

Был я у Ивана Алексеевича, он, кажется, недурной человек. У Балтрушайтиса был: добыл мне контрамарку в Художественный. Великолепно играли Мольера. «Лимонарь» он заказал в Златострує. Ему скоро пришлют. В Деловом дворе был на выставке и в Чудовом монастыре — на другой день, там купил Вам книгу, фототипический снимок с летописи Гермогена-Патриарха...

У Незлобина Идиота и Псишу видел, а у Зимина слушал Марию Гай в Кармен. Да еще был на вечере русской песни: старинные былины, проголосные и свадебные песни исполняли, на гуслях играли. Все это очень понравилось.

Сегодня на Воробьевы горы ездил. То-то хорош вид...

Вербное гулянье меня поразило: столько крику, писку, толкотни, такой гам стоит, что, кажется, в Сибири слышно. Забрался я на Лобное место, смотрю на всю громкоголосую жизнь возле, да и думаю: «А ведь на этом Лобном месте Лжедмитрия когда-то растерзали, новгородцев Грозный избивал, Петр стрельцов вешал».

Еще посылаю «У превышнего места». Этот рассказ принят в сборник Т-ва Писателей. Рассказ раньше большой был, да мы его с Михаил. Вас. Аверьяновым вдвое сократили. Боже мой! А ведь я совершенно забыл Ваше поручение сходить к мошеннику, который хочет зажилить Ваш рассказ. Ведь Балтрушайтис знает об этом, что ж он не напомнил мне. Может, Вы ему поручите? Ай-яй-яй... Памяти у меня ни на грош.

Милой Серафиме Павловне шлю большущий привет. Ее любовь к бисерным штучкам помню: из Томска, бог даст, пришлю тунгусское.

Как Михаила Ивановича встретите — передайте, пожалуйста, мой привет, Разумнику Васильичу тоже.

Адрес мой теперь будет (до 20 апреля) г. Бежецк, Тверской губ. Ежели б пожелали обрадовать хорошенькой о Вас весточкой,— надо туда писать, а потом в Томск, Управление Округа Путей сообщения.

Пока прощайте, мои хорошие, мои дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович...

Ваш Вяч. Шишков.

В. Я. Шишков — С. П. и А. М. Ремизовым
Томск. 30 января 1914 г.

Дорогие мои Серафима Павловна и Алексей Михайлович, здравствуйте!

Давно не писал я Вам. Стосковался. И сердце и глаза по Вас стосковались, хоть бы на портреты Ваши посмотреть, а нету.

Ваш-то, Алексея-то Михайловича, есть в книге, а вот Серафимы Павловны — не имеется. Очень радостно было иметь два, настоящих.

Здоровьишко мое пошатнулось, захромало сильно: с ногой пришел к доктору, а он на ногу плюнул, зато в легких (правом) нашел непорядок, вроде начала туберкулеза. Я очень удивился. И не подозревал. К профессору думаю обратиться. Если плохи дела, надо куда-нибудь на солнышко ехать месяца на четыре... Видимо, надорвал себя писанием: все по ночам, да по ночам. Да и темы-то у меня не особенно веселые — страдать душой приходится, все переживать самому, чтоб ясно и отчетливо было видно чужое страдание, чтоб пересказать его ярко бумаге...

А кроме своей болезни — еще в придачу моя мать умирает в Питере, в больнице. У нее зоб, да должно быть, в раковую опухоль перешел. Лечат лучами. Отец ее, мать-то, привез из Бежецка. Пишет, что легче матери. А сердцем-то я чувствую, что нет.

Дорогой мой Алексей Михайлович! Все, нет, не все, а некоторые Ваши последние рассказы читал и в «Дне» и в «Речи»... и в Русск. Мысли и в Еж. Ж.— все зело добро. «Бабинька» — очень хороша. Сказки в «Докуке и балагурьи» — одна благодать. Спасибо Вам за эту прекрасную книгу-подарок. Надо о ней написать в газету С. Ж. Критик-то я только аховый. Судьба сб. «Сирин» меня очень занимает. Каково они идут? Мне кажется, что издание «Сирин» скупится на рекламу, на объявления. В наш век это неизбежно.

«Петербург» — Белого мне нравится своей глубиной, своей местами яркостью, но слишком он рыхло написан, соку мало, какой-то снегу—подобный. Бывало, как шли мы зимой по тайге, речек нет, и вот как чай кипятить, нагребут тунгусы полный котел снегу, да на огонь — растает снег — и водицы на донышке. Так и «Петербург».

О себе скажу. Свою повесть кончил. Поделив ее на пять порций, начал чтение у Потанина, потом всей толпой ходили из дома в дом полторы недели. Закончил у себя. Тут же была мне и критика. Народу 25 чел. слушало: профессора, доктора, адвокаты, два художника и прочая публика. Понравилось. Изображен самосуд таежной деревни над бродягами, вообще таежная изображена деревня, власть тайги.

Ну, прощайте, дорогие Алексей Михайлович и Серафима Павловна.

Жду от Вас весточки. Любящий Вас крепко

Вяч. Шишков.

В. Я. Шишков—А. М. Ремизову
Село Топучее. 5 июля 1914 г.

Дорогие Алексей Михайлович и Серафима Павловна!

Здравствуйте! Приветствую Вас с Алтая, из с. Топучего, что у подножия Семинского перевала. Путешествую со своим милым петербургским другом, Ксенией Михайловной Жихаревой. Теперь приходится много ездить, организовывать работы в две партии: одна партия будет работать в долине красавицы Катуни, другая — в долине Чуи.

Алтай очень хорош. Я давно люблю его. Хочется воспеть его, прославить, но где мне взять звучных струн, где взять мощь и красоту слова... Спутница моя, видавшая полсвета, в восторге от дикого великолепия Алтайских гор, от звонких ручьев, шумливых рек, от зеленых, цветистых долин и вековых лесов. Как жаль, что Вы не с нами. Мы 2 дня жили в Аносе, в доме у художника Гуркина. Что за чудесный уголок, весь в зеленом саду утопает, через него ручеек каскадами переливается. Выйдешь ночью — небо синее, в крупных звездах, вдали грохочет Катунь и спят черными громадами горы. Если Вы соберетесь на будущий год посетить Катунь, вся стать пожить Вам в Аносе. Отсюда можно делать экскурсии в аилы алтайцев, пока еще шаманствующих. А вот мне на будущее лето придется, вероятно, опять ехать на Н. Тунгуску, к своим милым тунгусам.

Я предполагаю, что с осени до весны буду жить в Питере, там удобнее составлять проект по переустройству Чуйского

тракта. Вот было бы хорошо. Если это осуществится, безмерно буду счастлив часто видеть Вас, дорогие мои друзья.

Большое спасибо Вам, Алексей Михайлович, за открытку из Рима...

Погода очень хорошая установилась, а как ехали, два раза грозу перенесли и 8 часов под дождем пробыли — вымокли до нитки, на земской станции русскую печь затопили, обогрелись как следует.

Работы нонче затянутся надолго, пожалуй, октября придется хватить.

Повесть свою закончил. Пристроить куда — не знаю. «Суд скорый» напечатал в номере 3 (второе издание) «Заветов».

На Алтае за лето думаю нацарапать рассказ листа в 2 — необходимо для моей первой книжки, нонче буду издавать.

Крепко Вас люблю, крепко целую

Вяч. Шишков.

В. Я. Шишков—А. М. Ремизову
Томск. 18 марта 1915 г.

Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович!

Великолепное «Весеннее порошье» и Ваши «Мысли» получил. Большое Вам, от всего сердца, спасибо. С «Порошьем» наполовину я был знаком по журналам, а вторую книжку впервые вижу. И я Вам кой-что собираюсь послать либо сам привезу. Есть у меня усердие переселиться в Питер, засесть как следует там за работу, поучиться уму-разуму...

...Война здесь чувствуется слабо. Только огромное число пленных да песни марширующих по городу серых наших солдатиков несколько о ней напоминают. Да еще христопродавцы купчишки наши вздули цены донельзя.

Вот он, внутренний враг наш. Был бы богатырь, взял бы дубину, расплющил бы, в ступе истолок бы всех этих разбойников.

Война кошмаром висит над землей. И бог и дьявол отвернулись от земли, такие кругом подлость и разбой.

И если б не предчувствие чего-то хорошего, что будет вскоре, можно б было спятить с ума. А гром грянуть должен.

Ну, будьте здоровы, дорогие и милые.

Ваш Вяч. Шишков.

В. Я. Шишков —
М. М. Шкапской
Детское Село. 26 июля 1936 г.

Дорогая Мария Михайловна!

Так это Вы, оказывается, посылаете по мою душу? Рад бы радехонек приехать в Хабаровск, да грехи не пускают. Вы ведь знаете, как я люблю Сибирь, вторую и главную мою родину. Большинство моих произведений посвящено этой очаровательной стране и ее энергичным, трудолюбивым, честным людям. Но меня схватили за бороду и за волосы всяческие литературные дела-делишки, держат крепко.

Сейчас закончил вчерне сценарий «Бешеное золото». С ним предстоит масса возни: поездка вместе с режиссером Минкиным в Москву на совет к Серебровскому, затем чтение на фабрике «Ленфильм», затем поправки, переделки, споры, чертовщина. Все это порядочно вымотает нервы. Для отдохновения проедусь с женой по Волге и Белой до Уфы и обратно, кстати, посмотрю мельком пугачевские кой-какие места.

Вместе со сценарием приходится пыхтеть и над «Садко». Трехлистовая рукопись давно сдана в Москву, но А. П. Тихонов, сообщая мне в письме, что читали-де мой очерк вслух всей редакцией, что очерк-де очень понравился, просит уточнить и дополнить некоторые места рукописи. Придется собирать совещание участников подъема «Садко», а Ф. И. Крылова нет, дело усложняется.

Кроме сего, я взвалил на свои слабые плечи груз непомерной тяжести — большой роман «Емельян Пугачев». Написано порядочно, около 1/3, но читатель и М. А. Орлов торопят — давай, давай!

Я с особой радостью прочел строки Вашего письма, где Вы сообщаете: «Здесь Вас знают, любят». Что может быть на свете приятнее такого известия! Передайте мою ответную признательность товарищам Алексееву и Лаврентьеву и всем молодым писателям ДВК.

На будущий год, как я уже сообщил Союзу писателей, постараюсь приехать в Хабаровск в гости к своим сибирским друзьям.

Был бы рад получить книжки молодых сибиряков, хотелось бы ознакомиться с их силами. Иркутян я знаю — талантливых Исаака Гольберга и Петра Петрова, а дальневосточников знаю только понаслышке.

Желаю успеха в Ваших работах: Вы, как всегда, талантливая умница.

До свиданья!

Ваш Вяч. Шишков.

В. Я. Шишков —
А. К. Виноградову
г. Пушкин. 1938 г.

Дорогой Анатолий Корнелиевич!

Ваше письмо получил. Письмо грустное и тревожное.

С Вашим талантом сложа руки сидеть нельзя. Надо как-то барахтаться, защищаться, вылезать наружу. Надо заявлять о себе, надо кричать: «Аз есмь».

Я советовал бы Вам покрепче познакомиться с К. А. Фединым, он мой друг и человек замечательный, отзывчивый. Поговорили бы с ним. Если желаете, я Федину о Вас напишу. Вы только сообщите мне о своем желании познакомиться с Конст. Александровичем.

Могу Вас свести с Алекс. Ник. Толстым, давнишним моим знакомцем по городу Пушкину, где он жил. Ежели добраться до его сердца — его сердце тоже отзывчивое.

Я ведь тоже весь в занозах, весь в фонарях от критики. Вот и недавно, летом, Миронов и Малахов ругали за Пугачева, обнаружив при этом полное их незнание истории, а я все-таки работаю, работаю для советского читателя...

Спасибо Вам, дорогой Анатолий Корнелиевич, что своевременно заступились за меня перед Авербахом. А ведь я об этом и не знал и не чаял этого!

Итак, будьте бодры, коллега! Вспомните своего Паганини, уж то ли был не Иов многострадальный, а работал! Для него организованный звук — стихия, а для нас с Вами — слово.

Горячо уважающий Вас

Ваш Вяч. Шишков.

P. S. Когда буду в Москве — позвоню Вам.

В. Я. Шишков — К. А. Федину
г. Пушкин. 3 февраля 1938 г.

Дорогие наши Костенька, Дорочка, Ниночка, здравия всем Вам все мы желаем!

Спасибо, Костенька, за письмо. Очень рад, что ты с супружницей хорошо и весело провели время в Тифлисе и его окрестностях. Вот мало-мало разгружусь с делами, которых уйма, и тоже займусь осмотром кавказских разных див.

Присылаю тебе вырезку из киевской «Пролет. правды», в этом номере как раз и мой отрывок из «Пугачева». Ты вышел хорошо. А украинский язык звучит в отрывке выразительно и сочно: «Катьку — геть! Наследника — геть!»

Ну, как живешь, что пишешь? Ежели вышла твоя книжка, как ты был актером, пришли, пожалуйста, а я тебе не премину послать свои книжки, как только выйдут. (У меня гостит твоя книжка о раскольничьих скитах.)

Я работаю очень много и сам удивляюсь, как у меня, при таких годках преклонных, хватает сил. Литфонд, выступления на вечерах, пушкинское общество (член правления), с «Пугачевым» страшно торопят жур[нал] и издательство, статейки в газетах и прочие дела. Да еще какой-то чудак композитор задумал написать оперу на «Угрюм-реку», просит либретто. Нет, тут с ума сойдешь!

А статья в «Известиях», подписанная моим именем, действительно моя статья, только сокращенная редакцией процентов на 40, в отброс пошло весьма нужное, осталось то, что общеизвестно. Немножко обидно!

У нас сейчас ясный, ясный весенний день, с крыш течет, надо бы погулять, а жалко время. Кашляю. А вчера возили меня в санаторию к Орловским воротам на чтение. Видел Ирину Максимовну, она там библиотекаршей, тоже кашляет и похудела. Шлет поклон тебе.

В театрах еще ни разу не был. Вот сегодня у нас в клубе симфонический оркестр Филармонии исполняет Пятую симфонию Шостаковича и — тоже не поеду, одна Клавочка направляется туда.

Алексея Николаевича, по приезде его из Москвы, еще не видал, только по телефону говорил. Уедет он от нас в апреле. Очень жаль!

«Хлеб» еще не читал. Зато предстоит экстренное рассмотрение конца «9 точек» Козакова — избрана комиссия, в которой и я — печатать или не печатать? (Толстой, Тынянов, Зощенко, Шишков).

Собираемся мы в Москву, только не раньше марта. Тогда обязательно придем пить чай.

Ну, еще раз обнимаю тебя и всех Вас все мы.

Любящий тебя

Вяч. Шишков.

В. Я. Шишков —
А. К. Виноградову
г. Пушкин, 12 августа 1939 г.

Дорогой Анатолий Корнелиевич!

Одно за другим получил от Вас два письма. Вы явно преувеличиваете мои литфондовские, по Москве, возможности. Я уже говорил Вам, что я никакого отношения к московскому Литфонду не имею, я лишь член Правления Литфонда СССР, что не одно и то же.

В Московском Литфонде решаются дела 800 московских писателей, в Литфонде (Правлении) СССР — общесоюзные дела отделений: московского, ленинградского, украинского, грузинского, белорусского и т. д.

Для решения общесоюзных и ленинградских литфондовских дел я обязан быть в Москве раз в три месяца.

С Новиковым И. А. я знаком плохо. Встречался 25 лет тому назад: мы с А. М. Ремизовым были у него на квартире в Москве, а другой раз встретились в Пушкинских горах, у могилы великого Пушкина.

Поэтому и мое письмо, которое я сегодня направляю ему о Вас, вряд ли будет иметь какой-либо, даже слабый успех. Да в письме много-то и не напишешь. Другое дело, если б Вы повидались с Новиковым и убедили б его в неотложной необходимости помочь Вам, или, если не можете сами, послали бы на заседание правления своего товарища, который мог бы защитить Ваши интересы.

Вы большой счастливец, что видели, да и не один раз, и не мимолетно, Льва Толстого. Я его видел только во сне, и говорил с ним. Для меня он — легенда. Как и Пушкин.

На ближайших днях из города я уезжаю на месяца полтора-два. А куда, еще не знаю: в Кисловодск или Гаспру. Поездка по Волге, Каме, Белой до Уфы и обратно отложена. Обстоятельства почти всегда идут в разрез с намерениями.

До свиданья. Поправляйтесь. Заседания Моск. Литфонда происходят каждые 1, 10, 20 числа.

Ваш

Вяч. Шишков.

В. Я. Шишков—М. Б. Храпченко
Москва. 12 сентября 1943 г.

Дорогой Михаил Борисович!

Во-первых, позвольте поблагодарить Вас за Ваши хлопоты по предоставлению мне места в Архангельском. Я еду туда 13 сентября.

Во-вторых, речь о композиторе Андрее Филипповиче Пащенко. Он, как Вы знаете, человек весьма талантливый, но чрезвычайно скромный. Излишняя же натуральная скромность, если она остается не оцененной, а носитель ее — не обласканным, она всякому человеку, особенно же одаренному, в явный ущерб.

Пащенко живет в провинции, терпит большие лишения, он почти забыт, никому нет до него дела. В августе этого года ему исполнилось 60 лет, а в прошлом феврале — 30 лет его композиторской деятельности, а кто об этом вспомнил? Никто. На сердце у композитора — обида, нехороший осадок. Многие композиторы награждены орденами. Пащенко — до сих пор — нет. Обида? Обида!

А ведь он композитор хороший, из первого десятка его не выкинешь. Талант его яркий, солнечный, с умным юмором. Взять хотя бы чудесную, веселую и острую его оперу «Помпадуры». Ведь он автор многих опер, восьми симфоний и прочих крупных произведений, автор замечательных хоровых ансамблевых песен, скажем, «Вниз по матушке по Волге» и др. Почему-то эти песни у нас не исполняются. Андрей Филиппович необычайно трудолюбив и хороший товарищ. Я знаю его давно, по Ленинграду. Во время жесточайшей блокады (мы тогда жили с ним в одном доме), он в тяжелых условиях, голодный и холодный, ежедневно продолжал работать. К довершению невзгод, он лишился жены, надорвавшей свои силы в Ленинграде.

Дорогой Михаил Борисович! Моя к Вам глубочайшая просьба: сделайте милость, возьмите под свое покровительство этого недюжинного человека. Ваше участие в его судьбе будет для него в радость, а советскому искусству — в немалую пользу.

Пишу Вам просто, ибо знаю, что Вы ко всему хорошему отзывчивы.

С глубоким к Вам уважением

Вяч. Шишков.

ПРИМЕЧАНИЯ.

РЕМИЗОВ Алексей Михайлович (1877—1957) — русский писатель. Ремизова-Довгелло С. П. — жена А. М. Ремизова.

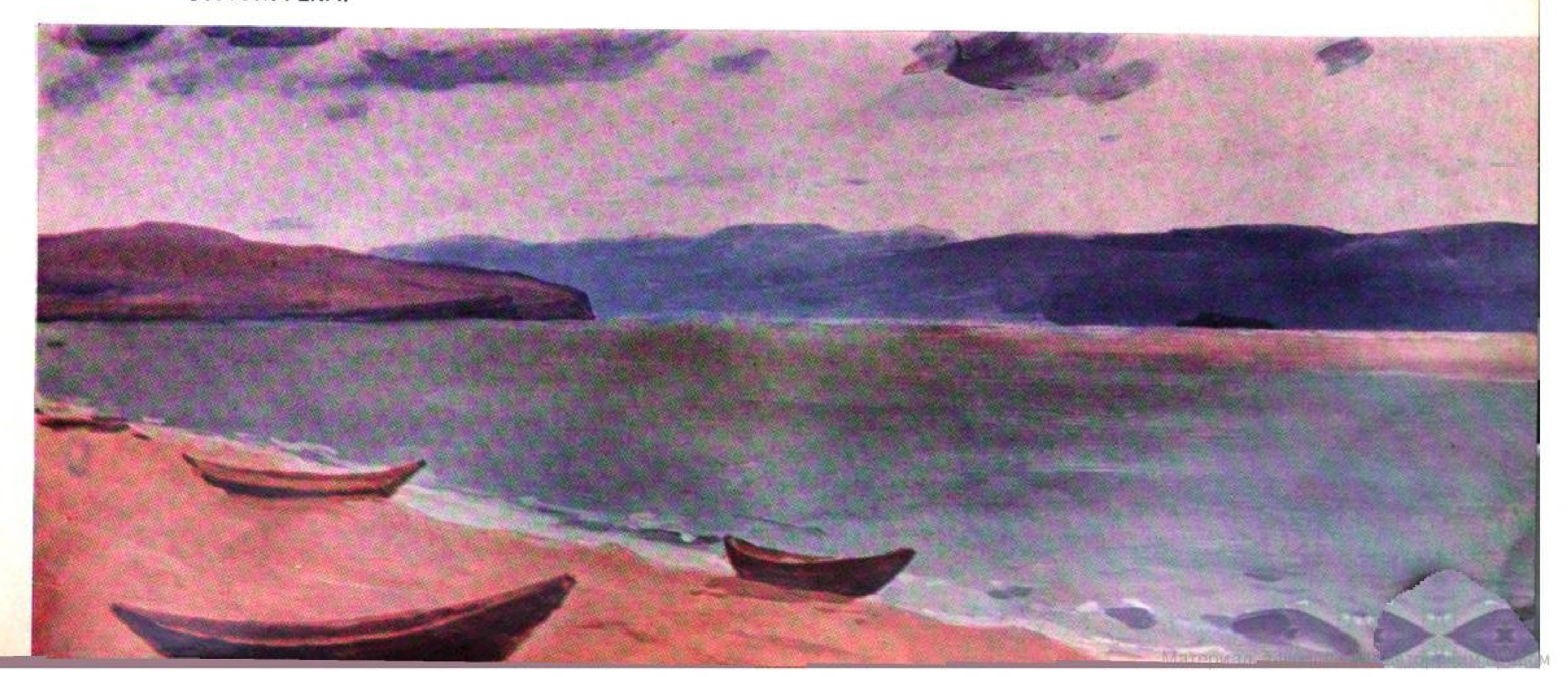
ШКАПСКАЯ Мария Михайловна (1891—1952) — советская писательница, поэтесса и очеркистка.

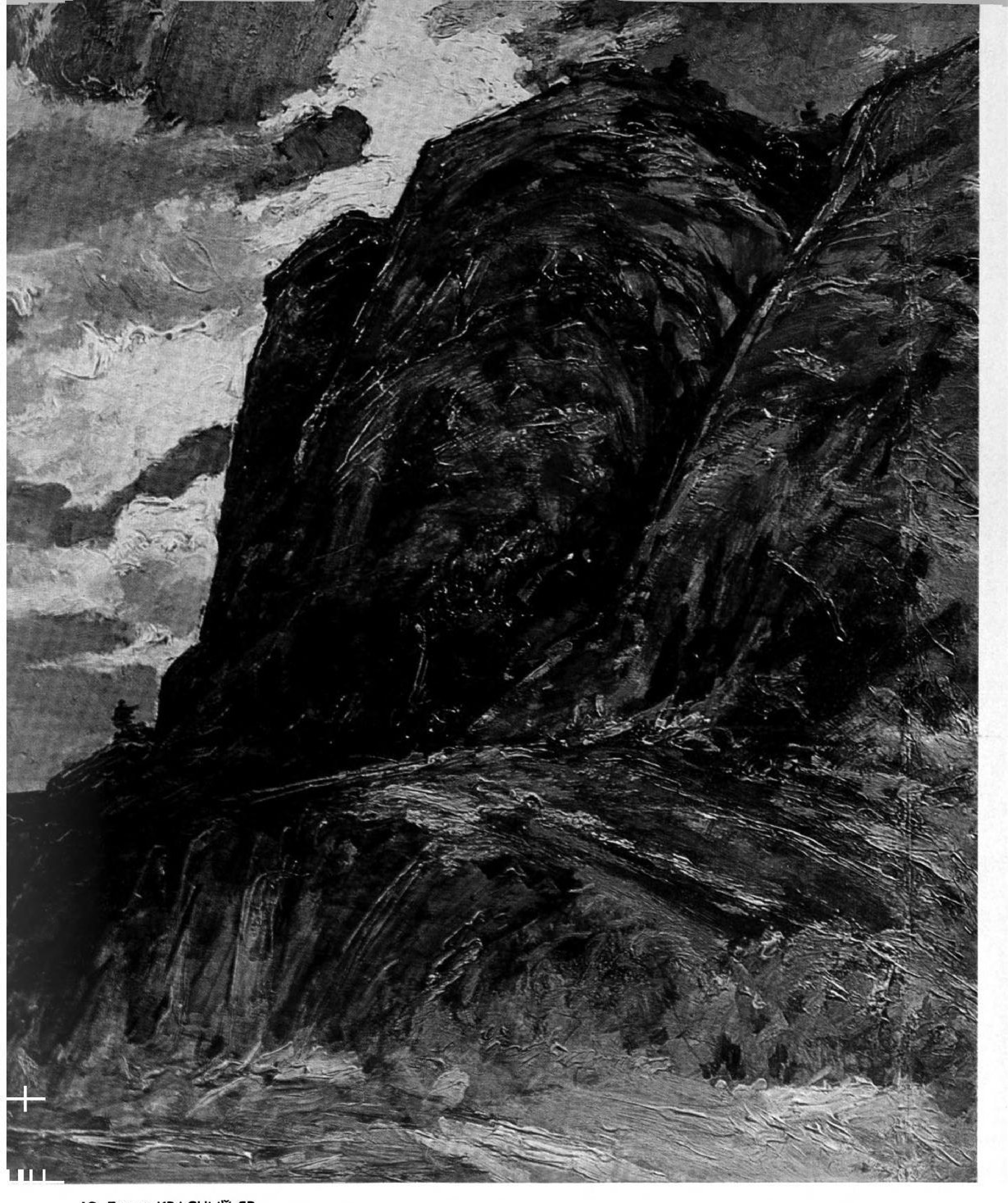
ВИНОГРАДОВ Анатолий Корнелиевич (1888—1946) — русский советский писатель, автор книг «Три цвета времени», «Осуждение Паганини», «Черный консул» и др.

ХРАПЧЕНКО Михаил Борисович (р. 1904) — литературовед, критик. В 1943 году — председатель Комитета по делам искусств при Совете Народных Комиссаров СССР. Ныне действительный член Академии наук СССР, академик-секретарь отделения литературы и языка Академии наук СССР.

Ю. Титов. СИБИРЬ УШЕДШАЯ.

УГРЮМ-РЕКА.

Ю. Титов. КРАСНЫЙ ЯР.

Фото Г. РОЗОВА.

САМЫЙ СЕВЕРНЫЙ МУЗЕЙ

Когда у людей праздник — словно сама природа принаряжается в такой день.

17 сентября в далеком сибирском селе Ербогачен был праздник сразу у сотен людей: открылся музей известного советского писателя Вячеслава Яковлевича Шишкова.

Ербогачен стоит на Нижней Тунгуске — это та самая Угрюм-река, и именно здесь знают и помнят до сих пор живого Шишкова, именно здесь нет человека, не прочитавшего этот роман. Конечно, открывавшийся в селе музей Шишкова для ербогаченцев не просто музей — это история края, история глубокая, правдивая, рассказанная искренне и талантливо.

Жители Ербогачена давно готовились к знаменательному дню: весь район знал о сборе материалов для музея, о восстановлении дома, в котором жил Вячеслав Яковлевич. Накануне события в район выехала бригада, в составе которой были писатели Москвы, Иркутской области, Читы, Красноярска, корреспонденты газет и журналов, работники телевидения.

Во многих поселках Катангского района прошли искренне-теплые, радушные встречи жителей сурового края с поэтами, писателями, журналистами. Говорилось о предстоящем открытии музея, о Шишкове, о героях «Угрюм-реки», о новой, сегодняшней Катанге.

В Наканно, в Непе, в Преображенке, в других селах, кроме официальных встреч, состоялись творческие вечера, концерты самодеятельности.

Днем 17 сентября, накануне торжественного открытия музея, гости Ербогачена собрались в кабинете первого секретаря Катангского РК КПСС Г. П. Масягина, который рассказал о районе, об основном занятии местного населения — охоте, добыче «мягкого золота», познакомил членов творческой делегации с планами по добыче пушнины.

А в это время ербогаченцы понемногу сходились к реке, к бывшей Набережной улице, которая стала отныне по решению исполкома местного Совета именоваться улицей Вячеслава Шишкова. Сходились на площадь к дому № 1, закрытому пока, с вывеской — «Музей В. Я. Шишкова».

Хорошая, теплая погода, величавая река. Золотая, искристая под солнцем тайга. Праздник. На трибуне большой портрет писателя. Проходят, поднимаются на трибуну гости, партийные, советские руководители района, почетные жители поселка.

Торжественный митинг открывает секретарь РК КПСС, председатель Оргкомитета по организации музея М. А. Колесников. Он говорит о славной истории края, о том, что на Катанге нет пока шоссейных дорог и многоэтажных домов, но есть прекрасные, мужественные люди, и тем приятней сегодня среди необозримой тайги открывать музей писателя, человека, гражданина, сызначала узнавшего быт и жизнь местных жителей, сумевшего разглядеть в забитых «тунгусах» сильных и больших людей, увидеть и предсказать процветание края, счастливую жизнь.

«Посмотрите, сколько людей к нам приехало,— говорит старейший житель Ербогачена пенсионер-орденоносец И. А. Ленский.— Мы, жители Ербогачена, поздравляем весь район с обретением музея. Берегите же богатство Катанги, берегите вторую родину русского писателя».

Зачитываются телеграммы, поступившие в адрес района. Из Бежецка — родины писателя, от вдовы Шишкова Клавдии Михайловны Шишковой.

Пришла телеграмма от заслуженного художника РСФСР Юрия Титова, в которой говорится, что некоторые из своих работ, выполненных на Нижней Тунгуске, художник предоставляет в дар музею В. Я. Шишкова.

С заключительным словом выступает первый секретарь РК КПСС Г. П. Масягин, который говорит о большой работе, проделанной местными краеведами, руководителем литературного кружка по изучению творчества В. Шишкова Д. П. Ждановой, и еще раз поздравляет тружеников района с открытием музея.

Ленточку у входа разрезает старейшая жительница села, почетный гражданин Ербогачена Анастасия Кирилловна Юрьева.

Просторный, рубленный в паз дом. На стенах документы, фотографии, предметы быта и жизни эвенков, оружие, одежда, утварь. В отдельной комнате воссоздан интерьер старинной сибирской избы. В такой обстановке работал тут Шишков, в таком доме слушал он старинные песни.

Открытие музея вылилось в большой литературный праздник. Вечером, когда над Тунгуской засветились огни, в клубе состоялся концерт, посвященный 100-летию со дня рождения писателя.

В. РЕШЕТНИКОВ

Катангский район,
село Ербогачен
(по телефону).

ПОРТРЕТ БЕЗ Г

Недавно сенат США одобрил законопроект о продолжении финансирования радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа», которые, как известно, ведут разнузданную провокационную пропаганду против Советского Союза и других социалистических стран. Это, совершенно очевидно, противоречит атмосфере оздоровления международного климата и установлению взаимопонимания между народами. Как признает газета «Нью-Йорк таймс», передачи упомянутых выше радиостанций «равносильны вмешательству во внутренние дела стран». По мнению широких кругов международной общественности, эти действия попахивают рецидивом «холодной войны».

Сергей ГОЛЯКОВ

Года два назад, во время поездки по Мюнхену, знакомый местный газетчик притормозил машину возле неброского белого щита. «Радиостанция «Свободная Европа». Останавливаться и фотографировать запрещено»,— гласила жирная черная надпись. Собственно, фотографировать было нечего. Унылые двухэтажные бараки, растянувшиеся по всему кварталу, напоминали скорее второразрядную больницу или богадельню. И лишь плотно зашторенные окна, не пропускавшие наружу ни единого звука, свидетельствовали о том, что обитатели этих домов не очень жалуют посторонних.

— А что, если мы все-таки остановимся и сфотографируем? — полюбопытствовал я.— Что тогда?

— Они этого не любят. Запишут номер машины. Могут возникнуть неприятности с полицией...

На малой скорости мы проехали по безлюдной улице вдоль однообразных фасадов, и, свернув за угол, мой попутчик возобновил разговор:

— Сказать откровенно, вся эта публика из «Свободной Европы» и «Свободы» нам здесь изрядно надоела. Хлопот с ними не оберешься. То Польша протестует, то Венгрия, то Чехословакия. Станции американские, но поскольку они действуют с территории ФРГ, то естественно, что какая-то доля вины ложится и на нас. Но, слава богу, кажется, скоро их здесь не будет. Вы, вероятно, слышали о последних выступлениях сенатора Фулбрайта?

Я кивнул. Серия заявлений председателя сенатской комиссии США по иностранным делам, в которых он настаивал на незамедлительном прекращении деятельности радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа», в то время широко обсуждалась в американской и западноевропейской печати.

— Я считаю,— говорил сенатор,— что этим радиостанциям надо предоставить возможность занять достойное место на кладбище «холодной войны».

И его слова нашли горячий отклик среди многих его трезво мыслящих соотечественников, выступающих за улучшение отношений между Востоком и Западом. Выражая их мнение, газета «Интернэшнл геральд трибюн» писала в те дни: «Сенатор, конечно, прав, говоря, что передачи этих станций являются формой вмешательства во внутренние дела стран Восточной Европы и СССР». По сообщению австрийской газеты «Фолькcштимме», волна протестов против деятельности «Свободной Европы» и «Свободы» привела к тому, что и западногерманское правительство высказалось против присутствия на территории ФРГ американских радиостанций, действующих в духе «холодной войны».

Многим, в том числе и моему западногерманскому коллеге, казалось тогда, что дни обеих радиостанций сочтены. Но уже с тех пор в мире, и особенно в Европе, произошел коренной поворот от «холодной войны» к разрядке напряженности, наметилось общее потепление международного климата, а обе радиостанции все еще продолжают отравлять эфир грубой дезинформацией и клеветой на социалистический строй.

В соответствии с новым законопроектом, одобренным сенатом США, на финансирование радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» из государственного бюджета США выделяется пятьдесят миллионов долларов. Таким образом, верх взяла политическая инерция тех, кто еще желает продолжать жить по канонам духа «холодной войны» в отношениях между народами.

К какой же «аргументации» прибегают сторонники подобной политической ориентации? Каким образом они могут оправдать свою позицию, вступающую в столь разительное противоречие с настроениями широкой общественности?

Наиболее расхожий тезис — будто эти радиостанции давно уже перестали быть инструментами «холодной войны» и приспособились к периоду мирного сосуществования.

Такого рода утверждения можно найти в докладах, подготовленных по заданию сенатской комиссии по иностранным делам официальными сотрудниками исследовательского отдела американского конгресса США, изучавшими деятельность обеих радиостанций.

Они содержатся и в отчете специальной комиссии во главе с Мильтоном Эйзенхауэром, которая в ноябре прошлого года совершила инспекционную поездку в Мюнхен, чтобы на месте разработать новые предложения относительно будущего статуса радиостанций. И, наконец, с таким утверждением в течение последних лет неизменно выступают сами руководители «Свободной Европы» и «Свободы», убеждающие американскую и мировую общественность в том, что деятельность руководимых ими центров якобы не имеет теперь ничего общего с лозунгами типа «Коммунизм должен быть искоренен до конца» или «Уничтожить коммунизм во всем мире».

Но в последнем программном документе руководство радиостанции «Свобода» вновь подчеркивает, что ее главной задачей является «подрыв веры сторонников коммунизма в их идеологию».

Не менее важной задачей, стоящей перед «Свободой», по словам председателя комитета радио «Свобода» Сэрджента, является «разрушение кремлевской монополии на информацию и идеи, которые распространяются среди советских граждан». Если все эти формулы перевести на обычный язык, то окажется, что, как и прежде, речь идет о попытках компрометации внешней и внутренней политики КПСС и Советского государства, грубом вмешательстве во внутренние дела нашей страны, посягательстве на морально-политическое единство советских людей. Об этом же свидетельствует и вся практика радио «Свобода».

В одном из докладов, представленных руководством комитета радио «Свобода» сенатской комиссии по иностранным делам, приведена типичная суточная программа передач на русском языке. В этой программе бросается в глаза обилие передач, составленных якобы на основе не опубликованных в Советском Союзе материалов и документов. (По официальному заявлению Сэрджента, количество таких передач в общем объеме вещания «Свободы» постоянно увеличивается.) Как правило, чтение подобных материалов до последнего времени сопровождалось оговоркой о том, что они передаются «без ведома и разрешения их авторов и составителей». Станция явно хочет создать, таким образом, впечатление о своем желании оградить их от уголовной ответственности. В действительности же этот прием дает возможность сотрудникам «Свободы» под видом «писем» и «документов», полученных якобы из Советского Союза, распространять свои собственные фальшивки. На использование такого приема в психологической войне против Советского Союза указывает в своей книге «Агенты обмана» Поль Блэксток — бывший сотрудник американской разведки, а ныне преподаватель факультета международных отношений университета штата Южная Каролина. Блэксток отмечает, что западные державы давно создали разведки и специальные службы, которые широко прибегают к фабрикации поддельных документов. Например, уже в 1921 году английские спецслужбы изготовляли и доставляли на советскую территорию поддельные номера «Правды» с антисоветской пропагандой. В 20-х годах, продолжает автор, подделкой антисоветских документов особенно активно занимались в Лондоне.

Обращаясь к послевоенному времени, Блэксток описывает деятельность группы «историков» в Париже, которые активно фабрикуют «мемуары» антисоветского содержания. Эти «мемуары» подписываются именем либо какого-то конкретного известного лица, либо его вымышленными родственниками.

Все эти «произведения» Блэксток называет книгами для идиотов, которые, по его мнению, «могли быть скомпилированы только ЦРУ».

Весьма показательно, что, по сути дела, не существует ни одной антисоветской фальшивки, в том числе и среди перечисленных Блэкстоком, которые «Свобода» не использовала бы в своих передачах. Можно сослаться на ряд политических фальшивок, передававшихся станцией в канун 50-летия образования Советского государства и разоблаченных советской прессой.

«Совсем недавно,— писала по этому поводу латвийская газета «Циня»,— западные антисоветчики состряпали мифическую листовку, якобы вывезенную из Эстонии. А на днях радиостанция «Свобода» объявила о новой потрясающей сенсации. Она обнародовала так называемое «письмо семнадцати»... Самое беглое знакомство с этим, с позволения сказать, документом не оставляет сомнения в том, что мы имеем дело с очередной фальшивкой».

«Циня» не только дает достойную отповедь мнимым «радетелям» свободы латышского народа. Она одновременно и отвечает на вопрос, кто же конкретно состряпал этот «уникальный документ», кто прячется за спинами семнадцати анонимщиков. Дело наверняка не обошлось без участия Бруно Калныньша, быв-

Ы
РИМА

шего офицера буржуазной Латвии, непримиримого противника коммунизма, пользовавшегося особой благосклонностью гитлеровского СД, а затем бежавшего в Швецию.

Своей особой заслугой станция «Свобода» считает оказание «моральной поддержки» таким духовным уродам, как Терц-Синявский, Аржак-Даниэль, Ю. Галансков, А. Гинсбург, В. Буковский, и другим осужденным советским судом за уголовные преступления, а также распространение их «сочинений».

Для пропагандистской линии, избранной «Свободой» в отношении советских «диссидентов», показательна тактика, применявшаяся во время суда над Синявским и Даниэлем. По данным ежегодного доклада председателя комитета радио «Свобода», станция широко использовала в своих передачах сочинения упомянутых «литераторов», скрывшихся под псевдонимами Терц и Аржак. Позже, когда с этих оборотней была сорвана маска и они должны были предстать перед судом, «Свобода» развернула широкую антисоветскую кампанию в защиту «подпольных литераторов».

Подобной тактики станция придерживалась и во время суда над группой в составе Ю. Галанскова, А. Гинсбурга, А. Добровольского и И. Лашковой, приговоренных к различным срокам тюремного заключения за «антисоветскую пропаганду и агитацию, нарушение правил о валютных операциях». На сей раз «Свобода» оказалась в особенно затруднительном положении, поскольку одним из свидетелей на суде выступил венесуэльский гражданин Н. Брокс-Соколов. Этот курьер НТС, пойманный с поличным на территории СССР, заявил, в частности, что вместо «известных писателей», о которых ему говорили на Западе, он увидел «уголовников, которых судят за связь с разведывательной организацией». Режиссеры и составители программ радио «Свобода» немедленно постарались по-своему выгородить провалившегося агента НТС, называя его «марионеткой», вольным или невольным исполнителем функций, предписанных ему якобы КГБ. С такой же поспешностью отреклись они и от НТС, пославшего Брокса-Соколова на связь с «подпольными советскими литераторами». Подробные показания Брокса-Соколова о подрывной деятельности НТСовцев и о задании, которое он должен был выполнить, приехав в нашу страну как турист, станция обошла полным молчанием.

Как прежде, так и теперь руководству станции абсолютно безразлично, насколько ее программы соответствуют реальной действительности, важно лишь, чтобы они заключали в себе частицу «полезной», с точки зрения идеологических диверсантов, информации, навязывали слушателям определенные пропагандистские стереотипы. Ради этого в жертву приносится истина, логика, здравый смысл. В официальном вашингтонском докладе о радиостанции «Свобода» приводится такой пример. В октябре 1971 года в Мюнхен поступила рукопись романа А. Солженицына «Август 1914». Ознакомившись с ней, некоторые сотрудники «Свободы» «не разделили энтузиазма западной прессы относительно литературных и прочих достоинств романа, найдя его крайне слабым». Однако когда эта группа высказала желание изложить свою точку зрения у микрофона, ей было заявлено, что подобная позиция «идет вразрез с целями радио «Свобода». «Более того,— отмечается в докладе,— было подчеркнуто, что дискредитация людей типа Солженицына в глазах советских слушателей нанесла бы «серьезный ущерб политике станции».

Чтобы восполнить практически отсутствующую связь со слушателями в СССР, радио «Свобода» прибегает к так называемому моделированию аудитории. Для этого сотрудники станции подбирают кандидатов из лиц, живущих на Западе и знающих русский язык. Каждому из них предлагается прослушать записанные на пленку передачи «Свободы», высказать о них свое мнение, мысленно поставив себя на место советского слушателя. Ежегодно проводится 24 таких «исследования», после которых все высказанные мнения систематизируются в специальном докладе.

Грубая антисоветская стряпня, изготовленная по рецептам «свободной западной прессы», в конечном счете полностью соответствует пропагандистским стандартам и целям «Свободы» как в годы разгула «холодной войны», так и теперь.

В своих передачах «Свобода» пытается создать впечатление, будто она выступает от имени бывших советских граждан, среди которых есть «немало писателей, ученых, преподавателей, работников государственного аппарата» и даже «политических деятелей». Эта группа, «представляющая более десяти различных национальностей», обладает якобы «непосредственным знанием советских условий и полным пониманием проблем народов СССР».

Однако в действительности «Свобода» вынуждена пользоваться услугами бывших фашистских агентов, власовцев, перебежчиков и предателей, давно потерявших всякую связь со своим бывшим отечеством. Вот лишь несколько портретов без грима.

Леонид Кубик, заведующий отделом, родился в Югославии в семье русских эмигрантов. Но своими духовными отцами считает гитлеровцев, с которыми активно сотрудничал в годы второй мировой войны. Служил агентом криминальной полиции, затем агентом абвера. После разгрома фашистской Германии состоял членом белоэмигрантской организации «Союз андреевского флага». С потерей этого пристанища был завербован в американскую разведку. После прохождения проверки на «благонадежность» с 1954 года работает на радиостанции «Свобода».

Газета «Советская Татария» ознакомила читателей с преступной деятельностью некоего Шигапа Нигматуллина (он же Агзам Юзефоглы, он же Нигмати Шигап), шефа татаро-башкирской редакции радио «Свобода».

Бывший советский военнослужащий добровольно сдался в плен гитлеровцам в первом же бою, обер-лейтенант СС, активный деятель так называемого «Татарского посредничества» — нацистского притона предателей и изменников родины, впоследствии переименованного в «Союз борьбы с большевизмом». Вместе с фашистскими карателями прибыл в феврале 1943 года в Витебскую область для борьбы с советскими партизанами. В 1944 году за «особые заслуги» был повышен в чине. После войны остался на территории Западной Германии. Неоднократно задерживался полицией за махинации на черном рынке. Сидел в тюрьме. Потом попался на глаза агенту английской разведки некоему Файзуллину. С его рекомендательным письмом и явился в Мюнхен на радиостанцию «Свобода». Не успели новые хозяева оформить его, как он снова оказался за решеткой, на сей раз как насильник.

В гитлеровских архивах сохранились документы, характеризующие с гестаповской пунктуальностью и цинизмом, так сказать, «личные качества» агента Нигмати: «...лжив, труслив, завистлив и тщеславен, авантюрист по натуре». Надо полагать, что и для хозяев радио «Свобода» его прошлое не составляло секрета. Но для этой радиостанции, для целей, которые она ставит перед собой, пишет «Советская Татария», Нигматуллин вполне «достойный» человек. Он всегда готов на любую подлость.

Сотрудником исследовательского отдела «Свободы» является некий Сергей Гамбурцев, уроженец Новгородской области. Во время войны он добровольно записался в так называемый «Русский охранный корпус» немецко-фашистской армии, являлся командиром 3-го батальона 3-го полка 11-й дивизии.

Сотрудник северокавказской редакции Барабси Байтуганов, осетин по национальности, во время гражданской войны бежал с отцом-полковником в Турцию. В 30-х годах состоял на службе у иностранной разведки, во время второй мировой войны работал пропагандистом в так называемом «восточном министерстве Германии». В 1942 году в Ставрополе служил в разведкоманде «Цет-Зюд». После капитуляции Германии бежал в Лондон, а с 1954 года — сотрудник «Свободы».

Ибрагим Гелисханов сдался в плен немцам и служил в 836-м батальоне северокавказского легиона фашистской армии. В 1944 году, не дожидаясь конца войны, бежал в Эльзас-Лотарингию навстречу американским войскам.

Этот перечень предателей, запятнавших себя службой у гитлеровцев, работой на иностранные разведки, можно было бы продолжить.

Те же, кто решил порвать с грязным прошлым, становятся жертвами насилия. Скачков, он же Шмидт, осознав, какую подлую роль навязали ему разведчики-американцы, начал открыто осуждать их действия. Его вызвали в отдел ЦРУ и предупредили, чтобы он прекратил «разложенческую» деятельность. Скачков не подчинился. Тогда его схватили прямо в студии и отправили в психиатрическую больницу. На следующий день американцы Валерио и Санкер с цветами и бутылкой коньяку отправились «проведать» больного. После их визита он умер. Врачи констатировали отравление. Таинственных смертей, подобных этой, среди служащих диверсионных радиостанций было немало.

«Тот, кто хочет работать на радио «Свобода», должен быть антикоммунистом»,— свидетельствует Манфред Беер, автор пространного репортажа из мюнхенской штаб-квартиры «Свободы», опубликованного газетой «Ди вельт». За предательство и готовность клеветать на свое бывшее отечество станция предлагает немалые деньги. И тем не менее проблема пополнения и обновления кадров, по признанию руководства станции, является одной из наиболее острых.

Пытаясь как-то обеспечить приток «свежей крови», «Свобода» готова воспользоваться любым сырьем. Французская газета «Фигаро» писала о том, что руководство станции возлагает, в частности, большие надежды на лиц еврейского происхождения, выезжающих из Советского Союза в Израиль. «Среди них я нашел весьма ценные элементы, которые, наверное, скоро присоединятся к нам»,— заявил корреспонденту газеты один из ведущих сотрудников «Свободы» вскоре после своей поездки в Тель-Авив.

Позволительно спросить: что же изменилось за эти годы в штаб-квартире «Свободы»? Суть осталась незыблемой. «Свобода», равно как и «Свободная Европа» остаются «непримиримо враждебными» к советским людям, к социалистическому строю. Именно такую оценку не далее как 27 июля нынешнего года дала им столичная «Вашингтон пост». «Хотя это крайне неприятно признать,— пишет газета,— они заслужили такую репутацию».

Сейчас на Западе широко обсуждается проблема обмена информацией, идеями и людьми между странами. Советский Союз не раз выражал свою позицию по этому вопросу. Мы за такой обмен, если сотрудничество будет осуществляться при уважении законов и обычаев каждой страны и будет служить взаимному духовному обогащению народов, росту доверия между ними, утверждению идей мира и добрососедства. И уж само собой разумеется, что люди, которые претендуют на роль посредников в таком обмене, должны иметь как минимум чистые руки и чистую совесть.

«ТОВАРИЩ ЭВМ»

Прежде всего Бутову надо узнать, улетел ли Ивен из Москвы, если он действительно Ивен. «Предположим, что все будет так — Ивен сегодня отбыл. Конечно, это в какой-то мере подтверждает рассказ доктора. Но, может быть, весь рассказ Захара Романовича — всего лишь легенда?» Потом полковник думает о Глебове, Ирине, Сергее... «Досадно, что сегодня не удастся побеседовать с Сергеем: он уехал по заданию редакции на большую сибирскую стройку. От какой редакции — газеты или журнала, на какую стройку,— пока неизвестно...»

...Капитан Яков Михайлович Тропинин явился точно в назначенное время. Тропинин сегодня ночью дежурил, но Бутов решил все же потревожить его...

— Здравствуйте, товарищ полковник! По вашему вызову...

В плане действий на долю Тропинина выпала едва ли не самая трудная задача: попытаться найти снаряжение Рубина, якобы зарытое им двадцать пять лет назад, когда гитлеровцы забросили его на нашу территорию в качестве своего разведчика.

— Дело трудное, Яков Михайлович. Четверть века... Хочется верить, что Рубин действительно заинтересован в розыске. Если, конечно...— Бутов было задумался, потом продолжил решительно: — Позволю себе напомнить, что все рассказанное доктором Рубиным еще не следует расценивать как факты абсолютно достоверные. Варианты могут быть самые неожиданные. В поездке вам следует быть и психологом и аналитиком. Ищите снаряжение Рубина и одновременно наблюдайте за ним самим. Нам важно уловить, что он при этом будет чувствовать.

— Ясно...

И все.

— Однако же...— улыбнулся Бутов.— Сегодня вы, кажется, превзошли самого себя.

— В чем?

— В лаконизме. Иногда это свидетельствует об отсутствии мыслей...— все с той же улыбкой заметил Бутов.— Нет-нет, к вам это не относится. Не обижайтесь, пожалуйста. Я лично предпочитаю немногословных. Не забываю народную мудрость: пустая бочка громче всех гремит... Приступайте к делу, подберите помощников из наших оперативных сотрудников, договоритесь с командованием спецчасти о группе солдат и через несколько дней вместе с Рубиным отправляйтесь в район его предполагаемого приземления. Ни пуха ни пера вам, товарищ молчальник...

Проводив Тропинина, Бутов бегло просмотрел почту вчерашнего дня, сводку событий за минувшие сутки, запер бумаги и спустился тремя этажами ниже. Здесь царство машин, электронных аппаратов... Рядом с разведчиками, контрразведчиками, порой мучительно призывающими на помощь годами оттренированную память, появился спокойный, неторопливый, деловитый, весьма уверенный в себе «товарищ ЭВМ» — электронно-вычислительная машина. Она способна запомнить, сопоставить и проанализировать самые запутанные комбинации сложных людских отношений, переведенные на специфический язык перфолент.

Бутов запрашивает у «товарища ЭВМ»: проходили когда-либо дела Зенерлиха, Брайткопфа, Квальмана, и если да, то — номера этих архивных дел, а также номера дел с материалами той самой разведшколы, в которой готовили к отправке в СССР военврача Рубина; в этой связи надо посмотреть дела бывших военнопленных Андрея Воронцова и Захара Рубина. Не очень-то рассчитывая на успех, Бутов передает исходные данные и на Глебова и на Крымова: а вдруг ответит! И еще один вопрос — происшествия с нашими туристами за рубежом, ну, хотя бы за последние десять лет...

...В восемнадцать ноль-ноль на стол Бутова лег список иностранных туристов, улетевших сегодня из Москвы в первой половине дня: 93 фамилии. Ивена в списке не оказалось.

Бутов посмотрел на часы. «Почему не звонит доктор? Условились на шесть, а теперь уже шесть тридцать. Почему не пришел? А может быть, это и к лучшему: небезынтересно мне самому побывать у него дома».

...К телефону подошел Рубин. Не ожидая вопроса, упрека, стал объясняться:

— Тысячу извинений... Виноват... Я вам рассказывал о семейных неприятностях. Только сейчас междугородная соединила... Спасибо, Ирина чувствует себя лучше... Нет-нет, ради бога, что вы... Если нужно, то я готов... О, вы очень любезны. Рад буду видеть вас у себя. Тысячу извинений!

НА ОДНОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ

Рубин встретил Бутова теми же «тысячью извинениями». Он один в квартире, у него сердечный приступ, а ухаживать за ним некому, и если что случится... Бог ты мой, он, Захар Романович, не хочет и думать об этом.

Рубин пригласил гостя в кабинет и снова извинился:

— Я вас оставлю на несколько минут в одиночестве, приведу себя в порядок.

Бутов стал разглядывать большой сумрачный кабинет, напоминавший комиссионный магазин. Тут соседствовали ранняя итальянская бронза и старинные русские канделябры, инкрустированный столик и резной шкаф с потертыми дверцами. И картинная галерея: русская классика, французы-импрессионисты. Вещи, окружавшие Рубина, были подобраны так, словно хозяин старался подчеркнуть: «Вот каков я! Полюбуйтесь!..» Все здесь было напоказ: и книги, и фарфор, и какие-то металлические древности, и чеканный кувшин работы дагестанских мастеров. И, конечно, иконы.

Наконец, появился Захар Романович — в меру франтоватый, с налетом этакого артистизма — и принес на подносе кофе, коньяк, лимон. Уселся в кресло у журнального столика и вновь принялся философствовать о старости, об отцах и детях, преимуществах и недостатках отдельной квартиры, когда тебе за шестьдесят и ты болен, а дети...

— Я вам рассказывал о наших отношениях с Ириной. Как весенняя погода — то дождь, то солнце. Все очень сложно... Нет-нет, что вы, я не жалуюсь...

Виктор Павлович сочувственно кивнул и, извинившись за вторжение в интимный мир, спросил:

— После смерти жены вы сами захотели остаться один или же?..

— Так получилось. Первый год казалось, что нет таких, как она, а потом... Время все исцеляет. Были увлечения, были, но в мои-то годы заново начинать семейную жизнь! К чему связывать себя? Ведь есть свои прелести и в этом, так сказать, свободном образе жизни. В моем доме часто бывают гости. Интересные люди. И все же порой охватывает тоска.— На лицо доктора наползла приличествующая случаю печаль.— Часто вспоминаю Елену. Я вам рассказывал о ней... Единственная и неповторимая...

Доктор выговорился и потянулся за лежащими на столе четками. Бутов уже давно обратил на них внимание, так же как и на прекрасное немецкое издание путеводителей по Анкаре и Стамбулу, красовавшихся за стеклом книжной полки.

— Вы жили на Кавказе?

— Нет. Почему вы так решили? А, четки?.. У турок тоже принято...

— Вы бывали в Турции?

— В качестве туриста. Я, кажется, уже говорил вам об этом. Четки купил там, хотел подарить их близкому другу, родом из Азербайджана. Но мы предполагаем, а бог располагает. Вернулся в Москву и узнал о его смерти.

— Вы остались довольны путешествием? Интересно было?

— Да, очень... Одесса, Пирей, Афины, Александрия, Каир... Калейдоскоп впечатлений.

— Из Одессы прямо в Пирей?

— Нет, конечно.— Доктор смутился и торопливо стал уточнять маршрут.— Из Одессы — в Варну, Констанцу. Потом в Стамбул...

— Понравился этот город?

— Когда-то это была огромная мастерская роскоши... Я выражаюсь языком гида... И бесчисленное количество легенд.

— А в храме Софии были? Чудо из чудес. Не правда ли? А восточный базар... Вам не привелось, случаем, бродить по улицам этого своеобразного города в городе?

Рубин неохотно ответил:

— Да... Но недолго...— И после небольшой паузы добавил:— Притом без особого удовольствия. Очень шумно и очень многолюдно. Толпы народа... Можно отстать от группы...

И переключил разговор на происшествие с Ириной. В рассказе Захара Романовича для полковника не было ничего нового, и Бутов, терпеливо выслушав — в который уже раз! — жалобы Рубина, счел наконец возможным перейти к делу.

С лица Захара Романовича мгновенно исчезло то предупредительно-благодушное выражение, с которым он по долгу хозяина дома вел светскую, как ему казалось, беседу. Теперь на его лице появилось выражение угодливости: «Я уже не хозяин. Хозяин вы, я полон готовности исполнить любое ваше требование».

— Что прикажете?

— Прежде всего сесть на место и не волноваться. Считайте, что наш интересный разговор о легендах Востока продолжается, хотя мы сейчас с вами займемся былью. Прошу вас...

Виктор Павлович достал из портфеля пакет с фотографиями и разложил их на большом, красного дерева письменном столе. На обороте каждой фотографии стоял номер, соответствующий номеру в списке туристов. Рубин сразу же ткнул пальцем в фото под номером 27. Бутов заглянул в список — Егенс.

— Но это не Ивен, Захар Романович. Прошу вас, посмотрите еще раз.

— Он, никаких сомнений... Это он. А насчет фамилии... Мог и ослышаться... Нервы, проклятые нервы...

Они выпили по рюмке коньяку, закусили лимоном, недолго поговорили на любимую доктором тему — о неблагодарности детей — и распрощались.

Итак, иностранец, напомнивший доктору Рубину о его давних обязательствах перед германской разведкой, сегодня действительно отбыл из Москвы. Один из вопросительных знаков можно перечеркнуть. А остальные? Увы, нет еще у полковника уверенности в том, что на Рубина он может положиться.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ

Как и было условлено, Захар Романович пришел к Бутову в комитет на следующий день утром. Он выглядел еще более усталым. Доктор молча протянул полковнику папку, в которой лежали двадцать страниц, исписанных убористым почерком,— заявление в КГБ. Так же молча он подписал протокол опознания. Подписал и положил руки на колени — знакомая Бутову поза: так обычно делают люди, лишенные свободы и уже смирившиеся с этим прискорбным обстоятельством. Доктор робко посмотрел на полковника, затем на Тропинина, оформлявшего протокол, как бы спрашивая их: «Ну, а дальше что? Что теперь ждет меня? Кто я — подсудимый, подследственный?» А Бутов, перехватив этот вопрошающий взгляд, тоже про себя повторил: «Кто он?»

— Так вот, значит, договорились мы с вами, Захар Романович, о следующем...

— Слушаю...

Но Бутов, опершись головою на руку, не спешил.

— Придется на несколько дней оторвать вас от работы, от большой, так сказать, науки.

Доктор совсем сник, по-своему поняв заявление полковника. Виктор Павлович, не повышая голоса, объяснил:

— Ну вот и всполошились... Зря... Сразу дурные мысли. В экспедицию отправитесь вот с этим обаятельным молодым человеком. Знакомьтесь — более красноречивого молчальника, чем он, не встречал. Итак, в путь-дорогу. На поиски зарытого вами снаряжения. Считайте, что сейчас это клад бесценный...

— Да, я понимаю. Драгоценный клад. И я приложу все силы...

— А как же иначе? Решается ваша судьба. Прошу...

Тропинин поднялся с места, подошел к двери и пропустил впереди себя Захара Романовича. В кабинете капитана висела крупномасштабная карта района былого приземления Рубина. Красным кругом была обведена деревня Плетневка — место поиска...

Пока Тропинин готовился к экспедиции, Бутов погрузился в дела давно минувших дней. Вот они лежат перед ним, аккуратно подшитые, пронумерованные, пожелтевшие, тщательно оберегаемые. «Товарищ ЭВМ» уже успел сработать. Бутов листал доставленные из архива дела и одобрительно кивал: «Все пока правильно!»

...Справки на Брайткопфа, Квальмана.

Брайткопф, сын офицера, родился в 1910 году, окончил академию генерального штаба. Жена его — родственница небезызвестного Кальтенбруннера. На фронте возглавлял отдел абвера и был начальником диверсионно-разведывательной школы ЦС 273/В. Считался специалистом по вербовке агентов среди военнопленных. Брайткопфа характеризовали как разведчика умного, хитрого, с хорошей подготовкой. Начальство абвера ставило его в пример и не раз жаловало наградами.

...Помощник обер-лейтенанта Квальман. Невзрачная личность. В диверсионно-разведывательной школе ведал несколькими конспиративными квартирами, где жили и обучались

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—39.

А. ЗУБОВ,
Л. ЛЕРОВ

Рисунки И. УШАКОВА.

будущие агенты разведцентра. Других обязанностей у него не было.

Полковник тщательно изучил и хранившиеся в архиве так называемые фильтрационные материалы на Рубина и Воронцова. Но тут ничего нового. Какие-то малозначащие детали.

В той или иной форме архивные дела косвенно подтвердили многое из того, что еще вчера казалось сомнительным. Но подтвердили только до определенного рубежа: до того часа, когда гитлеровский агент с документами советского военврача Рубина был переброшен на нашу землю. Ну, а дальше — что делал, как вел себя, где был, вступал ли с кем в контакт и почему сразу не явился с повинной, а только сейчас? В какой связи находятся Сергей, Владик, Глебов, злополучная телеграмма и визит Егенса-Ивена? Случайно ли, что все эти события предшествовали решению Захара Романовича пойти в КГБ? Вопросов таких возникло множество.

А «товарищ ЭВМ», продолжая интересоваться операцией «Сократ», подбросил еще один вопросительный знак. Да еще какой!.. Захар Рубин фигурирует в протоколе допроса «медички» — иностранной студентки, в свое время учившейся в Московском медицинском институте и работавшей по заданию вражеской разведки.

«...— У вас в записной книжке на букву «Р» значится «Зах. Ром. Руб». Его телефон и адрес. Кто это?

— Доктор Захар Романович Рубин.

— Что вы можете сказать о нем?

— Он был в списке двадцати москвичей, на которых я представила шефу соответствующую разработку.

— Что входило в эту разработку? Вы помните?

— Да. Рубин был в плену. Бежал. Снова служил в Советской Армии. На фронте познакомился с будущей женой, актрисой, которая вскоре после войны умерла. Живет в одной квартире с приемной дочерью Ириной, студенткой. Длительное время он достаточно активно занимался частной практикой. Потом бросил. Переквалифицировался. Занялся наукой. Работает в научном институте специального назначения, проявил себя талантливым исследователем. Сейчас медики очень решительно вторгаются в сферу физиков, химиков, космонавтов... Рубин — один из таких медиков. У него большой круг знакомых. Жена ввела в дом актеров, литераторов. Они и после ее смерти — частые гости Рубина. А сам хозяин принадлежит к числу веселых, жизнелюбивых людей, которые, несмотря на свои годы, не потеряли вкуса ко всем земным благам...

— Где вы познакомились с доктором Рубиным?

— На его публичной лекции. Точнее, не с ним самим, а со студентом-медиком, который хорошо знал Ирину и ее близкого друга. Медик познакомил меня с ними... Так я вошла в дом Рубиных».

...Бутов попытался было найти какое-то продолжение линии Рубина в архивах контрразведки, но не нашел. И огорчился: «Жаль, жаль. А, пожалуй, могли бы и заинтересоваться... Впрочем, кто его знает — бывает ведь и так: агенту разведки человек показался заслуживающим внимания, а на поверку — пшик... Зря только тень бросили».

Поводов для огорчения у Бутова предостаточно... Сергей вылетел на сибирскую стройку. На какую, от какой редакции — еще неизвестно. Но странное совпадение: почти одновременно улетел из Москвы Владик. Попросил на работе несколько дней отпуска за свой счет — по семейным обстоятельствам — и улетел. И тоже в неизвестном направлении. Ирина еще у тетки. Тревожные прогнозы врача отпали, но она все еще в таком тяжелом состоянии, что пока не стоило бы с ней беседовать. Глебов мертв! Нити оборвались. Пока приходится довольствоваться докладом Михеева. Есть в нем небезынтересная деталь. Старушка, хозяйка квартиры, где жил Глебов, проявляла повышенный интерес к частной жизни своих квартирантов. Михеева она встретила несколько настороженно, а потом смахнула уголком платка слезу и со свойственной старым женщинам говорливостью стала рассказывать о Глебове всякую всячину. Человек он был общительный, зарабатывал много и деньгам счета не вел. А к деньгам деньги: как-то прилетел из Москвы и объявил, что по лотерейному билету «Волгу» выиграл. В Москву часто летал, мать у него там, старушка. Хотя сынок не очень-то уважительно говорил о ней: «Задержалась... Умирать старушенции моей пора».

О последних днях жизни Глебова она ничего, с ее точки зрения, примечательного сказать не может. Вот разве только звонок из Москвы. В конце апреля вечером, когда Глебова не было дома, звонил из Москвы какой-то Владик. Еще раз он позвонил в тот же вечер часов в одиннадцать. Старушка запомнила слова Глебова: «Не беспокойся. Обязательно встречусь с ней. Все будет, как условились»... Можно ли надеяться на память старушки и есть ли уверенность, что речь шла об Ирине? Ну, а если так, то в чем смысл свидания Рубиной и Глебова и кто кому передавал катушки с антисоветскими записями? Неясно... Глебов — Ирине?.. Вероятный вариант: хотел прощупать ее настроение. Но в таком случае Глебов действовал весьма топорно. Даже не верится.

Бутов ведет диалог с Бутовым, и Бутов напоминает Бутову: «А где же учет обстоятельств того времени — активизация контрреволюции в Чехословакии, ее ставка на молодежь? Противник пустил в ход все средства информации, а скорее дезинформации, его рации круглые сутки передавали «последние известия из Праги».

...В тот вечер генерал Клементьев и полковник Бутов долго обсуждали самые неожиданные и порой исключающие одна другую версии в поисках ответа на вопрос: кто он, доктор Рубин? Человек, который когда-то оступился и ныне честно пришел с повинной, или это враг, сбивающий контрразведку со следа? В любом варианте нити тянутся за рубеж, в штаб-квартиру одного из иностранных разведцентров.

Генерал счел нужным напомнить про английского «туриста», арестованного в Москве в тот самый момент, когда он по заданию иностранной разведки вручал «верному человеку» альбом, в который были запрятаны наборная касса миниатюрной подпольной типографии и письмо, адресованное лично «агенту»: «Вам присвоен персональный радиопозывной номер «У5У». Агенту вручили также инструкцию по приему и расшифровке кодированных передач и сам код. И пленку с текстами антисоветских листовок. И антисоветские брошюры. «Все эти брошюры, листовки,— показал на следствии английский «турист»,— предназначались для распространения среди молодежи. Но это только часть дела. Я вручил агенту адреса видных общественных и политических деятелей на Западе с такой инструкцией: проживающие в СССР люди, верные НТС, перепишут эти листовки и перешлют их по указанным адресам за рубеж, чтобы создать там впечатление, будто в СССР существует антисоветское подполье». Генералу Клементьеву, полковнику Бутову, советским контрразведчикам важно сейчас с максимальной достоверностью установить, какое место в этих планах иностранных разведцентров отведено тем, с кем их столкнули будни службы. Может, еще и не все «всплыло»? Может, затевается не только идеологическая диверсия? Ведь Захар Романович причастен к исследованиям весьма секретным...

«ЗРЯ ШУКАЕМ»

Солдаты работали весело, энергично. Знали, что ищут нечто необычное, хотя и не были посвящены в суть дела. Захар Романович указывал все новые и новые ориентиры. Берег реки... Спуск с моста... «Вон под той одинокой плакучей ивой...» Косогор... «Нет, нет, кажется, здесь, на опушке соснового бора...» И все безрезультатно. Тропинина ничем не удивишь, из себя не выведешь. Но и у него уже появлялось желание заставить этого лысого человека копать землю вместе с солдатами: «Заварил кашу, пусть сам и расхлебывает. А то все командует. Здесь ищите, там копайте».

Шел уже десятый час напряженных поисков, когда один из солдат, рывший землю с каким-то остервенением, положил лопату и сказал: «Умаялись, товарищ начальник. Может, отбой?..» Тропинин испытующе-вопросительно посмотрел на доктора: «Что скажете на сей счет?» Но доктор молчал, хотя всем своим видом взывал: «Умоляю вас, давайте еще попытаемся...» Тропинин молча взял в руки лопату и сам стал рыть землю. С точки зрения законов воинского воспитания ответ солдату был не из лучших, но должное впечатление произвел.

На следующий день на рассвете поиски возобновились. Но безуспешно. «Нема,— мрачно буркнул все тот же солдат.— Це и малому хлопцу ясно — зря шукаем...»

И хотя Тропинин, не проронивший за весь день ни слова, отбоя не давал и даже сердито поглядывал на солдата-скептика, Захар Романович окончательно сник. Грузный, устало обмякший, сидел он на обомшелом пне. Потом сказал: «Значит, все... Конец...— тяжело вздохнул и спросил Тропинина: — Вы тоже считаете бесполезным продолжать работу?»

Смотрел ли Тропинин, как работают солдаты или сам работал вместе с ними, он не переставал наблюдать за доктором. Ему нужно было уловить тончайшие оттенки настроения Захара Романовича, чтобы ответить себе, а потом Бутову на сложный психологический вопрос: действительно ли Рубин потрясен безрезультатностью поиска или же только ловко разыгрывает это потрясение, так как точно знает, что ничего он тут и не закапывал? «Скисли, Захар Романович?». «Скис». «Ну и зря!» Доктор неопределенно пожал плечами. «Двадцать пять лет прошло... Четверть века... Поймите же — человеческая память бессильна в поединке со временем. Я надеюсь, что это будет учтено...»

Тропинин ничего не ответил. Сложная психологическая коллизия сложилась на этой омытой весенним дождем земле! Нет, он, Тропинин, не берется дать однозначный ответ при всем своем искусстве в психоанализе. Так он и доложил по возвращении Бутову. Неизвестно, что там на душе у Рубина, о чем думает сейчас, на что надеется, но на лице его — мрачность и потрясение. Потрясение человека, хорошо понимающего, какое это серьезное основание для того, чтобы поставить под сомнение достоверность двадцати исписанных им страниц.

ДРУЖКИ

Не на все запросы Бутова «товарищ ЭВМ» ответила сразу... Инженер, словно извиняясь, заметил, что для оператора слишком скромны ис-

ходные данные. И все же он полагает, что сможет в какой-то мере помочь полковнику.

Когда Бутов уже перестал рассчитывать на ЭВМ, отыскались дела, в которых фигурировал Сергей. Его фамилию — Крымов — и скудные данные о нем Бутов дал инженеру, мало надеясь на успех. Но всякое бывает — вдруг да откликнется!

И вот «товарищ ЭВМ» откликнулся, да еще как!

...Дело Сергея Крымова вел Михаил Петрович Клюев. Бутов хорошо помнил этого одаренного чекиста, увы, рано ушедшего из жизни — тяжелая болезнь почек. Она-то, видимо, и помешала ему до конца проследить за судьбой Сергея. А жаль, очень жаль! Все могло сложиться по-другому. Конечно, сейчас ему, Бутову, легко рассуждать: «Упустили... Не довели до конца... Не уберегли парня...» А Клюеву-то каково было? И в конце концов КГБ не исправительно-трудовая колония, не интернат для трудновоспитуемых. И обстоятельства тяжко сложились. Бутов не уверен, что сумел бы сладить с этими обстоятельствами, окажись он на месте Клюева.

Ох, как все в жизни сложно, чертовски сложно вопреки всем логическим схемам!

...Сигнал тревоги подала Анна Михайловна Семенова, преподавательница английского языка в одном из московских вузов. Сумбурное ее письмо в милицию передали в КГБ, видимо, писалось оно под свежим впечатлением услышанного от сына, сводилось в конечном счете к немудрящей истории.

«Сегодня вечером Толик, мой сын, сказал мне, что имеется возможность легко решить проблему дубленки, о которой он мечтает целый год. Я спросила: «Каким образом?» Он ответил, что у его приятеля Сергея есть знакомый, который по сходной цене продает доллары, а на них уж запросто можно купить в соответствующем магазине «люксовую», как выразился Толик, дубленку. Я тут же накинулась на сына: «Ты с ума сошел, как можно даже думать о такой покупке?» Он снисходительно усмехнулся и сказал: «Мамочка, не я первый и не я последний его клиент». Я потребовала от Толика немедленно прекратить всякие связи с этой дурной компанией и припугнула, на ходу выдумав историю с покупкой долларов, печально закончившуюся для ее участников. Потом я стала расспрашивать о Сергее, о молодом человеке, предлагающем доллары. Старалась говорить как можно спокойнее, не дергать сына, старалась убедить его в том, что он шагнул на опасную дорожку, напоминала об умершем отце, кристально честном коммунисте, не признававшем никаких компромиссов с совестью. Но сын дерзко огрызнулся: «Предавать друзей постыдно. Так говорил и отец. Считай, что у нас не было никакого разговора». И, не пожелав далее объясняться, ушел.

Я пишу эти строки, оставшись одна со своими тревожными мыслями. В голове — хаос. На душе — невыразимая тяжесть и страх за сына... Боже мой, что с нами будет?! Не стану скрывать — первое, о чем я подумала: никому не рассказывать об этом разговоре. Но потом, после долгих размышлений, во имя любви к сыну я решила обратиться к вам... Не трогайте Толика, но удержите его от... Даже не знаю, от чего его надо удержать... Спасите Толика, но не трогайте его. Это все, что осталось у меня после смерти мужа... Как спасти и не трогать? Я не знаю... Вы лучше знаете...»

Анатолия «не тронули». Выяснилось, что на вечеринку он попал случайно, с компанией Сергея не был связан. Но с самим Крымовым находился в отношениях дружеских. Однажды на улице, встретив парня в роскошной дубленке, Толя сказал Сергею: «Эх, мне бы такую! Деньги родительница даст». Сергей тут же среагировал: «У меня сегодня народ соберется. Приходи. Познакомлю с одним... По части дубленок — дока... Да и не только дубленок. Зелененькими балуется». Но, увы, «дока» на вечеринку не пришел. Сергей — он уже изрядно «нагрузился» — стал успокаивать Толика: «Ты не расстраивайся, друг. Готовь эквивалент, а я сам тому деятелю вручу...»

В КГБ Анатолию не сказали, что сигнал получен от матери. «Пришло письмо от одного из участников вечеринки». Беседа была долгой. Парень понял, что к чему, куда катился... Вопрос о Толике вскоре был снят.

С Сергеем все оказалось куда сложнее,— этот, кажется, шагнул уже далековато...

Вызванный в КГБ, студент Сергей Крымов сначала держал себя довольно уверенно, даже несколько дерзко. Отвечал на вопросы коротко: «да», «нет», «не помню», «не знаю». Или же молча пожимал плечами — дескать, понятия не имею. Упрямство он выдавал за характер, и Клюев терпеливо искал тот самый заветный ключик, что помогает чекисту, как и педагогу, проникнуть в душу человека, в мир его противоборствующих чувств, мыслей. Но, увы, «ключик», словно призрак: мелькнет и исчезнет. И тогда Клюев повел разговор на суровой ноте.

— Вы представляете, чем это все может кончиться для вас?

Сергей ухмыльнулся и, не глядя на Клюева, сказал:

— На лекции по истории партии нас знакомили с решениями о ликвидации последствий культа личности. Я полагаю, что эти решения еще никто не отменял...

— Так же, как никто не отменял уголовный кодекс... Пусть это запомнит молодой человек, не очень глубоко разбирающийся в существе решений партии...

Клюев сказал это спокойно, в упор глядя на слегка растерявшегося Сергея.

— Вы поняли смысл сказанного мною?

Сергей молчал.

— Вы не хотите отвечать? Или вам не все ясно? Ну что же, не будем спешить. Дадим вам время на раздумья. Вам придется задержаться здесь...

И Сергея Крымова увели в камеру.

На следующий день в КГБ явился Вячеслав Владимирович Синицын, доктор технических наук, руководитель отдела одного из институтов электронной промышленности.

— Мне сказали, что вами арестован мой племянник, студент Сергей Крымов.

— Это не совсем так,— ответил Клюев.— Будем более точны... Закон есть закон. Мы вынуждены были задержать Сергея Крымова с санкции прокурора. Однако я надеюсь, что сегодня или завтра он вернется домой. Если вы поможете нам...

Бутов внимательно читает запись беседы Клюева с Синицыным. Человек в летах, Синицын, однако, по долгу службы часто выезжал на специальные объекты. И тогда дома оставался племянник, в чье распоряжение почти бесконтрольно поступала не только квартира, но и дядюшкины деньги — они лежали в секретере, и счет им в этом доме не вели.

Сергей, сын старшего, горячо любимого Синицыным брата, остался сиротой... Брат погиб в самом начале войны, а вскоре умерла и мать Сергея. Четырехлетний мальчик оказался на захваченной гитлеровцами территории один, без родственников. Но пропасть ему не дали, ибо не бывает для русских женщин в такое грозное время «чужих» детей — одна из них и приютила его. Правда, слишком уж многое к тому времени пережил мальчик — он заикался, страдал эпилепсией.

После войны Синицын тоже оказался одиноким и разыскал племянника в интернате. Там он был записан Крымовым. Говорили, что это фамилия женщины, которая приютила мальчика во время оккупации. Так он и остался Крымовым.

Синицын увез Сергея в Москву и поднял на ноги чуть ли не всю медицину. С приступами и заиканием было покончено начисто, но нервишки остались никудышными. В школу мальчик пошел года на три позже обычного, что послужило причиной его больших душевных переживаний. Но в общем-то все обошлось с минимальными потерями.

В школе Сергей учился хорошо. Был редактором стенгазеты, в которой частенько публиковал свои стихи. Увлекался автоделом и в десятом классе получил любительские права. Приняли его в комсомол, стал активным общественником. С детства был он парнем компанейским. Еще в школу не пошел, а уже появился у него приятель — Владик. Дружба эта была пронесена через все школьные годы, хотя, по уже упомянутым причинам, учились они в разных классах.

О Владике Синицын рассказывал Клюеву нехотя да и не очень одобрительно. А вот об Игоре Крутове — горячо и даже чуть-чуть восторженно. В школе он стал закадычным другом Сергея. Комсорг, большой душевной чуткости парень, спортсмен.

Но вот, так сказать, на сцене появляется Зося... Красавица! Правда, старше Игоря. Он школу кончал, а она уже студентка.

— Я все о них знал,— рассказывал Синицын.— Нет, не от Сергея. Племянник не любил говорить о школьных делах. Игорь исповедовался мне... Как на духу. Не знаю, чем был обязан. Так вот, слушаю я душеизлияния Игоря и деликатно напоминаю ему: «Сейчас, братец, не до амуров. Экзамены в вуз — дело нешуточное...» Однако не послушался меня. И провалил. А Сергей поступил. На экономический. Сначала в МГУ на журналистский факультет экзамен держал. Два очка не добрал. Очень переживал — у него, кажется, действительно есть склонность к журналистике... А Игорь не унывал: «Эка беда. После армии снова экзамены держать буду». Провожать Игоря в армию молодежь собралась у нас. Выпили. Игорь подсел ко мне и говорит: «Я, дядя Слава, догоню их... Обязательно догоню. Армия — это знаете, какая школа — во! Демобилизуюсь — и в вуз. Только раньше женюсь. Будешь ждать меня, Зосенька?»

Зося покраснела, потупила зеленые глазки и, ни слова не говоря, ласково провела рукой по голове Игоря. Было уже за полночь, когда молодежь разошлась по домам. Сережа пошел провожать Крутова. Вернулся он домой хмурый, и тогда у меня с ним был первый трудный разговор,— первую, как говорят металлурги, коррозию приметил я...

Синицын умолк, лицо его выражало усталость и подавленность. Он сидел перед Клюевым, полузакрыв глаза, и, видимо, обдумывал, как бы это точнее передать житейский смысл сугубо технического понятия: «Коррозия... Душевная ржавчина...»

...В ту ночь он впервые встревожился: откуда это у Сергея? Озлобленность... Скепсис... И вспомнил где-то прочитанное: «Злобные слова иногда рождают злобные деяния».

Вернувшись домой, Сергей зашел к дяде в кабинет. Тот не спал, ждал племянника. Хотелось поделиться с ним впечатлениями. Дяде очень понравился Игорь и не очень — Зося. Сам не знает почему. Но племянник слушал рассеянно. Ему самому, видимо, нужно было что-то сказать. Он начал издалека. «В наш суровый век такие, как Игорь, или вовсе пропадут, или будут прозябать. «Караси-идеалисты» всегда гибнут. А уж нынче и подавно». Синицын вначале не понял — к чему это? Но вскоре Сергей стал изъясняться более конкретно. Оказывается, отец предложил Игорю вариант, освобождающий его от призыва на действительную службу в армии. Завтра же он определит его к приятелю в специальное КБ, работники которого получают броню. А через месяц, если Игорю не понравится работа, он может уйти и заняться подготовкой в вуз. Сын вместо того, чтобы поблагодарить отца, гневно обрушился на него: «Как же тебе могла прийти такая дикая мысль, папа? Неужели ты воображаешь, что я пойду на сделку со своей совестью?» Отец ответил ему коротко: «Глупец и фанфарон». И больше разговаривать с сыном не стал.

— А ведь он действительно глупец и фанфарон,— возмущался Сергей.— Армия, говорит,— это тоже вуз... Ну, что ты скажешь, дядя?— Сергей ждал поддержки, но Синицын угрюмо молчал. Потом спросил: «А ты, как бы ты поступил?» Сергей усмехнулся и, не задумываясь, ответил: «Меня бы такой вариант устроил». И немало удивился, когда дядя сказал «Жаль. Не ожидал от тебя такого. Отец твой придерживался иных принципов».

Объяснение у них было бурное. Синицыну показалось, что он сумел переубедить племянника: по жизни шагать надо так, как шагает Крутов! Увы, он поздно понял: племянник просто смолчал тогда, не считая нужным спорить еще с одним «карасем-идеалистом».

...Синицын, находясь в командировке, занемог, и в самый разгар испытания новой аппаратуры ему пришлось покинуть комбинат. В Москву он прилетел вечером. Часов в одиннадцать переступил порог своей квартиры и ахнул — пьяная оргия. Никто не услышал, как Вячеслав Владимирович открыл дверь, снял плащ в передней, поставил чемодан. Растерянный, безмолвно стоял он в прихожей, прислушиваясь к тому, что происходит в большой комнате. Полуобнаженная девица, вскарабкавшись на стол, держала в руках бокал с вином и пела дрянным, визгливым голосом. Гости кричали: «Браво, детка!», «Браво, Ксана!» — и скандировали: «Лей вино, пей вино!» Потом послышались голоса двух спорящих о чем-то молодых людей, и Синицыну показалось, что один из них, долговязый, не очень уверенно изъяснялся по-русски. Он что-то витиевато говорил о власти технократии и извечной силе частной инициативы. И о том, что в прочно сложившемся обществе застрельщиком перемен ныне всегда бывает молодежь, что в наши дни студенты во всем мире считают себя ответственными за будущее, жаждут бурной деятельности, занимая при этом позицию «анти»: они — антифашисты, антиимпериалисты и антикоммунисты... И тут же рассказывал о какой-то студенческой лиге в Америке, объявившей себя «Третьим мировым фронтом освобождения».

Синицын, человек образованный, разбиравшийся в тонкостях ловко закамуфлированных теорий антикоммунистов, сразу понял, что рассуждения о студентах — «застрельщиках перемен» только присказка, а сказка впереди. Вячеслав Владимирович хотел тут же, при всех устроить племяннику «баню», но совладал с собой и, войдя в столовую, громко — шум стоял страшный — объявил: «Я попросил бы молодых людей немедленно удалиться из квартиры, хозяином которой является ваш покорный слуга». И показал рукой на дверь...

С племянником он разговаривать не стал, лишь на ходу бросил: «Протрезвись, проспись... Тогда и объяснимся».

Объяснение состоялось на следующий день... Сергей ершился, отбрыкивался, дерзил, говорил, что он уже вырос из коротких штанишек и волен встречаться с кем хочет, что ему противна сама мысль о подчинении его «я» каким-то условностям, законам общества, в котором подавляется воля индивидуума. Вячеслав Владимирович резко прервал Сергея и спросил:

— Кто тот молодой человек, чью речь о власти технократов я имел удовольствие слушать?

— Слушать или подслушивать?— спросил племянник.

Синицын ответил племяннику звонкой оплеухой.

— Сопляк! Я бы отдал десять лет жизни, чтобы не слышать и не видеть все то, что я слышал и видел вчера вечером... Я снова спрашиваю тебя: кто этот молодой человек?

— Аспирант... Занимается в аспирантуре университета...

— Дальше, дальше... Кто он? Откуда? Что у вас общего?

— Он иностранец. Учится в Московском университете в порядке культурного обмена. На законном основании... Ты против моих встреч с иностранным студентом, так, что ли?

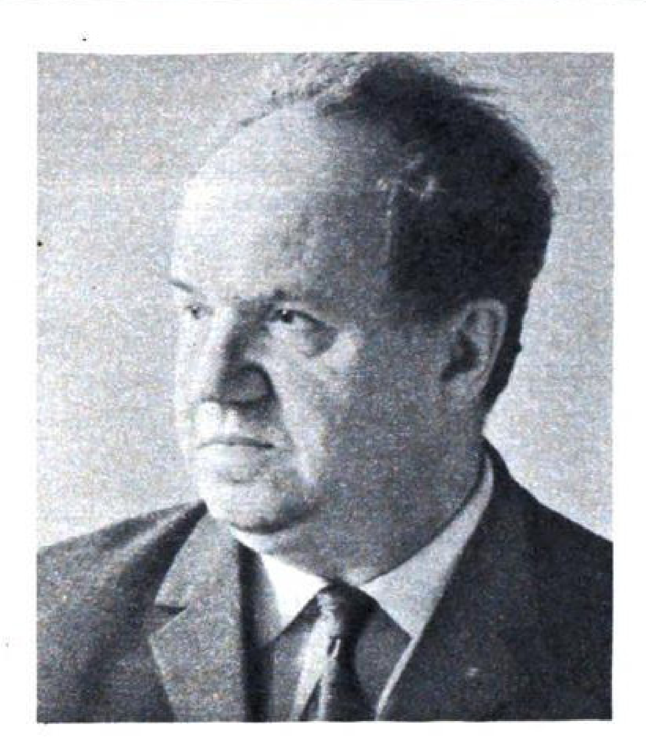
— Или ты прикидываешься дурачком, или ты действительно глупец? Я знаком со многими иностранными специалистами, отношения у меня с ними добрые и деловые. Но этот твой знакомый, мягко выражаясь, скользкий тип. Я слышал, как он разглагольствовал. И вся эта гнусная обстановка...

Вячеслав Владимирович поднялся с кресла и, заложив руки за спину, зашагал по комнате. Потом подошел к Сергею и сказал:

— Ты, вероятно, не очень четко представляешь, насколько несовместимы твои странные знакомства с моим образом жизни. Наконец, характер, место моей работы... Тебе наплевать на все. Так вот что, Сергей... Святой долг перед памятью старшего брата обязывает меня продолжать терпеть твое присутствие в моем доме. Но я категорически запрещаю приводить сюда кого бы то ни было. Ясно? И если еще раз... Я вышвырну тебя вместе с твоими нечистоплотными друзьями на улицу...— Лицо его побагровело и... Многое хотел тогда сказать племяннику Вячеслав Владимирович, но сказать не смог: он задыхался, ему не хватало воздуха, на лбу выступили капли холодного пота.

...Через час его отвезли в больницу с тяжелым приступом стенокардии.

Продолжение следует.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ЖУКОВА

1929 год. Саратов. Художественно-промышленный техникум. Здесь я впервые познакомился с Колей Жуковым — крепким, кудрявым парнем в синей косоворотке. Он уже тогда поражал всех нас своей неуемностью к труду, любовью и преданностью искусству. Помню, как в литографской мастерской, где он работал, я шлифовал ему тяжелые литографские камни, на которых позже, словно чудом, возникали необъятные волжские просторы, яркие, колоритные портреты, глубокие, интересные композиции.

Мы любили Волгу, часто ходили на берег любоваться могучей русской рекой, писали этюды. Уже в ту пору Жуков обладал удивительно верным глазом и твердой рукой рисовальщика-реалиста. Часто рассказывал мне во время прогулок, с какой страстью он копировал картины Перова, Касаткина, Владимира Маковского и каким откровением для него была Третьяковская галерея. Еще учась в Саратовском техникуме, Николай Николаевич создал серию острых политических плакатов, посвященных боевой тогда теме — коллективизации. За эти свои работы он получал первые премии.

Вот эта политическая зрелость, умение отразить в своем творчестве острую, злободневную тему не оставляли его всю жизнь. До последнего дня Жуков — это художник-боец, коммунист, отдавший всего себя безраздельно делу партии Ленина.

Никогда не забудутся его блестящие графические листы, посвященные жизни и деятельности Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Эти работы сразу заставили говорить о мастере как об одном из ведущих графиков нашей страны. За эти композиции он был удостоен Государственной премии.

Во время Великой Отечественной войны Николай Николаевич создал серию работ, в которых отразил пафос и героизм тех незабываемых лет. В 1943 году Жуков возглавил студию военных художников имени М. Б. Грекова, которой он руководил со свойственной ему страстью и полной отдачей сил. Трудно переоценить общественную деятельность художника-патриота. Мне довелось не раз работать с Жуковым в жюри конкурсов и всевозможных комиссиях, и неизменно я был потрясен его энергией и доброжелательностью к людям, к художественной молодежи.

Жуков был замечательным человеком. Он любил жизнь, детей, цветы, солнце, и все это нашло свое выражение в необъятном потоке его жизнелюбивых, светлых работ.

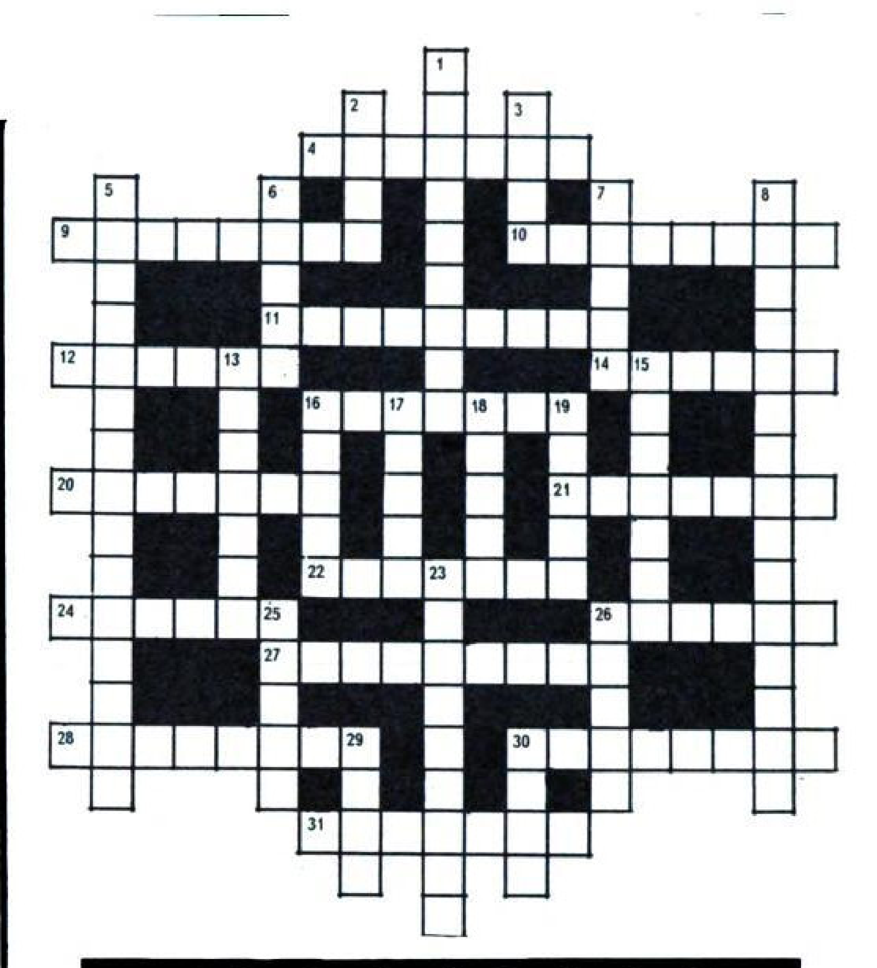
Сколько сердечного тепла вложил мастер в свои этюды, посвященные малышам, их нехитрым забавам, маленьким огорчениям и радостям!

...В эти дни, когда мы прощаемся с нашим большим другом и товарищем по искусству, памятником его живому, неугасимому таланту служит выставка его замечательных работ, посвященных Владимиру Ильичу, открытая в Музее В. И. Ленина.

Лениниана Жукова — подвиг всей его жизни. Это сотни великолепных рисунков, эстампов, акварелей, в которых перед нами предстает великий вождь Октября. Благодарные потомки будут вечно признательны Жукову за этот титанический труд.

Творчество Николая Николаевича Жукова, народного художника СССР, члена-корреспондента Академии художеств СССР, дважды лауреата Государственной премии СССР, навсегда войдет в золотой фонд искусства социалистического реализма.

Александр КИБАЛЬНИКОВ,
народный художник СССР, лауреат Ленинской премии

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Дерево или кустарник среднеазиатских пустынь. 9. Порт в Канаде. 10. Надстрочный знак. 11. Русский архитектор XVIII—XIX веков. 12. Рыба семейства осетровых. 14. Запаянный сосуд для хранения лекарств. 16. Картина И. С. Остроухова. 20. Денежная единица Венесуэлы. 21. Старинный способ морского сражения. 22. Теплое течение Тихого океана. 24. Персонаж романа И. С. Тургенева «Рудин». 26. Приток Дуная. 27. Сорт яблок. 28. Раздел механики. 30. Первый ярус в зрительном зале. 31. Деталь штампа для обработки металла.

По вертикали: 1. Пьеса М. Горького. 2. Русский писатель, языковед, этнограф. 3. Государство в Центральной Америке. 5. Газетно-журнальный жанр. 6. Кондитерское изделие. 7. Метрическая мера веса. 8. Советская научная антарктическая станция. 13. Город в Польше. 15. Опера-сказка М. И. Красева. 16. Пушной зверек. 17. Немецкий композитор и дирижер. 18. Загадка. 19. Штат в США. 23. Сторона геометрической фигуры, перпендикулярная высоте. 25. Роман М. Ю. Лермонтова. 26. Перевязочный материал. 29 Поэт — певец и музыкант у кавказских народов. 30. Автор поэмы «Двенадцать».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали: 5. Достоевский. 8. Реплика. 9. Кафедра. 10. Монета. 12. Какао. 14. Мисхор. 18. Барельеф. 19. Дождевик. 20. Севастополь. 23. Аристарх. 24. Зеравшан. 25. Рязань. 26. «Степь». 29. Монтаж. 32. Брезент. 33. Изразец. 34. Университет.

По вертикали: 1. Эскиз. 2. Помада. 3. Свекла. 4. «Скифы». 6. Перепел. 7. «Орестея». 11. Оранжерея. 13. «Крестьяне». 15. Олимпиада. 16. Четверг. 17. Водолей. 21. Эскадра. 22. Квинтет. 27. Тютчев. 28. Прииск. 30. Кения. 31. Друть.

На первой странице обложки: В. Я. ШИШКОВ (к 100-летию со дня рождения).

На последней странице обложки: Братск растет.
Фото А. Хамзина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 10/IX-73 г. А 00123. Подп. к печати 25/IX-73 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0 Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2150. Тираж 2 150 000 экз. Заказ № 1098.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Н. ПАВЛОВА,

фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Что больше всего запомнилось в Ангарске, так это «Синяя птица» — один из самодеятельных коллективов Дворца культуры нефтяников, где школьники самых разных возрастов объединены общим, сплачивающим их интересом к творчеству особому, злободневному, живо откликающемуся на все, что происходит вокруг. В самом деле, «Синей птицей» именуется не детский театр, а нечто более мобильное, оперативное, деятельное и своеобразное. Тут объединяются, быть может, не столько даже актерские наклонности ребят, сколько их общественные интересы — активное стремление рассказывать людям о жизни, по-своему участвовать в ней.

Много лет возглавляя детский сектор Дворца культуры, Мария Михайловна Карнаухова, человек, неутомимый на выдумку, инициатор всевозможных хороших начинаний, считала «Синюю птицу» своим любимым детищем. И не удивительно. На счету у этой энергично работающей, прямо-таки летучей агитбригады все новые и новые концерты, программа которых всегда содержательна и остроумна.

С неизменным успехом проходят эти концерты и в школах и на предприятиях Ангарска. Часто приглашают «Синюю птицу» выступить на полевых станах, в подшефных селах...

Мы побывали у «Синей птицы», когда шла подготовка к очередной поездке. Все участники будущего концерта увлеченно репетировали: читали стихи, пели веселые частушки, танцевали.

Нам показалось во всем этом что-то необычное. Такое, что заставляло думать о незримых, скрытых связях милых и славных ребят «Синей птицы» с юными романтиками первых лет революции — синеблузниками двадцатых годов. Но ведь это еще и молодость нашей страны, нашей Земли, люди будущего века. Кстати сказать, они поэтому и решили именоваться «Синей птицей», что окрылены мечтой о завтрашних днях, насыщенных чудесами, которые станут их собственным реальным делом.

Поочередно — все до единого — ребята ведут дневник бригады — оригинальную летопись своего творческого бытия. Тетрадки эти интересно читать еще и потому, что ни одна запись не похожа на другую. Здесь непосредственное, искреннее описание впервые возникающих «актерских» эмоций — радости и огорчения встреч со зрителями; новые замыслы, планы и свершения; строчки рождающихся стихов — все, что стало нужно и дорого коллективу юной агитбригады. А главное, что найдено, создано и пережито вместе.

Поет Наташа Арцыбасова.

Мушкетеры.

Галя Поппель.

«СИНЯЯ

Литературная композиция «Наш город».

«Урожай».

ПТИЦА»

Умные «цифры»...

Ира Климова.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663